ЭСМИРА ИСМАИЛОВА

НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

СТАМБУЛ В РЕЦЕПТАХ,
ИСТОРИЯХ
И КРИКАХ ЧАЕК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аромат турецкого кофе, хрусткий симит на набережной района Ортакёй, крик чаек над лабиринтом рыбного рынка, – Стамбул, единожды запавший в душу, не отпустит никогда. Дебютная книга Эсмиры не просто гид по красивым местам города и не еще один кулинарный путеводитель – это история о том, как познать стамбульский кейф, научиться никуда не спешить, наслаждаться янтарным менеменом на завтрак, маленькими глоточками пить тюрк кахвеси с послевкусием корицы и кардамона, следить за вальсом чаинок в тюльпанообразном бокале и вдыхать полной грудью запах Босфора и гранатового сока. Книга о рецептах, которым не одна сотня лет, о людях, чьи истории так и просятся на страницы романа, о бесконечно красивом городе на берегах Босфора.

- Эсмира Исмаилова
  -
  - Пролог
  - Дружеское рукопожатие (вместо предисловия)
  - Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши
  - Загадочный кейф с ароматом свежезаваренного кофе
  - Романтическое утро в фахверковом Бебеке
  - Детективная история в апельсиновом городе
  - Не называйте меня «ябанджи», или Турецкий язык с французским акцентом
  - Стамбульская меланхолия
  - Дорога в Шиле, или Как мы искали маяк
  - Пера. 411-й номер свободен?
  - Три беды стамбульских мужчин, или Что думают о них стамбульские женщины
  - Стамбул в витрине антикварной лавки
  - Знакомство с графом Плещеевым на Гранд-рю-де-Пера
  - 9:05
  - Свидание в холодном Стамбуле, или Как завести любовника в этом городе
  - 7 жизней и одна из них в Стамбуле. Кошки
  - Магический круг жизни, или Последнее предсказание Румели
  - Что я узнала о стамбульском кейфе (вместо послесловия)
  - Список рецептов, размещенных в этой книге
  -

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

Эсмира Исмаилова
На берегах Босфора: Стамбул в рецептах, историях и криках чаек / Эсмира Исмаилова

Посвящается двум очаровательным девочкам, которые неустанно следовали за мной по бесконечным улицам шумного города и успокаивали каждый раз, когда я жаловалась на дурное настроение;

студенту Шади, открывшему тайну своей семьи и, за упоминание его имени в этом посвящении:

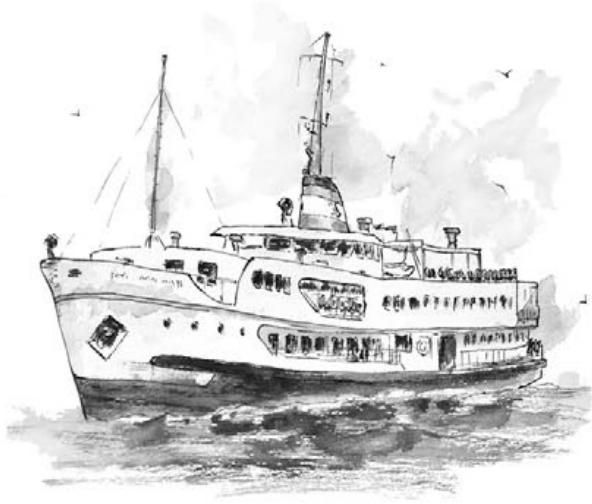
понимающему Дипу, который поддерживал меня в непростой период злополучного карантина, ежедневно приводил в чувство турецким кофе и научился засыпать под стук клавиш моего ноутбука:

и, конечно, невероятному Стамбулу, подарившему новую жизнь…

Gürültülü bir şehrin bitmek bilmeyen sokaklarında beni yorulmadan izleyen, şikayet ettiğim her an yanımda olan iki muhteşem kıza, hitapta adını geçirmem için bana aile sırrını ifşa eden öğrenci Shadi'ye. talihsiz karantina sürecinde benden desteğini esirgemeyen, her gün Türk kahuesi ile beni hayata döndüren ve laptopumun klavye sesi ile uyumayı öğrenen Dip e. ve tabii ki bana yeni hayat bahşeden İstanbul'a…

Посвящение на турецком языке.

© Э.Исмаилова, текст, фото, 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2020



Пролог

Еще в детстве я часто видела сны об опустевших городах, в которых одинокий ветер насвистывал тоскливую мелодию скрипучими ставнями да перекати-поле бессмысленно кружили по заброшенным улицам. «Это всего лишь сон…» – успокаивала я себя по утрам и мгновенно забывала апокалиптические видения.

Последний год я провела в очаровательном Стамбуле, раскинувшемся пологими холмами на двух континентах, разрезанных причудливой лентой быстроводного Босфора. Стамбул никогда не спал, чем очень походил на меня, вечно мучимую бессонницей: он будил на рассвете протяжными гудками проходящих пароходов; позже его будоражили переливы печального азана; все утро он звенел голосами уличных продавцов симитами и сырной ачмы, а ближе к полудню город наполнялся шумными толпами неугомонных туристов, чьи голоса сливались в единый пронзительный гул, от которого даже голуби в испуге взлетали над площадью Султанахмет. После обеда Стамбул начинал готовиться к традиционному ужину: из распахнутых окон доносился перезвон медных сотейников, в которых тихо ворковало топленое масло с нежной мякотью свежих артишоков. Торговцы из рыбной лавки зазывали спешащих прохожих за остатками потрошеной рыбешки хамси. «Üç günlük dünya!»[1] – кричали они и тут же захлопывали вековые ставни крохотных магазинчиков, чтобы успеть домой к ужину, приготовленному заботливыми мамами – «анне». Постепенно вечерний Стамбул медленно погружался в прохладные сапфировые ночи: он то и дело хлопал дверями нескончаемых ресторанов и забегаловок, дымил папиросками в тонких пальцах богемных красавиц, одурманенных сладковатыми парами анисовой настойки. Даже далеко за полночь этот город продолжал праздновать и балагурить: сытые и оттого счастливые кошки заводили протяжные песни под окнами моего дома. Напевшись вдоволь, они уступали сцену беспечным чайкам, которые до самого рассвета бесцеремонно кричали на крышах: птицы немыслимым образом подражали человеческим интонациям, чем вынуждали сонных стамбульцев то и дело выглядывать на крохотные терраски уютных османских квартир.

Я наслаждалась оживленной стамбульской жизнью, но внезапно все изменилось. Город, не знавший тишины, в один

мартовский день попросту замолчал – так нелепо и неестественно. Новость о карантине моментально разлетелась по многочисленным районам мегаполиса. Я просидела две недели дома, после чего отправилась на разведку: ну как поверить в то, что Стамбул может так просто уснуть? Но город действительно спал. Когда-то оживленные проспекты теперь походили на тоскливые картинки из моих кошмаров. Исчезли пробки из нескончаемых верениц автомобилей, и миллионы людей на улицах бесследно растворились… Я не верила глазам и, спрятавшись под стерильной маской, мелкими перебежками добралась до набережной Ортакёй. Мечеть Меджидие все так же парила над шумными водами Босфора. Напуганные тишиной голуби скромно жались к гигантскому платану, не находя добросердечной старушки с семечками на ее привычном месте. Ресторанчики, из которых еще недавно на всю округу разносился пряный запах запеченного кумпира, одиноко стояли, обклеенные лентами ядовитого желтого цвета: ЗАКРЫТО.

Огромный город, будто разоренное гнездо, зиял темными окнами пустых отелей, задраенными дверями ресторанов; он пугал пустыми дорогами, по которым лишь изредка пробегали своры одичавших собак. Отвыкшие от людей, кошки, завидев меня, высовывали из укрытий грустные морды и долго провожали тоскливыми взглядами.

Вскоре все усложнилось комендантским часом: выходить на улицу было запрещено под любым предлогом, и вот тогда я решила во что бы то ни стало воскресить в своей памяти

прекрасный город, подаривший мне двенадцать долгих месяцев, научивший любить и ценить жизнь при любых обстоятельствах. Я смахнула пыль с розовой крышки ноутбука и унеслась в будоражащие воспоминания. Терпкие нотки турецкого кофе по утрам подогревали предвкушение новой встречи с любимым городом, разлуку с которым выносить было все труднее и труднее. Я с нетерпением ждала тот день, когда прекрасный Стамбул вновь умоется прохладным утренним дождем и после, свежий, распахнет свои объятия в тени разросшихся акаций и платанов.

Стоило подойти к рабочему столу, как гигантские чайки тут же слетались на парапет у окна и терпеливо следили за каждым моим движением. Иногда они напоминали о забытых эпизодах нежным гортанным воркованием – кому как не им, вечным преследователям блуждающих, знать всю правду?.. Я внимательно слушала и записывала все точь-в-точь, как надиктовывали эти белокрылые создания. А Стамбул, словно погруженный в летаргический сон, готовился к внезапному пробуждению – по крайней мере, я в это верила всем сердцем…

Дружеское рукопожатие (вместо предисловия)

8 февраля, 2019. Стамбул

Горячие каштаны под февральским снегом. – Неожиданная встреча с НИМ. – Безупречный костюм сафари и песни цикад. – Кризис среднего возраста. – Неожиданное знакомство во дворике мечети Шишли.

Этот удивительный город, полный роскоши и достопримечательностей, которых хватило бы на семь сказочных королевств, встретил меня запорошенными улицами и озябшими прохожими. А говорят, в Стамбуле не бывает снега… По старой детской привычке я сделала несколько шагов и обернулась, чтобы посмотреть на собственные следы, но кто-то высокий в сером

пальто успел пройти по ним. Кругом были люди: спешащие по делам, курящие у подъездов домов, продающие горячие каштаны…

Я быстро протянула десять лир громкоголосому торговцу – и вот заветный кулек из коричневой бумаги у меня. «Носом нюхай». – Показывает худощавый продавец Ахмет (конечно, его имя я узнаю гораздо позже), манерно закатывает глаза и так типично для южанина цокает языком и прищелкивает пальцами. Опускаю нос в бумажный пакетик – и тут же оказываюсь на вершине маленького, но все-таки блаженства: как тепло! А аромат!

Запах каштанов в этом городе прижился так же хорошо, как запах тушеной капусты в детском саду или сосисок с овсянкой в школьной столовой. Каждый дом пахнет тем, чем больше всего любят лакомиться его обитатели. И чем дольше они в нем живут, тем прочнее этот запах оседает на выцветших флизелиновых обоях, густой драпировке тяжелых портьер и винтажных дивандеках, призванных сохранять свежесть обивки кресел, которую никто никогда не видел и вряд ли помнит, какого она цвета.

Я шла и с трудом счищала закоченевшими пальцами горячие угольки, приправленные свежими снежинками, только что упавшими с неба. Впереди показался Марриотт, чья верхушка терялась в снежном молочном вихре. Мне – туда.

Еще пару месяцев назад я сидела в любимом кафе в Ташкенте, потягивала шпинатно-яблочный смузи (идея сбросить лишние пять килограммов никогда не оставляла меня) и щурилась под мягкими лучами осеннего солнца. Было по-настоящему хорошо в том далеком уголке Центральной Азии, куда меня однажды забросила судьба, даже не поинтересовавшись о моем желании. А случилось все так…

История, которую, наверное, уже можно назвать историей моей жизни, началась с мимолетного взгляда на НЕГО на одном из дипломатических приемов в небольшом, но очень милом городе Минске. ОН, в свою очередь, задержал на мне взгляд на неприлично долгие три минуты, что в итоге и привело нас к алтарю (так обычно пишут в романах, мы же, конечно, отправились в районное отделение загса), где успешно скрепили обоюдное согласие не расставаться ни при каких обстоятельствах изящными росчерками под звуки Мендельсона в соседнем зале.

– Хорошо, что не заказали торжественную часть, – сказал ОН на выходе. – Все равно музыка была слышна…

В тот момент хотелось верить, что эта нарочитая

практичность приведет нашу семью к устойчивому будущему, и так я считаю до сих пор.

ОН оказался дипломатом в хорошо известной международной организации, забрасывающей своих сотрудников в самые невероятные уголки мира, чтобы те решали проблемы голода и малярии на местах. Тогда эта благородная миссия казалась безумно романтичной.

> Я представляла себя в безупречно сидящем костюме сафари в далекой экзотической стране, где непременно жаркое солнце, лазурное небо и добродушные местные жители, которым мы помогаем выживать под песни цикад и шум океанического прибоя.

Возможно, на мои мечты с явным колониальным привкусом повлиял популярный в то время фильм Норы Эфрон «Джули и Джулия: Готовим счастье по рецепту» – сейчас уже сложно сказать. Главное, я дала согласие международному дипломату (которого мои подружки нежно окрестили Дипом) следовать за ним по пятам, куда бы нас ни забросила его карьера.

Последние пять лет мы провели в самом сердце Центральной Азии. Это были пять долгих лет, подаривших море незабываемых

впечатлений. Первый год я училась дышать в узбекскую чиллю, когда столбик термометра приближался к отметке 50 градусов по Цельсию; затем я погрузилась в глубины узбекской кухни, скрупулезно изучив все этапы приготовления плова, мантов, ачик-чучука и чак-чака; потом я вернулась к писательству и наконец закончила когда-то начатые рукописи. И только после всего этого меня накрыла настоящая депрессия, о которой прежде я читала только в книгах.

– Кризис среднего возраста. Бальзак. – Со знанием дела заявил Дип, за что был лишен домашних ужинов на целую неделю. А я продолжала глубже и глубже постигать все тонкости эмоционального расстройства, которое меня скоро привело к хронической бессоннице и взявшейся невесть откуда аэрофобии.

Каждое утро, замешивая омлет с сыром, я удрученно думала о том, как смешны теперь мои красные дипломы о высшем образовании (а было их целых три!), и даже несколько раз порывалась их сжечь, но никогда не находила спичек, хотя они всегда лежали в правом дальнем углу верхнего ящика комода. Теперь мне кажется, что та депрессия была сродни спектаклю, в котором я отвела себе главную трагическую роль, славно срежиссированную мной же. И пока все домашние старательно пытались понять мое состояние, нам пришло очередное письмо о новом месте службы.

* * *

Стамбул… Тогда я вряд ли понимала, что несет с собой эта долгосрочная командировка. Я просто погрузилась в рутинные сборы багажа и томные вечера трогательных прощаний с самым уютным садиком на планете, который мне удалось разбить в условиях субтропического климата солнечного Ташкента.

> За годы скитаний мы обросли двумя дочерьми, антикварным пианино Petrof, ста пятьюдесятью коробками личных вещей и несметным количеством чемоданов, с трудом поместившихся в микроавтобус, встречавший нас в аэропорту Ататюрка.

И вот теперь я брела по незнакомым улицам совершенно чужого города, не понимая ни слова из задорных выкриков уличных торговцев. «Неужели это судьба, которую нужно принять?» – думала я, не находя в себе ни сил, ни желания на очередное погружение в дикий мегаполис, соединивший в себе десятки культур, прошедший путь великих цивилизаций, не

покорившийся или не покоренный – мне совершенно не хотелось это знать.

Среди вихрей усилившегося снега жалобно застонала чайка, затерявшаяся в непогоде. И, будто вторя ей, затянул свою протяжную песню минарет центральной мечети на площади Шишли. Я заглянула в ее уютный дворик, сплошь занесенный снегом и оттого выглядевший невероятно сказочно. Именно так в детстве мне представлялся дворец Снежной королевы в книгах, иллюстрированных Архиповой. Я присела на многоугольный шадирван, где летом верующие совершают ритуальные омовения, и прищурилась, чтобы получше рассмотреть тонкую арабскую вязь над входом. Рой снежинок закружился в танце прямо передо мной. А все-таки Стамбул в снегу прекрасен…

– Здравствуй, Стамбул, – прошептала я, и только сейчас заметила, что рядом расположилась огромная собака с пластмассовым чипом в ухе. Я много слышала про эту старинную породу – хранителей города. Пес внимательно посмотрел мне в глаза и едва слышно что-то прорычал. Я протянула окоченевшую ладонь с очищенным каштаном. Он охотно слизнул его, и руке стало приятно: то ли от прикосновения шершавого языка, то ли от теплого дыхания.

– Что ж… Может, ты еще и лапу мне дашь?

И каково было мое удивление, когда этот невероятных размеров взлохмаченный пес действительно протянул тяжелую мягкую лапу и нежно заурчал.

– Приятно познакомиться, Стамбул! – Я спешно зашагала в отель, решив, что нужно просто хорошенько выспаться.

Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши

16 февраля

Скрипучие дверцы шкафа. – Окровавленные головы за завтраками. – Мехмет-бей и его менемен. – Очаровательная Ешим-ханым и ее неуемный темперамент. – Новое слово «кейф япмаг». – Квартира миссис Мейзел в Верхнем Вест-Сайде. – Мокрые угги и жемчужное колье. – Потайная библиотека монахов под домом. – Романтичное слово «Бомонти».

Первые две недели в Стамбуле захлестнули меня бытовыми проблемами. Нужно было найти школу детям и определиться с жильем. И если первый вопрос был решен быстро, то со вторым пришлось поломать голову, изучая карту почти двадцатимиллионного города со всеми его запутанными магистралями и мостами-трассами.

Дип все дни пропадал на работе. Он научился неслышно принимать душ, бесшумно одеваться (и это при скрипучих дверцах шкафа), так что я даже не замечала, как и когда он исчезал из номера по утрам. Возможно, я просто крепко спала… Мои героические дети, привыкшие к самостоятельности, тоже не дергали и так же незаметно, как и их отец, растворялись еще до восхода солнца и ближе к вечеру появлялись в номере грустные и уставшие: новые школа и сад им пришлись не по вкусу. Благо в

отеле на завтраке было вдоволь хлопьев с молоком – о большем в те смутные времена они и не мечтали!

Все еще мучимая бессонницей по ночам, я едва расклеивала глаза к девяти. Серое небо тяжело дышало в стеклянные стены небольшой комнаты на 31-м этаже. И только краснохвостые самолеты, будто гигантские чайки, каждую минуту пролетали прямо у окна.

Потерянная и разбитая, я спустилась на завтрак. Половина столов были заняты мужчинами арабской наружности с окровавленными головами. Мой недоуменный взгляд встретил рыжеволосый немец, который, понимающе закатив глаза, попытался привлечь внимание. Я села за соседний с ним столик в ожидании омлета из белков (все та же попытка сбросить пять лишних килограммов).

– Это, видимо, что-то связано с их религией… Я видел такое в интернете, – попытался завязать разговор немец.

Я равнодушно качнула головой, дескать, он прав. Хотя прекрасно знала, что всем этим потоком «красавцев» мы обязаны клинике по пересадке волос, которая находилась в одном здании с отелем. И никакая кровавая традиция шиитского праздника Ашура, связанная с самобичеванием верующих в знак раскаяния и искупления некой вины, тут ни при чем.

Немец ел живо и с аппетитом, так что веснушки то и дело смешно подпрыгивали на его лице. Бледно-желтый менемен, весьма далекий от того, каким должен быть в идеале, тоскливо расползся по белой тарелке. И все-таки в сетевых отелях никогда не умели хорошо готовить.

Я вспомнила наш первый визит в Стамбул. Мы с мужем сновали, как заведенные, по тихим улочкам малоизвестных районов. На одной из них в квартале Кадыкёй мы и набрели на местечко, полностью поменявшее мое представление о яичнице, омлете и любом другом блюде из яиц. Хозяин заведения, невысокий полнотелый Мехмет-бей, больше смахивавший на сицилийского итальянца, готовил прямо у стойки заказов, так что мне не составляло никакого труда наблюдать за процессом приготовления этого самого менемена. Мехмет-бею повышенный интерес со стороны молодой девушки явно льстил, и он старался как мог: эффектно жонглировал всем, что попадало ему под руку, так что простая на первый взгляд готовка превратилась в изысканное представление от артистичного шефа.

Рецепт

Менемен, или Идеальный стамбульский завтрак (порция на двоих)

• 4–5 яиц

• 2 мясистых помидора (желательно без кожуры)

• 1 чайная ложка топленого масла

• 1 столовая ложка оливкового масла

• 4 зубчика чеснока

• 1 столовая ложка сушеной мяты

• 0,5 чайной ложки куркумы

• 1 чайная ложка паприки

• Соль, сахар по вкусу

N. B. Подавать со свежей белой лепешкой, которую непременно обмакивать в нежный соус менемена.

Мехмет-бей крупно нашинковал помидоры, которые тут же пустились в пляс в медном сотейнике, щедро политом домашним оливковым маслом. Туда же он отправил ложку топленого и присыпал все жменей рубленого чеснока.

– Не готовь, дочка, на сливочном масле. Не поленись, перетопи его. Это так просто. Моя жена целый день стоит и только топит его. Для сына, для дочки, даже для соседей. Хочешь, тебе перетопит? – его слова лились как песня, аккомпанировала которой все та же медная сковорода. Имея отнюдь не большие познания в азербайджанском языке, понимание турецкого мне давалось с трудом, однако его эмоциональная речь проникала в самое сердце, как и невероятный аромат будущего менемена.

Помидоры выпустили сок. Очаровательный шеф приправил их солью и сахаром, бросил пару щепоток куркумы и хорошенько все присыпал сухой мятой.

– А это, чтобы болезни не цеплялись. Лучшее лекарство!

Во все это пунцовое великолепие добродушный повар вбил штук пять куриных яиц и ловко все вымешал деревянной лопаткой.

– Afiet olsun, kızım![2]

Вот то был менемен! Однако рыжеволосый турист оказался неприхотливым и был весьма доволен своим завтраком в окружении кровоточащих голов, которые совсем скоро рассчитывали превратиться в пышные шевелюры. По крайней мере, они в это верили. Удивляло то, что все эти люди, рискнувшие на операцию ради нескольких редких пучков на темечке, не были ни актерами, ни моделями и даже совсем не походили на влогеров-блогеров, которым частенько приходится

ставить подобные эксперименты. Кругленькие животики перебинтованных постояльцев мило подергивались во время завтрака. Они спешили закончить трапезу до того, как их многочисленные семейства, состоящие, как правило, из нескольких жен и оравы крикливых ребятишек, спустятся к завтраку. Как только те появлялись на горизонте, сытые отцы мгновенно исчезали, растворившись в тяжелых парах невкусного менемена, который то и дело выносили из чадящей кухни.

Скучный немец приступил к кофе, а я, так и не дождавшись своего «белого» омлета, побрела в лобби. Через тридцать минут нужно было ехать на встречу с очередным риелтором, который наверняка будет предлагать «некондицию», чтобы в конце концов «выстрелить» более или менее сносным вариантом, на который я должна буду клюнуть. Как бы не так! Для человека, меняющего страны проживания как перчатки, а съемные квартиры и того чаще, я была еще тем орешком. Так что риелторам Стамбула стоило серьезно обеспокоиться.

Утренний Стамбул радушно распахнул свои объятия, обдавая прохладным ветром, принесшим крохотные капли с Босфора. В какой части города я бы ни находилась в эти дни, всегда четко слышала шум его неспокойных вод, чувствовала сладковатый привкус моря и так свыклась с этими новыми ощущениями, что по ночам нередко скучала по ним, как по старым, добрым друзьям. В такие бессонные часы сложнее всего было то, что окна в отеле не открывались. Я видела бурлящий жизнью огромный город, вереницы красных огоньков машин, черные воды Босфора,

который разрезали сияющие огнями корабли, но не могла вдохнуть все это в себя, чтобы повторить их четкий ритм, которого так не хватало в моей скучной провинциальной жизни.

Улыбнувшись приветливому швейцару, я прыгнула в такси. Мы проезжали серые улицы, запруженные автомобилями, толпами спешащих людей, торговцами, чей товар легко умещался на одной скрипучей телеге. Таксисты приветствовали друг друга протяжными гудками, от которых сводило челюсть. И тысячи мотоциклистов, напоминавших груженых горных мулов, проворно сновали среди застрявших в пробках машин. Что за сумасшествие?! И как я здесь сяду за руль?

Наконец мы прибыли. Я зашла в фойе новенькой высотки на знаменитой улице Nisbetiye. Худощавая девушка на ресепшене демонстративно зевнула и снова нырнула в экран компьютера – видимо, смотрит сериал. Я сбросила сообщение агенту, что уже на месте, и тут же получила ответ: «В дороге. Трафик. Скоро буду». Как будто я ехала не по дороге и меня этот трафик не коснулся… Ну что ж… Будем ждать.

Через полчаса в распахнутые двери ворвались двое: вихрь леденящего воздуха и моя риелтор. Это была женщина «хорошо за пятьдесят» с прекрасным английским и неуемным темпераментом. Она одновременно трясла мою руку, рассказывала девушке на ресепшене о жутких пробках (та недовольно морщилась, ведь ее оторвали от сериала), звонила хозяйке квартиры, у которой были ключи, и пыталась расчесать свои спутавшиеся от ветра кудри. Наконец она закончила все это и шумно приземлилась в кресло.

– Будем ждать! Хозяйка квартиры в трафике, – спокойно заявила она и уткнулась в экран смартфона.

– Постойте, а вы не сказали ей, во сколько мы встречаемся?

– Я же говорю вам, что на дорогах пробки, – ответила она, даже не удосужившись поднять на меня глаза.

– Но ведь я ехала по тем же дорогам. И приехала вовремя.

– Действительно, – задумалась она. – Возможно, вы были недалеко?..

– Нет, мой отель совсем в другой стороне… – Не знаю, зачем я пыталась докопаться до истины, но тогда мне этого очень хотелось.

Ешим-ханым (так звали эту холеричную особу) подпрыгнула пару раз в кресле и предложила рукой сесть на соседний диван. Она оглянулась по сторонам и заговорщицки зашептала, приблизившись так близко, что ее накладные ресницы легко могли задеть мой нос.

– Я не знаю, как вы, иностранцы, это делаете… Может быть, у вас есть какой-то секрет, не знаю… Но мы, стамбульцы, постоянно опаздываем, понимаете? И с этим ничего не поделаешь. – И она смешно шлепнула губами. Точь-в-точь как мой младший брат, когда съедал последнюю конфету в вазочке на столе. От этой аналогии меня передернуло.

– То есть вас не смущает, когда кто-то опаздывает? – не унималась я.

– Скажем, нас это не пугает так, как вас.

– Но у меня есть планы… Как быть с ними?

– Да-да, я вас понимаю, у меня тоже масса планов, миллион встреч… Но это стамбульский трафик.

Я не стала посвящать свою новую знакомую в то, что вчера утром в приложении я проложила маршрут до этой самой улицы Нисбетие и прикинула время в дороге с учетом пробок в утренние часы. И вот – вуаля! – я прибыла на встречу вовремя. Хотя, пожалуй, лучше рассказать ей про мое ноу-хау… но именно в этот момент у нее зазвонил телефон, и ее голос снова зазвенел неприятными визгливыми нотками. При этом она одновременно смахивала с меня соринки и копошилась в безразмерной сумке в поиске, видимо, все той же расчески. Удивительная женщина!

Хозяйка квартиры задерживалась еще на час, и растерянная Ешим-ханым, понимая, что такая вольная трактовка времени выглядит невежливо даже в рамках стамбульского этикета, пригласила меня на чай.

Буквально в трех минутах от высотки с предполагаемой квартирой располагалась целая цепочка кафе и ресторанов. Их запорошенные скупым снегом пороги казались грязными и разбитыми. Я поежилась в тонком кашемировом пальто (в моем ташкентском гардеробе это оказалось самой теплой вещью, а покупать что-то новое не было настроения).

Некоторые смельчаки пили чай прямо на улице, подпирая плечами холодные влажные стены заведений.

После каждого глотка терпкого напитка они глубоко затягивались сигаретой и философским взглядом провожали прохожих. Вся эта межсезонная игра света, капель и теней напомнила мне полотна Коровина, сюжеты которых оживали на глазах.

Ешим-ханым резко подняла голову. На вывеске красовался черный петух. Убедившись, что надпись обозначала именно то, что надо, она широким жестом распахнула дверь. Меня тут же обдало мягким домашним теплом и невероятно бархатным запахом кофе. Мы разместились на велюровом диване у окна, так что можно было легко наблюдать за происходившим на тротуарах.

Моя спутница зацепила дамочек за соседним столиком рассказом о том, какой на улице дождь. Неужели она думает, что они не знают?! Однако, к моему удивлению, те в недоумении подняли брови и минут пять обсуждали нехарактерную для этого сезона непогоду. По крайней мере, мне показалось, что говорили они именно об этом.

Я же наслаждалась глоток за глотком приятно обжигающим ince belli cayı[3] с легким привкусом бергамота и чабреца. Невероятное тепло разливалось по телу, мешая сосредоточиться на огромном количестве дел, запланированных на день. Резким движением я достала ежедневник, чем тут же спугнула сладостное ощущение неги, которое витало над каждым столиком.

– Нет-нет, вначале чай, потом дела, – затараторила риелтор.

В это время официант поставил прямо перед моим носом две тарелки. Даже при тщательном изучении содержимого я вряд ли могла бы сказать, что это. Обрадовавшись моему смятению, Ешим-ханым тут же принялась меня кормить, став невероятно похожей на тех чудаковатых бабушек, которые считают своих внуков вечно голодными.

– Это обязательное блюдо на завтрак – bal kaymağı[4].

На большой тарелке лежала густая шапка сливок, жирность которых явно превышала 45 процентов, и в ней утопали ложки три янтарного меда. Такой каймак я нередко покупала в Ташкенте, а после разводила молоком, чтобы получить стандартный вариант в 33 процента.

Аппетитно пережевывая, моя милая собеседница щебетала по поводу пользы такого завтрака. Она отломила кусок хрустящего симита[5], сплошь усыпанного ароматным кунжутом, намазала на него каймак, сверху мед – и тут же отправила эту пирамиду в

сладострастно открытый рот.

– Это очень вкусно! И так поднимает настроение! Обязательно попробуй, иначе я не отстану.

Конечно, она не отстанет. Я с горечью подумала все о тех же пяти килограммах и надкусила еще теплый симит со сливочно-медовым топингом, заботливо протянутый новой знакомой.

Есть много легенд и песен о романтическом завтраке с круассаном, о бриошах и датских улитках. Все это я пробовала сотни раз и признаю их великую роль в истории кулинарии, но этот симит заставил остановиться время.

> Не поверив своим ощущениям, я быстро намазала еще один кусок и поспешила запихнуть поскорее в рот, уверенная, что во второй раз я пойму, что заблуждалась. Но нет, опять восторг!

В это хмурое серое утро я не готова была ничем восхищаться. С меня вполне хватило импрессионистской улочки Нисбетие, манящей теплыми огнями крохотных ресторанчиков. В остальном же хотелось остаться в своей глубокой депрессивной печали, которая, как мне казалось, придавала едва уловимый шарм моему уездному образу. Но все пошло не по плану. В хитрых глазах Ешим засверкали искорки ликования и победы. Может, она думает, что так же легко я подпишу договор аренды? Она поднесла к ярко накрашенным губам уже пятый стаканчик чая и снова прошептала:

– *Мы это называем «кейф япмаг». Это значит – наслаждаться пустяками. Такое маленькое счастье…* Тебе нужно научиться, а то ты слишком напряженная.

У нее снова зазвенел телефон. Хозяйка с ключами была на месте. Я тут же подскочила, но моя гуру в области счастья шикнула на меня.

– Когда мы наслаждаемся, мы не торопимся. Один стакан чая еще никому беды не сделал.

Мне показалось, что я поняла, по вине какого трафика стамбульцы всегда опаздывают. Хотя идея загадочного кейфа меня серьезно заинтересовала. Я думала о ней весь день и даже ночь. И на следующее утро, сидя за завтраком в окружении забинтованных голов, я думала о том же.

Арендодатель новой высотки встретила нас у лифта и любезно проводила на этаж со свободными квартирами. Это были роскошные апартаменты в стиле нью-йоркских резиденций пятидесятых. Именно в таком доме в Верхнем Вест-Сайде на Манхэттене проживала удивительная миссис Мейзел из сериала

Эми Шерман-Палладино. Стены холлов украшали гигантские обложки журналов «Vogue», полы – мягкие ковролины, дабы обслуживающий персонал не мешал отдыхающим жильцам шарканьем ног. А главное, у лифтов размещались комнаты категории «пять звезд» для гостей апартаментов.

Пока я рассматривала одну из них, мне позвонил Дип. Я тут же поведала ему об удивительном бонусе в виде гостиничных номеров на одном этаже с квартирой. Дип был в восторге – он

настоятельно рекомендовал скорее закрывать сделку и обещал, что теперь никогда не будет противиться тому, чтобы к нам приезжала погостить моя мама. Я представила, как наша милая бабушка, чмокнув перед сном внучек в их пухлые щечки, направится вон из квартиры в эти казенные апартаменты, и сразу же начала искать минусы в этом вполне очаровательном доме.

Вскоре мы оказались на десятом этаже, где располагался офис арендодателя. Кабинет выглядел так же элегантно, как и его обворожительная хозяйка. По виду ей было прекрасных семьдесят лет, хотя не исключаю, что и больше, но о таком ведь не спросишь. Она держалась строго и грациозно, высоко приподнимая подбородок и вытягивая длинную шею, украшенную ниткой гигантского жемчуга. Она небрежно бросила сумку «Шанель» на бархатную оттоманку у письменного стола и, сев напротив меня, вонзилась невероятно прозорливыми глазами в мое лицо. Может, я не так выгляжу? И я поспешила запихнуть свой старый потертый рюкзак белорусского дизайнера Панаскина за спину. Ноги в растянутых уггах прятать было негде. Промоченные во время прогулки под дождем, они походили на двух дохлых крыс, никак не иначе. Да что же это за день такой?!

– Чай будете? – наконец спросила леди, ужасно похожая на саму Коко Шанель.

Я отрицательно замотала головой, бормоча, что мы только что пили, но Ешим-ханым бросила на меня взгляд пантеры и мягко закивала головой. Я в недоумении посмотрела на нее, она же беззвучно произнесла всего одно слово. Я поняла, что это было: тот самый кейф, смысл которого до сих пор не был ясен.

Мы пили чай и говорили обо всем, только не о квартире, которую я собиралась арендовать, – будто мы старые подружки, собравшиеся обсудить события последних лет десяти. Так я узнала, что эта милая старушка в роскошном колье, от которого я не могла оторвать взгляд, владеет половиной всего дома.

– Когда-то моему прапрапрадеду султан подарил землю, на которой стоит этот дом. Я даже не знала, что унаследовала ее, пока ко мне не начали стучаться строительные компании. Много лет я отказывалась, а потом подумала: детей у меня нет, внуков тоже. Почему бы не помочь людям? Только деньги мне не нужны были, поэтому взамен я взяла половину всех квартир. Теперь у меня офис: я занимаюсь арендой и продажей недвижимости. Но только тем, кто мне нравится.

– А если не понравится человек, не сдадите? – поинтересовалась я.

– Кончено, нет! – Она едва не подскочила на стуле от моего глупого вопроса, а я обрадовалась, что Дип не поехал со мной:

вряд ли бы он расположил к себе такую милую старушку своими прагматичными взглядами на бизнес, в котором, по его мнению, «не должно быть ничего личного».

Ешим допивала уже который стаканчик чая (и как в нее столько влезает?), а я с восторгом смотрела на седовласую красавицу напротив. Она была спокойна и уверенна, почти не нервничала и говорила на чистом английском, потому что училась в Лондоне, как и большинство детей турецких миллионеров. Ее предки не были рабами или крепостными, их не пытались раскулачивать, а, напротив, всегда поощряли зарабатывать и уважали за деньги. Она была представителем совсем иной культуры, такой далекой и привлекательной, что я впервые за несколько недель в Стамбуле почувствовала самый настоящий, неподдельный интерес к истории этого города.

Наш разговор оборвался так же резко, как и начался. Очаровательная Коко протянула свою визитку, которую я приняла с трепетом и благодарностью, потому что теперь эта строгая дама казалось чем-то большим, нежели просто женщиной. Она была проводником в тот далекий мир султанов и гаремов, дарованных земель и редких камней, о которых я с замиранием сердца читала в юности…

Когда мы оказались на улице, Ешим посмотрела на меня внимательно и сказала:

– Этот дом тебе не подходит.

– Но почему? Муж сказал, что мы согласны.

– Кто? Муж? – И она заливисто засмеялась. – Мужья ничего не понимают в домах. Поверь моему опыту. И вообще, если бы я слушала всех своих четверых мужей, где бы я сейчас была?

Я не знаю, где бы она была, но эта новость просто шокировала. Турчанка четырежды замужем? Разгадав в моем взгляде тысячу вопросов, Ешим снова заговорщицки прошептала:

– А наша аристократичная лендлорд была замужем пять раз. И что? Первый был англичанином. Второй – французом. Потом немец. Какой-то шейх. Всех не вспомню. В последний раз кто-то из Азии, но это был недолгий брак. О, она была красоткой! Женщины с такими деньгами могут себе позволить и не такое. Ты знаешь, какое у нее состояние?

Я что-то промямлила в ответ, и ставшая уже почти подругой Ешим решила не пугать меня страшными цифрами. Угги все еще напоминали заморенных зверьков, и, судя по моросившему дождю, на сухие ноги сегодня рассчитывать не приходилось. Заметив мой разбитый вид, Ешим махнула рукой – и перед нами тут же остановилось желтое такси.

– Прямо как в Нью-Йорке… – удивилась я. Мне и в голову не приходило, что здесь можно так останавливать машины.

– Я училась в Нью-Йорке. Поверь, здесь намного лучше. Нужно только суметь разобраться.

– Кейф мне в помощь. – Я впервые за последние недели легко улыбнулась. Депрессия медленно отступала. Возможно, ее напугали эти разговорчивые старушки? Или она бежала от непрекращающегося февральского дождя? В любом случае, дышалось легче и совсем не хотелось знать, куда мы направляемся.

По запотевшим стеклам бежали ручейки, и можно было играть на желание: какая капля прибежит первой. Вдруг зазвучал азан. Водитель приоткрыл окно, чтобы лучше слышать. Тонкий голос муэдзина, перебиваемый ветром, слегка дрожал, и все же мелодия его молитвы легко угадывалась. Таксист посмотрел на мою попутчицу в зеркало и, сочтя ее достойной собеседницей, начал обсуждать современную молодежь, которая совсем не знает, как жить. Счастливая от возможности обменяться взглядами, Ешим принялась активно кивать, с трудом вставляя

комментарии в его эмоциональный монолог. Краем глаза я заметила, как вдруг он вопросительно кивнул в мою сторону:

– Ябанджи[6], – полушепотом отрезала моя новая подруга. Тот понимающе поморщился и больше, кажется, не смотрел на меня до самого конца поездки.

Я плохо следила за дорогой, и все же заметила, что мы въехали в незнакомую мне часть города. Казалось, будто это вовсе и не Стамбул, а какой-то европейский городок. Кругом были типичные парижские домики, приклеенные друг к другу боковыми стенами.

> Очаровательные мезонины и слуховые окошки самой причудливой формы, невероятной красоты подъезды, выкрашенные в милейшие цвета, манили внутрь загадочными историями, грустными и романтичными.

Мы проехали великолепный особняк, оказавшийся старинным французским лицеем Богоматери в Сионе, в котором обучались дети именитых вельмож империи, а позже и приемные дочери Ататюрка[7]. В квартале от него расположилась итальянская школа, чуть дальше – готический замковый комплекс наследника швейцарской пивоваренной империи Карла Бомонти, который создал здесь фабрику, производившую около семи миллионов литров крафтового напитка в год. Все это я узнаю позже, пока же внимание приковывали стремящиеся ввысь шпили католических соборов, деревянные резные террасы, скрывавшие модерновые интерьеры итальянских и греческих квартир, в которых давно уже не живут их первые обитатели.

Такси остановилось у милого современного домика в скандинавском стиле, обнесенного старинным забором из булыжников, какими обычно ограждали постройки в позапрошлом столетии. Голые ветви отсыревших деревьев доходили до третьего этажа. Интересно, будут ли они цвести весной? Мы бегло осмотрели квартиру, которая показалась достаточно просторной и светлой, а главное, она была на третьем этаже – как раз на уровне крон неизвестных деревьев. Из всех окон открывался невероятный вид на черепичные крыши старых особняков и ткацких мануфактур, созданных богатыми евреями много веков назад. На них красовались изящные таблички «Аарон и Ко», «Ной и сыновья» и все в таком духе. От этой связи с историей захватывало дух. Казалось, что я не смогу сделать выбор. Это место было намного проще предыдущего дома, да и Дип уже был настроен на тещину комнату, и мне не хотелось его огорчать. Я набрала его номер, чтобы посоветоваться, но он не

ответил. Эти вечные встречи и конференции, отдалявшие меня от мужчины № 1 в моей жизни, портили настроение. Но разве могу я решить одна?

– Если сомневаешься, тебе нужен знак, – прочитала меня Ешим. – Главное, не спеши, и думай только о себе. Тем, кто тебя любит, твой выбор всегда понравится.

Для агента недвижимости эта женщина обладала определенно более высокой квалификацией, нежели требовалось. По крайней мере, сегодня она помогла мне лучше, чем это сделал бы любой профессиональный психолог.

Мы вышли во внутренний дворик. Редкие капли дождя со звоном разбивались о мокрую плитку, как вдруг первый за весь день луч солнца пробился и раскрасил холодный серый двор в теплые золотые оттенки. Точь-в-точь как у Писсарро… И только сейчас в прозрачном просвете чистейшего воздуха я увидела невероятной красоты соборную башенку. Она утопала в вечнозеленых зарослях высоких магнолий, и до нее было буквально подать рукой.

– Забыла сказать. К дому примыкает старинный католический собор Notre Dame de Lourdes[8]. Надеюсь, вас это не смутит? По утрам и праздникам бьют колокола. Приход небольшой… И еще один нюанс. Когда-то на месте этого дома располагался монастырь с потайной библиотекой, тщательно охраняемой монахами. Компания, построившая это здание, выкупила землю у монастыря на том условии, что священная каменная стена, защищавшая когда-то монастырь, останется. И еще по договору нельзя было трогать и переносить библиотеку. Вот…

От этой невероятной истории, рассказанной так просто, как бы невзначай, у меня перехватило дух.

– Так где же теперь тайная библиотека?

– Как где? Она прямо здесь, под нами. К ней ведет тайный ход. Правда, попасть вы в нее вряд ли сможете. На это нужно специальное разрешение настоятеля церкви. Он, кстати, милейший человек, – и Ешим снова заговорщически улыбнулась, как бы давая понять, что в Стамбуле возможно все.

Сегодня Стамбул подарил удивительного человека, который за несколько часов узнал обо мне больше, чем могла рассказать я сама. Конечно, я выбрала вторую квартиру, не сомневаясь ни минуты. Район, в котором нам предстояло поселиться, назывался самым романтичным словом в мире – Бомонти! Сколько музыки было в этом новом сочетании звуков… Всю дорогу до отеля я вспоминала невероятное ощущение от стамбульского кейфа, очаровательную миллионершу Коко и, конечно же, Ешим, которая долго обнимала меня, прежде чем проститься, и обещала

обязательно угостить настоящим стамбульским завтраком, как только наладится погода.

Проходя мимо мечети, я заглянула во дворик, где еще недавно мы мило болтали под снегом с огромным псом. Кроме нескольких попрошаек, у входа никого не было. Я грустно вздохнула и побрела дальше уже не так весело. Мотоциклисты, которых здесь было определенно немало, не желая стоять в пробках, проворно выезжали на тротуары и пару раз едва не зацепили меня зеркалами.

С моря подул леденящий ветер. В кармане завибрировал телефон, но я не могла шевелить пальцами от холода и не отвечала. Я просто шла, радуясь тому, что этот день был именно таким.

Загадочный кейф с ароматом свежезаваренного кофе

18 марта

Стамбульские квартиры без единого гвоздика для шляпы. – Зал для собак в стиле рококо. – Антикварная плита болотного цвета и медная джезва. – Румяная гречанка Айше и османский кофе фанариотов. – Странное предсказание кофейной гущи. – Лучшие мезе в городе в лавке Туана. – Мокрые ноги и небрежные стрелки на глазах. – Ужин при свечах, который все-таки состоялся.

В этом городе недели летели быстрее, чем где бы то ни было. Переезд, которого я так боялась, был почти пережит. В углу гостиной стояли еще несколько коробок, но я знала, что до них доберусь не скоро. Так было всегда – на финише мне никогда не удавалось сделать последний рывок. Система сборов, отработанная за последние годы до мелочей, казалась идеальной. Еще в Ташкенте я собирала пронумерованные коробки по четкой схеме, делая подробный список в специальном блокноте. Теперь это было похоже на магию. Когда мужу срочно понадобился его

швейцарский ножик, мне достаточно было бегло пробежаться по записям – и я тут же указала ему на помятую коробку номер пятьдесят семь, в которой он без труда нашел то, что искал.

– Не понимаю, как ты это делаешь. – И он с изумленным лицом побрел в спальню отскребать краску с розетки у кровати. Прежние арендаторы, когда перекрашивали стены, кое-где заляпали их. Пока это был единственный недостаток, который мы обнаружили в этой квартире.

Обживать новый дом всегда непросто. Каждое утро я выпроваживала домочадцев за порог и тут же принималась за его обустройство. Все наши сто картин должны были найти себе угол, а это, знаете ли, не так просто… Навьюченная безразмерными охапками одежды и стопками книг, я кочевала из одной комнаты в другую в поисках оптимального места для всего этого в нашем новом двухсотметровом обиталище. На четверых на самом деле не так уж и много… Особенно если учесть, что до этого мы едва помещались в четырехэтажном особняке, сплошь обустроенном гардеробными, шкафами, кладовыми и подвалами.

> В Стамбуле квартиры сдаются без единого гвоздика, на который можно было бы повесить ну хотя бы шляпу. Или зонтик. Ни шкафов, ни гардеробных!

Один плюс: маршрут до магазина IKEA я могу проложить даже в тумане и без помощи карты. Сколько раз за последние недели я металась туда и обратно, известно одному моему шестилетнему «Санта Фе», который проявил удивительную способность вмещать в себя ровно столько, сколько могла купить его расточительная хозяйка.

Я заварила себе пакетик ромашкового чая и устроилась на балконе, предвкушая скорое цветение все еще неизвестных мне деревьев, которые кронами почти касались наших окон. Скорчив пренеприятнейшую гримасу настырному солнцу в просвете между соседними домами, я старалась настроиться на добрый лад и сконцентрироваться на настоящем. Нужно было писать новую главу жизни, увлекательной и интересной. Телефон запиликал. Письмо из издательства напоминало о сроках сдачи рукописи. Выходило, мне предстояло писать не только собственную жизнь, но и заканчивать сказочную повесть о приключениях девочки из индейского племени, начатую еще в прошлом году, в другой стране, а значит, в прошлой жизни. Успеть за месяц такое просто невозможно. Страх не справиться в срок вместе с холодным ветром пробежал мурашками по коже, и я буквально впилась в еще теплую кружку с чаем.

В дверь зазвонили. Не выпуская все той же спасительной чашки из рук, я медленно побрела в коридор. Меньше всего хотелось являться перед кем-то в том виде, в котором я пребывала тем утром. Кто бы это ни был. Замок щелкнул. На пороге, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения, стояла краснощекая женщина. В руках она держала горшок с гигантской цветущей орхидеей. Мой унылый вид с чашкой, из которой сиротливо выглядывала этикетка от чайного пакетика, очевидно, ее смутил. Слегка подвинув меня, она сделала шаг вперед и внимательно осмотрела холл, который больше походил на склад компании FedEx в канун Рождества. Пустые коробки я не выбрасывала, а складировала в коридоре, чтобы позже спустить в гараж. Уж я-то знаю цену хорошим коробкам…

Наконец, эта разрумяненная цветочница вручила вазон и что-то пробормотала по-турецки.

– Ben türkçe bilmiyorum[9], – это была первая фраза на турецком, которую я выучила еще до прилета в Стамбул.

– По-русски знаешь? – с ужасным акцентом переспросила она.

Не веря своему счастью, я, как китайский болванчик, закивала головой: это была первая русская фраза, которую я услышала за последний месяц вне дома. Хотя формально я, конечно, находилась в тот момент именно в нем.

– Мой хозяйка тебе дарил. Я из тут. – И она указала довольно крупной в сравнении с ее небольшим телом ладонью на дверь напротив. Я вспомнила, что последнюю неделю из этой двери туда-сюда сновали мастера с перфораторами и стремянками. Больше никаких ассоциаций с ней не было и быть не могло, учитывая то, как непродолжительно мы находились в этом доме.

Я с трудом удерживала в одной руке огромную орхидею в тяжелом керамическом горшке.

– Бумага читай. – И она ткнула указательным пальцем в аккуратный конвертик, вложенный между мясистыми листьями экзотического цветка. Затем она внимательно посмотрела на чашку, которую я все еще держала в другой руке, и, презрительно цокнув, покачала головой.

– Иди тут. – И она снова указала на дверь напротив. Я ничего не понимала и, казалось, никогда не пойму. В своей жизни я много общалась с иностранцами, однако ее русский вводил меня в откровенный ступор и непонимание того, кто мог обучить ее таким исковерканным фразам. Она хотела, чтобы я зашла прямо сейчас в квартиру напротив, я же не была даже уверена, что сегодня расчесывала волосы.

– Хозяйка нет, – наконец сказала она, недовольная моим промедлением. Я почувствовала нечто заговорщицкое в ее

интонации, поставила цветок и чашку на пол и зашуршала за ней в своих меховых тапочках.

Эта странная женщина быстро провела меня через несколько длинных коридоров, стены которых были увешаны гигантскими зеркалами в резных деревянных рамах с позолотой (по крайней мере, я насчитала таких три). В таком же стиле бесконечные консоли, уставленные уже знакомыми орхидеями с аккуратными конвертами между листьев. Возможно, сегодня праздник, и нужно соседям дарить цветы?

Пока я размышляла об этом, мы оказались в просторном помещении, которое, очевидно, было кухней. Но какой кухней! Это был настоящий рай для повара, рай для гурмана, рай для любого, кто имел хоть какое-то отношение к еде. Одна стена была полностью стеклянной и упиралась в гигантскую террасу, сплошь уставленную кадками с зеленью и рассадой. Покрытый крохотными фиолетовыми цветками розмарин разросся настолько пышно, что его мускатно-ореховые стебли так и норовили пролезть внутрь кухни через приоткрытую дверь. В дальнем углу этого дивного сада я заметила заросли лаванды и сразу поняла, что за тонкий аромат встретил меня у входа. Зеленый и фиолетовый базилик высокой шапкой лежал на глиняных горшках, добавляя тонкие пряные нотки в этот невероятный букет, от которого кружилась голова. Краснощекая женщина довольно ухмыльнулась. По этой улыбке я сразу поняла, что сад – ее рук дело.

Из дверного проема (а их было в этой кухне три) выглянули две головы. У меня сразу защемило сердце: уж что-что, а разрез узбекских глаз после пяти лет, проведенных в Ташкенте, я узнаю сразу. Моя знакомая резко шикнула на любопытных девиц, и те тут же испарились.

– Otur![10] – строго бросила она мне, а сама засуетилась у гигантских размеров плиты. Я пыталась сосчитать количество конфорок: выходило четыре электрические, две газовые и еще что-то наподобие гриля. Внизу размещались три духовых шкафа. Все это великолепие поварской мысли было покрыто тусклой эмалью болотного цвета. Отдельного внимания заслуживали винтажные керамические ручки, но я сидела слишком далеко, чтобы рассмотреть их, а подойти ближе без спроса не решалась.

В дверь зазвонили, и розовощекая служанка моей соседки пулей вылетела из кухни. Не прошло и пяти секунд, как будто по мановению волшебной палочки передо мной выросли две упитанные густобровые девицы.

– Здрасьте! – сказали они почти хором. Прямо как «двое из

ларца» в мультфильме моего детства.

– Здравствуйте! Значит, вы тоже говорите по-русски? У меня сегодня удачный день.

– Да, говорим. Я из Узбекистана, а Зарина из Туркмении. Мы здесь уже почти десять лет работаем. А Айшегюль-ханым еще дольше. Мы ее научили по-русски разговаривать.

Та, которая Зарина, с копной кучерявых волос, быстро затараторила:

– А мы сразу заметили, как вы переехали, что по-русски говорите. Хотели познакомиться, но Айшегюлька не дала. Строгая! Весь день нас строит.

Стало ужасно неловко. Я сижу в соседской квартире в отсутствие ее хозяйки, которая зачем-то передала мне роскошную орхидею, и обсуждаю с ее прислугой другую прислугу. При этом на мне еще и домашние тапочки с розовой меховой опушкой. Заворачивался сюжет, достойный турецкого сериала, и я спросила:

– А эта розовощекая женщина главная у вас?

Те сразу закивали, дескать, самая главная.

Оказалось, моя соседка – известная в Турции певица, которая постоянно гастролирует по стране. В доме кроме нее жили три служанки, с которыми я уже имела честь познакомиться, и один помощник: он занимался тремя золотистыми ретриверами, которые, к слову, жили в отдельной зале, обставленной в стиле рококо. Голова шла кругом от необычной ситуации и нестандартного уклада в доме, в котором я оказалась.

Недалеко раздались шаги, и девушки моментально исчезли, как и в первый раз. Айшегюль вернулась с гигантской охапкой свежей зелени и четырьмя бутылками молока, так ловко перевязанными бечевкой, что все четыре можно было нести в одной руке.

– Болтушки все рассказали? – хитро улыбнулась она. – Я Айше. Так называй. А их не слушай. Их язык день и ночь… – Тут она быстро забарабанила ладонями по столу. Видимо, такая национальная аллегория пустословия. Мне понравилось: получилось живо и ярко. Тут Айше грозно крикнула что-то по-турецки – и мы услышали спешные удаляющиеся шаги в глубине квартиры, сопровождавшиеся девичьим хихиканьем. Я засмеялась – впервые за этот день, который начался весьма странно. И все же было неловко отнимать чужое время, и я засобиралась. Айше медленно поводила огромным пальцем прямо перед моим носом.

– Я учить тебя пить кофе. Твой чай из бумаги – позор! Поэтому ты такой, как твой чай.

Я задумалась по поводу последней фразы, но быстро поняла,

что в моем состоянии лучше пропускать такие слова мимо ушей. Хотя определенно это был не лучший комплимент в жизни.

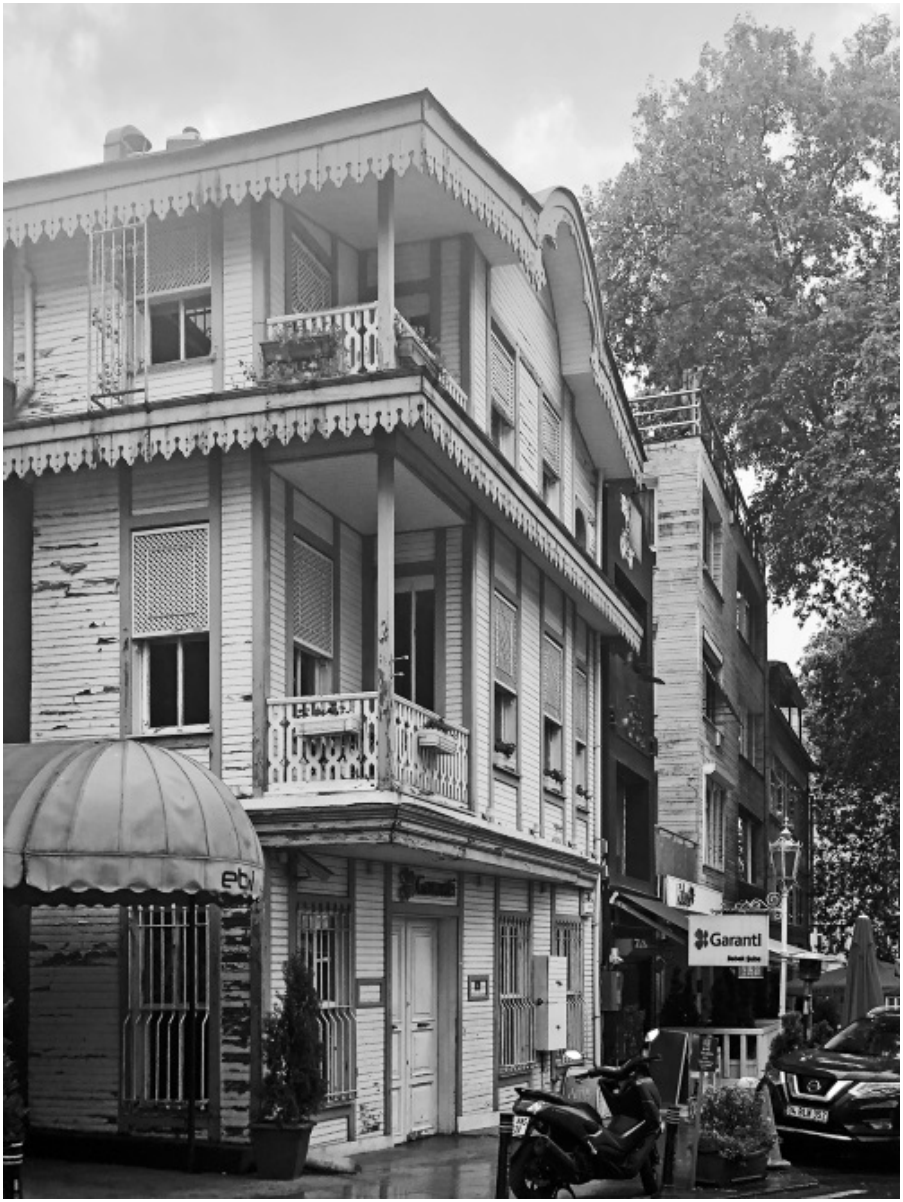
Мы подошли к плите, и мое сердце застучало быстрее. В детстве я думала так: «Когда вырасту, у меня будет то и это». Сейчас я выросла и не знала, какое условие нужно соблюсти, чтобы пообещать себе что-то. Выходило, что нужно было ждать пенсии, чтобы наконец вернуться домой и обзавестись таким аксессуаром, а думать о пенсии хотелось меньше всего, и я просто перестала думать обо всем этом. Под зевом широченной вытяжки был уступ, на котором стояло штук десять турок разных цветов, форм и размеров.

– Это джезва! – гордо произнесла моя проводница в мир благородных напитков. Только сейчас, глядя в ее живые глаза, я подумала о возрасте. Похоже, она была из той редкой категории женщин, чьи годы начисто стерты с их лица и не поддаются расшифровке. Теперь она не была такой уж строгой, какой показалась сразу при встрече. От нее пахло сухой куркумой и лавандой – невероятное сочетание, дающее ощущение дома. Густые волосы, оттененные басмой, были закручены в тугой пучок на затылке. От хитрых глаз к вискам разбегались россыпи мелких морщинок. Очень тонкая кость даже в зрелом возрасте оставила ей девичий стан и длинную красивую шею, на которой я с удивлением обнаружила цепочку – и на ней крестик. На турчанке такой аксессуар смотрелся странно.

– Отец был фанариотом. Грек. Богатый. Панайоти. Много лет все меняться. Я не богатый. Ничего нет. Это есть. От мама… – И она нежно сжала крохотное распятие в своей большой натруженной ладони.

Я вспомнила, как читала про многочисленные поселения греков в одном из красивейших районов Константинополя на самом берегу Золотого Рога, названном в честь маяка – Фенер. Позже, после покорения города османами, предприимчивые и невероятно богатые греки, занимавшие высокие государственные посты и имевшие исключительные права на торговлю, присягнули на верность султану, продолжая пополнять казну внушительными налогами. Такое сотрудничество длилось столетиями, хотя временами идея Великой Греции и реставрации Византии возвращалась в умы влиятельного православного меньшинства. Каждый раз любая попытка мятежников жестоко наказывалась, однако греки продолжали мечтать, что однажды Византия возродится, и делали все возможное для этого. Однако после Первой мировой войны влияние их почти полностью ослабело, пока, наконец, с ними и вовсе не перестали считаться, вынуждая

добровольно иммигрировать на родину.



Я не стала утомлять свою новую знакомую ненужными расспросами. Она стояла задумчивая у плиты, очаровательная и нежная, – особенно в мимолетной грусти, которая улетучилась так же быстро, как и возникла в ее глазах.

Звонко щелкнув пальцами, Айше с минуту подумала над выбором джезвы, после чего уверенно потянулась за медной потертой кофеваркой – такие я встречала лишь в антикварных

магазинах и даже не представляла, что кто-то до сих пор ими пользуется.

– Так кофе варил отец. Мой отец. Панайоти.

– Но он ведь был греком… Значит, кофе будет не турецкий?

> – Османский кофе фа-на-ри-о-тов! – гордо заключила она со смешным акцентом, и я подумала, что идея Великой Греции, видимо, еще не совсем угасла в сердцах последних романтиков,

и от слова «последних» стало нестерпимо грустно. Однако звон меди быстро привел меня в чувство, и я погрузилась в кулинарную тайну минувших веков.

Рецепт

Османский кофе по-фанариотски (порция на двоих)

- ***2 чайные ложки мелко молотого кофе***
- ***1 чайная ложка коричневого сахара***
- ***Соль – меньше щепотки***
- ***Размятое зернышко кардамона***
- ***Молотая корица (коричную палочку можно использовать при помешивании)***

Солнце заглянуло в окно, и легкий ветер приятно защекотал в носу цветочными благоуханиями. Айше быстро забегала по кухне, предвосхищая невероятное зрелище. Я вся напряглась внутри, благодаря судьбу за такую возможность. В двери снова показались широколицые красавицы, но на этот раз их старая гречанка не заметила. Или сделала вид, что не заметила.

Сейчас она была поглощена невероятной магией, которая окутала всю кухню дурманящим запахом специй. Айше двигалась плавно, что придавало еще большую торжественность моменту. В турку она бросила щепотку соли и пару крохотных ложек коричневого сахара, немного корицы и зернышко кардамона, слегка раздавленное деревянной ручкой кухонного ножа.

> Я с жадностью впитывала каждое ее движение, стараясь запомнить все точь-в-точь, как делала последняя из дочерей фанариотов.

После каждого ингредиента она хорошенько встряхивала турку, что придавало ее виду некую артистичность. Наконец

пришел черед кофе. Она с трудом откупорила фарфоровую банку из бело-синей майолики, больше напоминавшую гигантский пузырек, и кухня тут же наполнилась волнующим ароматом молотого в пыль кофе. Крупинки были настолько мелкими, что тут же взвились пушистым облаком вверх, но опытная Айше так ловко тряхнула банку, что проворные беглецы сразу опустились.

В шкафу я приметила две золотистые упаковки Mehmet Efendi[11]*со смешной мультяшной головой и маленькой чашечкой в рисованной руке. Определенно мне нужно было приобрести такой же домой.*

В джезве оказались две полные чайные ложки кофе, прежде чем она залила все содержимое турки холодной водой и поставила на крохотный огонек. Минута – и я почувствовала легкое головокружение, а Айше все продолжала ворожить над старинным напитком, плавно помешивая его. Когда пушистая шапка пузырьков поползла вверх, она сняла джезву с огня и убрала пенку, аккуратно разложив ее по двум миниатюрным чашкам. И снова на огонь. Пять раз она проделывала это, не давая закипеть жидкости. Наконец взвар был готов, и очаровательная чародейка неспешно разлила его в те же чашки, предусмотрительно согретые горячей пеной. Это делалось для того, чтобы холодный фарфор не забрал тепло напитка, которое так необходимо ему, чтобы дойти до совершенного состояния.

Пенка покрыла кофе густой шапкой, не давая ароматным парам вырваться наружу. Несколько минут ожидания, пока оседала кофейная гуща, показались мне вечностью, но Айше была выдержанна и терпелива. Было видно, что этот ритуал она совершала много раз в течение долгих лет, поэтому оставалось лишь наблюдать за ней с трепетным благоговением благодарной ученицы, которой посчастливилось увидеть мастера в деле.

– Первый глоток – самый главный… – серьезно произнесла Айше и наглядно продемонстрировала его. Томно закатив глаза, она глубоко выдохнула, поднесла чашку прямо к носу и сделала долгий вдох. Я тут же повторила за ней. Невероятная нега разлилась по телу. Глоток – и напряжение в висках как будто рукой сняло. Я знала, что кофе расширяет сосуды, но неужели так быстро? Моментально я позабыла обо всех проблемах и сосредоточилась лишь на одном: крохотной, размером с кусочек лукума, фарфоровой чашке и удивительной собеседнице напротив меня.

– Это стамбульский кейф. – И она хитро прищурилась, глядя на меня – такую расслабленную и… неужели довольную? Этот непонятный кейф, который здесь предвещают все и всюду, снова застиг меня врасплох. Как бы я ни старалась хандрить и

изображать больную особу, тут же находился кто-то, кто настойчиво предлагал мне хваленый стамбульский кейф, который, как ни странно, работал.

Когда кофе был выпит, Айше накрыла чашку блюдцем и аккуратно перевернула ее вверх дном. Недолго думая, я решила проделать то же самое.

– Нужно переворачивать чашку на себя, а не от себя, – с видом экспертов затараторили наперебой Зарина с подружкой, которые уже успели сварить себе несколько порций «тюрк кахвеси»[12]. Я в точности сделала все, как было сказано, и стала ждать. Ждать нужно, пока чашка совсем не остынет. Мне показалось это премилой хитростью в стиле стамбульского кейфа, позволяющей продлить полное удовольствия безделье.

Переворачивали кружки женщины одновременно. Те, что помоложе, затаив дыхание и закрыв глаза. Айше реагировала на гадание спокойно, хотя и в ее лице я увидела перемены: щеки покрылись еще более алым румянцем, и как-то странно загорелись глаза. Две горничные, которые были как две капли похожи между собой, чуть ли не визжали от радости, обнаружив на дне чашек своих суженых, причем один из них был якобы похож на Бурака Озчивита[13]. Зарина не поверила подруге и выхватила из рук ее чашку, пытаясь найти сходство. Параллельно она рассказывала, что Бурак вроде бы уже обрел свою любовь – ее подруга обиделась и в слезах выбежала из кухни. Зарина бросилась вслед успокаивать безответно влюбленную девушку.

Гаремные страсти увлекли меня настолько, что я и вовсе потеряла счет времени. Я никогда не верила в гадания, поэтому не спешила заглядывать в свою чашку. Уверенная, что это ни к чему, я просто отодвинула ее, но Айше потребовала закончить кофейную церемонию по старому обычаю.

– Это судьба. Играть нельзя.

Возможно, если бы я была фаталисткой, я бы всерьез задумалась над ее словами, но сейчас это представлялось новой игрой, и без всяких колебаний и ужимок, что было частью доброй традиции, я заглянула в кружку. Ненавязчивый аромат корицы и кардамона, как тонкое послевкусие, вырвался наружу – и я снова ощутила невероятную легкость. Густая кофейная гуща, расплывшаяся в невероятных завитках, давно застыла. Я вглядывалась в хитросплетения тонких черных линий, перемежавшихся с поплывшими кругами – точь-в-точь как на платках моей кавказской бабушки. Когда-то я часами примеряла ее шелковые палантины, сплошь усеянные турецкими огурцами, напоминавшими по форме слегка изогнутые капли.

– Это бута![14] – вдруг вскрикнула Айше, которая не выдержала и, перевесившись через мое плечо, заглядывала в крохотную чашку. – Видишь? Бута!

Конечно, я видела десятки закорючек, выделить какую-то особую не представлялось возможным. Однако я радостно закивала головой, давая понять, что бута найдена, и отставила чашку прочь.

– Это хороший знак, – не успокаивалась неугомонная гадалка. – Это светло. Радость. Понимаешь мой?

Да, я понимала ее. Знак был светлым и добрым. Но к чему столько эмоций?

– Ребенок будет! Bebek![15]

Я нервно дернулась и подалась в сторону, пытаясь отстраниться от ее теплых объятий, грозивших перейти в скорые поздравления.

– У меня есть дети. Две девочки, – стала бормотать я в свое оправдание.

– Два мало! – заключила она и побежала рассказывать эту радостную новость горничным, которые все еще жарко спорили в дальних комнатах.

Оставшись в кухне одна, я потянулась в карман за телефоном, о котором совершенно забыла. Впрочем, как и о времени, потому что оно, пока мы безмятежно потягивали утренний кофе, давно перебежало за полдень и грозило массой неприятностей, если я сейчас же не улизну из этого очаровательного сераля[16].

* * *

Новая квартира встретила меня голыми окнами, сквозь которые пробивались тусклые лучи весеннего солнца. Белоснежная орхидея и чашка с жалким пакетиком чая сиротливо стояли на полу. Я снова взглянула на часы и поняла, что для приготовления обеда катастрофически мало времени. А ведь сегодня был понедельник, а значит, день ужина при свечах. Это одна из наших семейных традиций, как и та, чтобы печь исключительно по пятницам, а суши есть, запивая непременно колой. Знаю, глупо, но ужасно прилипчиво, что, впрочем, свойственно привычкам и традициям.

Я наскоро переоделась и выбежала на улицу. Еще утром Айше по секрету рассказала про удивительное место, в котором продают самые вкусные мезе[17] в Стамбуле. Оно было спрятано где-то среди жилых кварталов, однако приезжали туда ценители

традиционной кухни со всего многомиллионного города. И сейчас был прекрасный повод проверить, насколько хорош Tuana Meze Evi[18], который располагался всего в паре километров от дома. Пройтись придется, но именно спешной прогулки сейчас хотелось больше всего.

Я быстро шагала по шумным улицам европейского Бомонти, оставляя позади себя высокие подъезды с резными дверями, за которыми скрывались роскошные винтовые лестницы из чугуна. Я видела их пару раз, пока какой-нибудь нерасторопный домовладелец пропускал впереди себя ухоженную мальтезе, замешкавшуюся у входа. Когда-нибудь я обязательно попаду в такой подъезд и поднимусь до самого верхнего этажа и, возможно, даже увижу роскошную квартиру беспечного наследника давно забытого стамбульского дельца.

Но сейчас я спешила, жадно проглатывая яркие кварталы, которые так и манили своими деревянными обветшалыми фасадами, за которыми давно не слышно музыки. И только выцветшие ставни одиноко смотрели на мир, жалостливо поскрипывая вслед пролетающему ветру.

Неожиданно справа вырос миниатюрный дворец, на котором красовалась табличка «Французский лицей Богоматери в Сионе». Дип мне рассказывал, что когда-то это была одна из престижнейших школ Стамбула, в которой с XIX века обучались дочери знатных вельмож и многочисленных иностранцев, вереницей тянувшихся в гостеприимную столицу трех империй. Стало грустно, что мои девочки не настолько свободно владеют французским, чтобы поступить в нее, иначе я бы с радостью приводила их каждое утро и кричала бы «Bonjour» очаровательным французским учителям. Невероятного размера ворота, напоминавшие скорее вход в султанские покои, словно исполины, нависли надо мной, и я стояла, придавленная их великолепием, и не могла сдвинуться с места. Охранник вышел из своего домика и направился в мою сторону, а я продолжила путь в поисках мезе для ужина.

Еще квартал – и справа раскинулось старинное протестантское кладбище. Обнесенное высокой каменной стеной, оно напоминало неприступный бастион, скрывающий тысячи душ. Я невольно остановилась у входа и стала внимательно читать табличку. Оказалось, что в середине XIX века эта земля была подарена султаном семи протестантским странам, в числе которых были Великобритания, Пруссия, США и вся Скандинавия. Эта семерка и сейчас управляет данной территорией.

– Когда-то здесь были Великие поля мертвых, – заговорил со

мной незнакомый голос на английском. Это была совсем юная девушка в платке. – Я пишу диплом на эту тему, но сюда меня не пустили.

– Почему же?

– Сказали, что впускают лишь тех, у кого кто-либо из родственников здесь похоронен.

Я грустно побрела дальше, удаляясь от древнего некрополя, в который теперь так хотелось попасть. Я спешно перешла улицу в неположенном месте и сразу свернула направо у простенького кафе с симитами. Оставалось пройти каких-нибудь несколько сотен метров – и по правой стороне улицы нарисовалась весьма скромная и совсем незаметная вывеска «Tuana Meze Evi».

За стеклом витрины были выставлены десятки неизвестных мне блюд, о составе которых я могла лишь догадываться. Крупный мужчина за прилавком внимательно следил за мной, пытаясь понять по моему смущенному виду, что я здесь делаю. Туристов и иностранцев в этом месте он видел редко, и тут пришла та, которая лишь сегодня утром узнала, что такое мезе, и теперь не знавшая, как подступить к этим блюдам загадочных цветов и консистенций. Несколько раз человек-богатырь пытался заговорить со мной, но я, как истинный интроверт, профессионально уходила от его тщетных попыток. Наконец я достала телефон и загрузила в переводчик вопрос, который волновал меня больше всего.

– Bütün mezeler tazemi?[19]

Великан с недоверием посмотрел на меня и решительно отвернулся, сделав вид, будто что-то перекладывает за прилавком. Мой вопрос привлек еще нескольких работников – наверняка его братьев. Кровное родство я определила по косой сажени, легко уместившейся бы в плечах каждого из них. Я понимала, что делаю что-то не то и, разведя руками, просто улыбнулась. На ломаном языке электронного переводчика мы разговорились, и, в качестве извинения за свой нелепый вопрос о свежести товара, я слабовольно скупила добрую треть всего, что было выставлено на продажу.

Братья наперебой презентовали каждое новое блюдо, непременно заставляя его попробовать. Примерно после десяти дегустационных ложек, что в общем-то уже составляло объем полноценного ужина, я сдалась и сказала, что возьму все, что они рекомендуют. В итоге все остались счастливы, и особенно я – если бы не дождь, начавший накрапывать, стоило выйти из лавки, призванной спасать нерадивых хозяек.

Мелкими перебежками я спешила домой, тщетно пытаясь укрыться от дождя под широкими металлическими маркизами

старых подъездов. Ворох гигантских серых туч плотно заволок небо, и в окнах начали зажигаться тусклые огни. Они так заманчиво трепетали за мокрыми стеклами, что я, с трудом уместив пакет с семейным ужином под курткой, бежала домой, даже не пытаясь перепрыгивать через лужи. *Впервые за долгие годы я вспомнила детство и невероятное ощущение мокрых ног. Нет, это было не как в душе или ванне, а совершенно по-особому, как бывает только во время дождя.* Проворные струи бежали по лицу, безвозвратно смыв небрежные стрелки, которые я еще утром наспех нарисовала без туши для ресниц. Наверное, это даже к лучшему…

Впереди показался шпиль Notre Dame de Lourdes – значит, дом совсем близко. Умытый, как и я, прохладным дождем, он стоял, окруженный каменной изгородью, и казался самым уютным местом на всей планете. Меня уже совсем не беспокоили неразобранные коробки в углу гостиной, груды вещей в шкафах и отсутствие штор на окнах. Главное, что в окне квартиры теплился огонек настольной лампы – дети были дома…

Мы с девочками быстро прибрались в столовой, заполнив остальные комнаты стопками книг, десятками чемоданов и неподъемными ящиками с вином, которое мой Дип собирал уже много лет. Выбор посуды в условиях переезда был у нас невелик, так что многочисленные мезе мы разложили по ярким узбекским керамическим пиалам. Хумусу и бабаганушу достались плошки с гранатами, фаршированным острым рисом баклажанам и обжаренным в масле пирожкам из булгура – пиалы со сказочной птицей симург… Пока младшая дочка тайком дегустировала каждую закуску, я подыскала место для новой орхидеи. Крохотный конвертик попался на глаза, и всезнающий Гугл тут же отрапортовал его содержимое. Оказалось, что наша внимательная соседка этим цветком приносила извинения за шум, доставленный ремонтом ее квартиры. А ведь мы даже не заметили…

– Мы ничего не слышали, потому что у нас всегда слишком громко дома, – заметила Барбара, и мы одновременно многозначительно посмотрели на маленькую Амку, которая, как правило, и являлась виновницей этого шума.

В дверь позвонили, и дети побежали открывать папе с оглушающими криками, а я подумала, что, возможно, однажды мне тоже придется раскошелиться на дюжину орхидей для соседей.

Этим вечером мы ужинали долго и весело. Я в деталях рассказывала о невероятном знакомстве с говорящей по-русски Айше и ее двух помощницах, о французском лицее и, конечно же,

древнем некрополе, в который никого не пускают… Умолчала я только о странном гадании, потому что оно действительно было немного странным.

Перед сном я долго смотрела в окно. Дип тихо стоял рядом, уткнувшись носом в мои волосы, которые я собрала, не высушив, в пучок, и оттого они еще были влажными.

– Ты пахнешь дождем, – тихо сказал он. И мне показалось, что я снова ощущаю это странное чувство стамбульского кейфа – такое спокойное счастье, когда никуда не спешишь и ничего не хочешь менять.

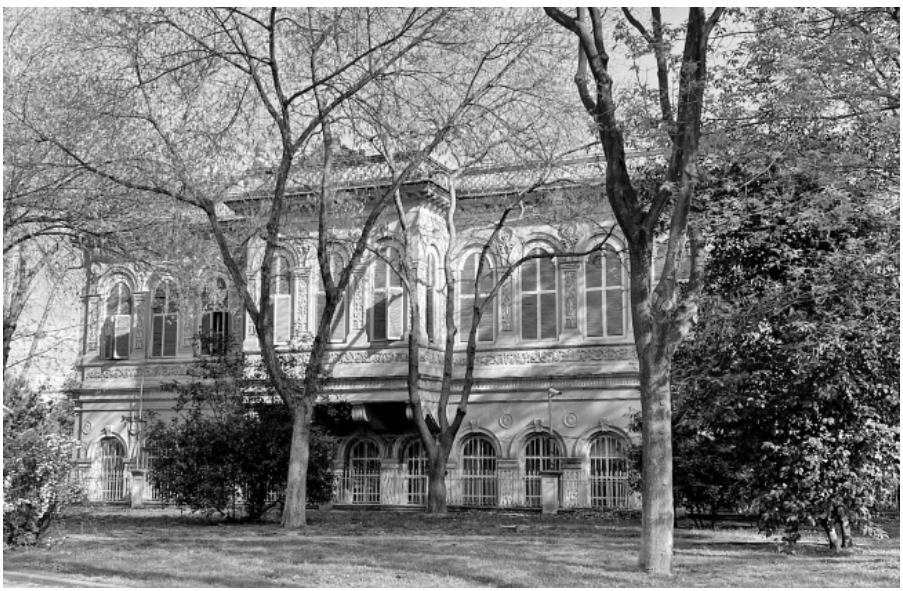
Романтическое утро в фахверковом Бебеке

7 апреля

Синтетический милкшейк и сарафан со шлейками крест-накрест. – Старые ялы султанов и их вельмож. – Белокурая красотка Элис. – Розовощекая старушка за соседним столиком. – Малолетняя прима в памперсе и ее счастливый отец. – Медный сотейник с ароматной «суджуклу юмурта». – Королевский десерт янтарного цвета и несравненный Итальянец.

Скупые лучи апрельского солнца с трудом пробивались сквозь новые шторы из плотного кремового хлопка. Я встала, чтобы раздвинуть их и заодно раскрыть окно пошире. Невероятная свежесть ворвалась в спальню, и Дип лениво потянулся, хотя глаза его все еще оставались закрытыми. Я редко

вижу своего мужа спящим. Обычно он просыпается задолго до меня: включает воду в ванной и нестерпимо долго жужжит электробритвой. Я стараюсь не замечать и поворачиваюсь на другой бок. Затем он идет в кухню, где двигает стулья и звенит посудой. Громко шипит чайник, и ровно пять минут тишины: я знаю, что он пьет черный байховый чай с крохотным кусочком сыра, двумя сухими абрикосами и жменей лесных орехов. В это время я снова погружаюсь в сон и пробуждаюсь лишь от щелчка замка входной двери и приятного запаха его духов, долетевшего до спальни, чтобы тактично сообщить о начале нового дня.



Так происходит пять раз в неделю на протяжении долгих лет, но только не сегодня. Воскресенье – мой день! Пока все мирно посапывают в кроватях, нарядная скатерть ложится на круглый дубовый стол в гостиной, и я спешу в кухню, чтобы состряпать что-то необычное. Однако в этот день все сложилось иначе. Пока я вдыхала свежесть стамбульского утра и прикидывала в уме пропорции для быстрых оладушек на кефире, Дип уже начал свой утренний ритуал с лежанием на японском валике, который когда-то спас его от болей в пояснице, и теперь он никогда не изменял этому очаровательному аксессуару в виде цветастой вытянутой подушки, набитой гречихой.

– Ты так рано… – и я улыбнулась смешной позе, в которой он лежал на моем гимнастическом коврике.

– Засеки время, – буркнул он. – И посиди рядом. Следи, чтобы я правильно лежал.

Я снова улыбнулась. Притом что Дип занимал высокий пост в своей организации, лет двадцать руководил огромными офисами и был своего рода гуру антикризисного управления, со мной рядом он проявлял удивительные черты беспомощности и… ммм… чудачества – назовем это так. Он не умеет пользоваться плитой и стиральной машиной, не знает, как заказать еду в интернете и полить цветы в нашем доме. Когда прошлым летом я на месяц уехала к маме, по возвращении меня ждал сюрприз в виде сгоревших орхидей, которые он выставил на солнцепек, и в таком же состоянии спатифиллума, который до этого мы ласково называли «неумирашкой», так как долгие годы он проявлял удивительные свойства выживать в любой ситуации. Но не в тот раз…

Вчера я попросила мужа купить ванильный сахар. Он позвонил из магазина и уточнил:

– Ванилин по-турецки будет «ванилья»?

– Очевидно, да. Бери и побольше, – я уже начинала готовиться к приближавшейся Пасхе, для которой были припасены новые рецепты куличей.

Вскоре он вернулся и выгрузил на стол несколько десятков

пакетов – каждый размером с плитку шоколада. Выглядело странно, ведь ванилин обычно продают в упаковке с пакетик чая. Я вздохнула: действительно, крохотными буковками сбоку было написано «Vanilya», а вот гигантскими на всю ширину пакета красовалось слово «Milkshake». Дорогой Дип купил ворох синтетических молочных коктейлей со вкусом ванили, которые, естественно, тут же отправились в мусорное ведро. Ему я об этом не сказала, и он, довольный шопингом, отправился консультировать кого-то в скайпе по вопросам антикризисного управления.

А еще недавно он собирал нашу четырехлетнюю дочку в сад. Задача, конечно, не из простых – сарафан со шлейками крест-накрест, причем на спине. Не знаю, как так вышло, но шлейки оказались у ребенка под мышками, руками шевелить Амка не могла, а Дип решил, что сарафан дочке попросту мал. Конечно, такие бытовые казусы случаются в нашей семье крайне редко, потому что каждый занимается своим делом. Я – книжками и домом, а Дип использует свой мегамозг в стенах родного офиса, составляя многомиллионные бюджеты и прогнозируя инвестклимат на ближайшие годы. Кесарю – кесарево…

Пять минут лежания на валике прошли, но не успела я сообщить это, как стал трезвонить мобильник Дипа. Я бросилась к нему: не хотелось будить детей так рано. В трубке послышался женский голос. Покраснев, я передала телефон мужу и вышла из комнаты. Мне не нравилось думать, что в воскресенье утром ему может звонить какая-то женщина, с которой он говорит по-английски. Дип подтвердил с ней встречу. Это было похоже на кошмарный сон. Ощущение свежести от так славно начавшегося утра вмиг испарилось, оставив неприятный привкус: прямо под окном газовал старый грузовик. Я быстро захлопнула створку и задвинула штору – в комнате снова воцарились тишина и полумрак.

– Тебе холодно? – как ни в чем не бывало поинтересовался он. – Кстати, хорошая новость. Тебе сегодня не придется готовить завтрак.

Вот это самомнение! Если он куда-то уходит, разве должны мы с детьми лишать себя семейного утра? Ну уж нет! Дип посмотрел на меня непонимающим взглядом.

– Я думал, ты обрадуешься, что мы вместе пойдем на завтрак. Моя коллега пригласила нас сегодня в какую-то шаркутери на Босфоре. Говорит, там невероятно красиво. И дети смогут побегать. И ты пообщаешься, развеешься…

Я с трудом сглотнула ком, уже успевший подступить к горлу,

и быстро заморгала глазами, чтобы помешать слезам, хотя они уже скопились и готовы были хлынуть. Ох уж эта депрессия… Все-таки нужно поскорее от нее отделаться, и сегодняшнее утро – хорошая для этого возможность.

Мы наспех оделись, а после целый час уговаривали младшую дочку расчесать волосы, а старшую – составить нам компанию. Разница в десять лет между детьми делает процесс воспитания невыносимо мучительным. Наконец тинейджер сдался под отцовским напором, зато молодое поколение упорно отказывалось воспользоваться расческой – и тогда сдались мы.

Стамбул в воскресенье просыпается поздно. Впервые за все время пребывания в этом городе мы ехали по совершенно пустым бульварам, не стояли подолгу в узких переулках, не уворачивались от лихих мотоциклистов, развозящих еду из ресторанов. Город, умытый ночным дождем, источал свежесть и прохладу первого апрельского воскресенья. Набухшие на деревьях почки вот-вот готовы были выпустить нежные зеленые ростки, и лишь великолепные магнолии, разбросанные по всему городу, удивляли гигантскими благоухающими цветами, распустившимися прямо на голых ветвях.

> Уличные торговцы, готовясь к прибыльному дню, звенели железными повозками и до блеска начищали стекла передвижных прилавков. Скоро в них загорятся нежным золотом хрустящие симиты и жаренные в масле пирожки.

А вот и горы гранатов вырастают прямо из деревянных ящиков: еще полчаса – и по чистой мостовой побегут красными ручьями дорожки алого прекислого сока, не поместившегося в стеклянные бутылки покупателей. К полудню разогретая солнцем улица наполнится парами этого витаминного напитка, отчего будет приятно щекотать в носу.

Но сегодня мы этого не увидим, так как направляемся извилистыми улочками в один из невероятно красивых районов Стамбула – Бебек. В переводе с турецкого «бебек» означает «ребенок», хотя ничего общего с этой возрастной категорией не имеет. Когда-то, чтобы подчеркнуть ценность этих земель, расположенных прямо на берегу пролива, их называли зеницей ока самого Босфора – «Bosforosun Gözbebegi»[20]. Спустя столетия длинная фраза упростилась ленивыми горожанами настолько, что от нее осталось лишь последнее слово – Bebek. Привлекательность района росла с каждым годом, и по сей день это одно из самых излюбленных мест коренных стамбульцев, где

они с удовольствием проводят каждое воскресное утро.

Мы долго плутали по узким извилистым улочкам, плотно уставленными деревянными домиками, отполированными прохладными ветрами. Будто сделанные из лего, они пестрели всевозможными оттенками от нежных пастельных до насыщенных бордовых тонов. Я представила, как прекрасна должна быть эта фахверковая архитектура в погожий солнечный день. Строгая геометрия деревянных балок, составлявших остов многовековых построек, основывалась на старой европейской традиции, принесенной в эти земли архитекторами с итальянскими и французскими фамилиями. Несмотря на мелкий капризный дождь, скупо окроплявший улицы, но при этом не решавшийся уйти насовсем,

> фахверковые постройки выглядели стойкими солдатиками, перенесшими не одно поколение султанов и их расточительных вельмож, которые проводили в них свои веселые летние отпуска.

Такой тип дач существует и по сей день и называется красивым словом «ялы». Пораженные их красотой, мы наконец спустились к самому проливу и бросили машину на стоянке Is Park (это самый доступный и популярный тип парковки в Турции).

Одетые в спортивные костюмы красивые люди медленно прогуливались с любимыми питомцами на кожаных поводках со стразами. Пушистые шпицы нехотя маршировали по мокрым тротуарам, брезгливо подергивая смешными мордочками. Яркие вывески многочисленных кафе отражались в мокром асфальте, отчего дорога представлялась в ярких радужных разводах.

Все это напоминало игру The Sims, в которую мы когда-то играли в детстве: идеальный город и идеальные

люди. Что только здесь делала я?

Мои нечесаные дети еле тянулись, цепляясь носками кроссовок за каждый камень или бордюр, отчего я постоянно шикала на них, призывая быть осторожнее. В последнее время они перестали любить шумные вылазки. Все чаще мы предпочитали тихие семейные завтраки с нарядной скатертью на круглом одноногом столе и непременно при раскрытом настежь французском окне в гостиной.

Как только по утрам начинают звенеть кастрюли, дети тут же спешат в своих милых халатиках в кухню, чтобы помочь с сервировкой. Амка тщательно отсчитывает количество приборов, а старшая подтрунивает над ней за медлительность, хотя сама тот еще математик. Мне нравится наблюдать за их перешептываниями по углам, когда они пытаются скрыть следы преступления в виде съеденного пирога до завтрака или пролитого на скатерть сока. Дип называет это командной работой, а я просто получаю невероятное удовольствие от моих милых заговорщиц.

Однако сегодня утром наш привычный завтрак был самым бесцеремонным образом сорван белокурой красоткой Элис (в ее профиль я успела заглянуть, пока муж принимал душ), и теперь мы чинно шествовали за Дипом. Он пытался отыскать ту самую шаркутери на карте в телефоне. Впереди у заведения с вывеской «Bebek Kahvesi» шумела толпа, и мы уже собирались ее обойти, как вдруг кто-то несколько раз выкрикнул имя мужа. Та самая блондинка из телефона высоко подпрыгивала и изо всех сил размахивала руками у входа. Она быстро пробилась к нам сквозь толпу, схватила Дипа за руку и потянула за собой, объясняя всем вокруг что-то по-турецки. Конечно, мы с девочками бросились следом, хотя уже и без особого желания. Мне все меньше и меньше нравилось то утро, и я почти расстроилась, что не согласилась остаться дома. Барбара, будучи взрослой девочкой, сразу заметила смену настроения и взяла меня под руку. Она всегда так делает, перед тем как обнять и сказать, что я ее лучшая подружка. Но в этой шумихе было достаточно и легкого прикосновения без слов – остальное я поняла сама.

Мы быстро прошли сквозь длинный узкий зал, сплошь заставленный деревянными столиками (к слову, все они были заняты). Они стояли так близко друг к другу, что официанты с трудом пробирались сквозь узкие проходы. Один работник в переднике, облокотившись о витрину с десертами, грустно смотрел в зал. Из-за грузной комплекции он не мог лавировать

между клиентами и теперь грустил об упущенных чаевых, которые в этот час щедро раздавались его коллегам. Пожалуй, он был вторым человеком в этом заведении, которому происходившее приносило сплошные разочарования.

Наконец мы добрались до широкой двери в конце зала, которую веселая Элис распахнула и, звонко засмеявшись, воскликнула: «Voilà!» Перед нами простирался невероятный Босфор во всем своем необузданном великолепии. Подсвечиваемый едва уловимым светом, пробивающимся сквозь прорехи бледных туч, он мягко колыхался так близко, что, казалось, дотянуться до него можно было без труда. Оживленная Амка всплеснула руками и тут же бросилась к крохотному парапету, но там ее подхватил услужливый официант и, нежно потрепав за пухлые щеки, вернул обратно. Элис стояла рядом и, кажется, была в восторге от произведенного эффекта. Она меня звучно расцеловала и повела знакомиться со своим семейством, которое уже чинно восседало за огромным столом у самой воды, – муж, сын лет десяти и старенькая мама, которая плохо слышала, однако все время вежливо кивала и улыбалась.

– Это такое везение, что мой одноклассник работает здесь поваром. Иначе бы нам сюда не попасть! Да еще такой столик! Его держат на случай, если заглянут какие-нибудь звезды. Отсюда прекрасный вид на Босфор. Вот, полюбуйтесь! – возбужденно кричала Элис, чем приводила шумную Амку в невероятный восторг.

Оказалось, что столик с таким видом в воскресное утро – настоящая ценность, так как именно в этот день весь Стамбул отправляется на семейные посиделки к проливу. Обычно они

начинаются часов в десять-одиннадцать и плавно перетекают в обед, заканчивающийся часам к трем. В подтверждение этому справа от нас собралась еще одна компания, в которой я легко насчитала четыре поколения.

> Самую старенькую бабулю ввезли на коляске, и все по очереди нежно целовали ее во впалые щеки, так что в конце этого премилого церемониала она раскраснелась, как девица, и такой оставалась уже до самого завершения завтрака —

все это время она медленно пережевывала луковую глазунью и выглядела вполне счастливой.

Рецепт

Глазунья на берегу Босфора с розовощекой старушкой

- ***2 куриных яйца***
- ***1 луковица***
- ***1 чайная ложка паприки***
- ***0,5 чайной ложки растертого кумина (зиры)***
- ***1 чайная ложка сухой мяты***
- ***0,5–1 чайная ложка сахара (или 1 чайная ложка меда)***
- ***Соль и перец по вкусу***
- ***0,5 столовой ложки смеси оливкового и сливочного масла***

Луковая яичница – излюбленное блюдо старшего поколения. Ее подают на завтрак в огромных старинных квартирах с видом на Босфор и распахнутыми ставнями – разве можно преграждать путь пронырливому бризу?

В сковороде согревают два вида масла и сразу отправляют к ним нарезанный перьями лук – он скоро станет прозрачным, и тогда его можно будет слегка карамелизовать несколькими щепотками сахара или ложкой меда. Засыпают специи и тут же разбивают яйца. Раздается приятное шипение, и истинно винтажный аромат, какой можно услышать лишь в османских постройках, разносится по всему кварталу. Горстка маслин обязательно должна украсить любое утреннее блюдо – они продлевают жизнь (здесь это нужно просто принять на веру). А если нежный мякиш лепешки обмакнуть в жидкий желток и тут

же отправить в рот, можно на несколько минут окунуться в блаженную нирвану, имя которой – стамбульский кахвалты[21].

Такое поразительное отношение к старикам заставило задуматься, а прыткая Элис, уловив эту эмоцию, тут же начала пояснять:

– У нас всегда так. Мы очень уважаем наших стариков. Они заложили основы нашей семьи, и мы им благодарны за это.

– А вам не скучно проводить время со своими бабушками?

– О! Нам даже с прадедушками не скучно! – И она заливисто засмеялась, подмигнув своему мужу. Позже я узнала, что его прадедушка живет с ними, чем доставляет им массу хлопот, однако они воспринимают их скорее как развлечение, чем нагрузку. – Вчера он обиделся и наотрез отказался поехать с нами.

– А почему обиделся?

– Причина смешная! Дедуля очень любит ходить в магазин за продуктами, но мы не разрешаем: зачем ему носить тяжести? Вот и спрятали его сумку на колесах. Он заявил, что мы его предали и он впредь не будет с нами общаться. Но, пока мы вас здесь ждали, позвонила соседка и сказала, что он взял тележку у своего друга и тут же отправился на базар. Так что, когда вернемся, будем делать удивленные глаза. А он скажет: «Вот видите, вы без меня никуда».

Это показалось удивительно трогательным и милым, и даже стало немного стыдно и захотелось поскорее позвонить маме. Дип нежно приобнял меня за плечи и указал на соседний столик. Сидевшие за ним увлеченно смотрели в нашу сторону и умиленно улыбались, как будто мы предложили оплатить их счет. Но, боюсь, даже в этом случае их улыбки были бы менее широкими, чем сейчас. Все эти люди с восторгом наблюдали за Амкой, которая с аппетитом уплетала эклер, принесенный услужливым официантом в качестве комплимента. Сам же официант стоял за моей малышкой и, приподнимаясь на цыпочках, едва не аплодировал ей. Когда же соседний столик начал посылать воздушные поцелуи, чередующиеся с овациями, я занервничала.

– Мы просто очень любим детей, – опять вызвалась пояснить разговорчивая Элис. – Для турок дети – это всё, понимаете?

Конечно, я понимала. Для меня тоже мои дети – это всё, но Элис перенаправила ход моих мыслей.

– Вы любите собственных детей, а мы любим их всех. В этом разница. Турецкие мужчины просто с ума сходят, когда видят малышей. Причем независимо от их возраста.

– Независимо от возраста детей?

– Независимо от возраста мужчин.

Я тут же вспомнила несколько эпизодов, которым только сейчас нашла объяснение. Когда мы на днях стояли в очереди в бургерной, группа подростков, вместо того чтобы залипать в телефоне или болтать друг с другом на малопонятном сленге, корчили смешные рожицы Амке и так и норовили подергать ее за нос. Мальчишки лет пятнадцати, которые должны проходить мимо четырехлетних детей, попросту не замечая их, двадцать минут умилялись розовощекой мордашке моей дочурки и, естественно, пропустили нас вперед, а в конце самый прыткий из них все-таки умудрился дернуть ее пару раз за косичку. Она недовольно насупилась, что привело их в еще больший восторг. И если так ведут себя тинейджеры,

> зрелые папаши просто сходят с ума, когда у них появляется собственное чадо. Отпрыску позволяется все! К черту нормы воспитания! Туркам они неизвестны. Если ребенок что-либо хочет, ему нужно это дать.

И знаете почему? Да просто у него очень сладкие щечки. В Стамбуле все без исключения нюхают детей и получают от этого невероятное удовольствие.

– Наши дети – часть стамбульского кейфа. Вы знаете, что это такое? – округлила свои и без того большие глаза веселушка Элис.

О, знаю ли я про стамбульский кейф? Вы еще спрашиваете! Как же не знать, если в этом городе все о нем только и говорят и исключительно им занимаются. С утра и до вечера! Это такой своеобразный стамбульский секс, от которого удовольствие гарантировано при любой погоде.

В дальнем углу террасы сидела молодая пара с девочкой лет трех. Я сразу обратила на них внимание, потому что знала, что скоро Амка потянет меня к ним выяснять, на каком языке говорит этот ребенок, поэтому аккуратно присматривалась, определяя степень адекватности семейства: заговорить-то первой придется мне. Я с ужасом наблюдала за тем, как девочка вначале смешала соль с сахаром, затем вылила два стакана чая на белоснежную скатерть, а после размазала красный менемен по кремовой подушке на стуле. И все бы ничего, да только малышка умудрилась намочить колготки и напрочь отказывалась их менять. Официант в связи с этим принес ей эклер (какой избитый трюк!) и с идиотской улыбкой на лице наблюдал за тем, как она жмякала его крохотными ручонками на той же скатерти поверх менемена. Соседний столик изменил Амке и посылал овации

новой приме. А ее бедный папа, держась рукой за сердце, умолял бессовестную дочь позволить ему сменить мокрые колготки. Он едва не плакал, называя безразличного к мольбам ребенка любовью и смыслом всей жизни, на что пухлощекая особа в памперсе только вертела вздернутым носом и ковыряла крохотным пальчиком в яичнице. Соседний столик был в восторге от поведения отца, а тот, упиваясь собственным счастьем, сам завидовал себе. Я представила, что сделала бы со мной мама, вздумай я выкинуть нечто подобное в детстве. Да что мама? Могли бы мои дети вести себя так? Амка с ужасом смотрела на непослушную девочку, а я молча радовалась тому, что знакомиться с ней мы уже вряд ли будем.

Мы так заболтались, что не заметили, как приступили к завтраку.

Это был классический стамбульский кахвалты, так много и ярко описываемый в литературе и дневниковых записях путешественников прошедших столетий.

О нем мне говорили все, кто когда-либо заезжал в эти места и имел хотя бы призрачную возможность прикоснуться к местному гурманскому экстазу.

Белоснежная чайка плавно опустилась рядом и, важно расхаживая по парапету, желала нам приятного аппетита вполне членораздельными звуками. Ее хотелось слушать еще и еще, и чем больше я слушала, тем проще понимала ее далеко не птичьи интонации. И как я не замечала раньше, что чайки умеют говорить? Гигантская баржа медленно проплыла мимо, затянув протяжную песню тоскливым гудком. Наконец она растворилась в темных водах холодного пролива, увлекая меня в глубокие раздумья. Однако пряный запах пробудил приятную щекотку под ложечкой, переключив внимание на блестящий медный сотейник

с традиционным утренним блюдом суджуклу юмурта. По сути, это обыкновенная глазунья, зажаренная в медном сахане[22], рядом с которой ютятся несколько кусочков классического суджука. Это пряная, буквально обваленная в специях мясная колбаса, которую употребляют непременно в жареном виде: блестящая от курдючного сала, она источает изумительный аромат разогретых чамана[23], кориандра и кумина[24].

Не будучи большой поклонницей переработанного мяса, я аккуратно отодвинула в сторонку ярко-красные ломтики и принялась за глазунью, сплошь пропитанную восхитительным букетом пикантных трав. Элис легонько пихнула меня в плечо и пожурила сморщенным носом —

> турчанки любят разговаривать гримасами. Во время беседы с ними у меня обычно складывается впечатление, что они чем-то ужасно недовольны, хотя разговор вроде бы о погоде…

Они, как француженки, выпячивают губы вперед и, почти срываясь на скандальные интонации, приглашают, скажем, прогуляться вместе по набережной. К такой вербальной манере нужно привыкнуть и, что немаловажно, не начать копировать. Я представила, что, если к моему вечно унылому выражению лица добавить еще и недовольный тон стамбульской женщины, моя семья найдет себе другую маму. Я сделала над собой усилие и просто улыбнулась Элис, которая уже своей вилкой ковыряла в моей сковородке, придвигая поближе кусочки суджука. Еще минута – и она начала бы их резать ножом, поочередно отправляя мне в рот. Я немедленно остановила это безобразие и откусила от жирного мясного кружка: рот тут же наполнился теплым обжигающим соком – по правде, я не рассчитывала на острые блюда с утра. Между тем время стремительно приближалось к полудню.

Все мило беседовали, за исключением мамы Элис, которая все так же доброжелательно кивала на замечание каждого. Дети принялись кормить чаек горячими симитами. Хлебные крошки, падавшие в воду, приводили в восторг мелкую рыбешку, которая старательно кружила хороводы, рассчитывая на легкую наживу. Роскошные яхты проплывали одна за другой, заставляя каждого провожать их длительными взглядами. Начищенные белоснежные корпуса контрастировали с серыми водами пролива и напоминали накрахмаленные хлопковые воротнички на элегантных кашемировых костюмах. Эти суда были из совершенно другого мира – мира роскошных интерьеров и

дорогих безделушек, которые так любят жители этого города.

Официант услужливо наклонился к моему уху и что-то прошептал.

– Вы будете сливки? – перевела мне Элис, хотя мне показалось, что я и сама поняла, о чем он спрашивал. Неужели мои онлайн-уроки давали плоды? Помня историю с суджуком, я утвердительно кивнула официанту, и он водрузил столовую ложку сливок поверх неизвестного десерта янтарного цвета.

Желе? Я аккуратно разрезала его ложкой и положила небольшой кусочек в рот. Элис с нетерпением ждала моей реакции, и даже ее мама, кажется, на минуту перестала кивать. Невероятно нежная текстура быстро таяла во рту, не позволяя сосредоточиться на вкусе. И только я готова была угадать, на что это похоже, как мимолетное ощущение вмиг испарилось, оставив после себя сливочное послевкусие каймака. Я тут же бросилась за следующей ложкой, потом еще за одной – и так, пока весь десерт не был съеден.

– Султанское угощение… – довольно произнесла Элис и принялась за свое кушанье. Я с завистью провожала взглядом каждый ее кусок и умоляла поведать тайну этого блюда. Ощущение легкости не покидало меня, хотя как минимум четыреста килокалорий я только что потребила и не заметила. Дип спешно расправлялся со своей порцией. И вдруг его очаровательная коллега слегка прищурилась и, заговорщицки кивнув, быстро поволокла меня в сторону кухни. Где-то за спиной захныкала Амка, но я даже не обернулась: мне казалось, что впереди ждет очередное открытие, непременно связанное с загадочным кейфом.

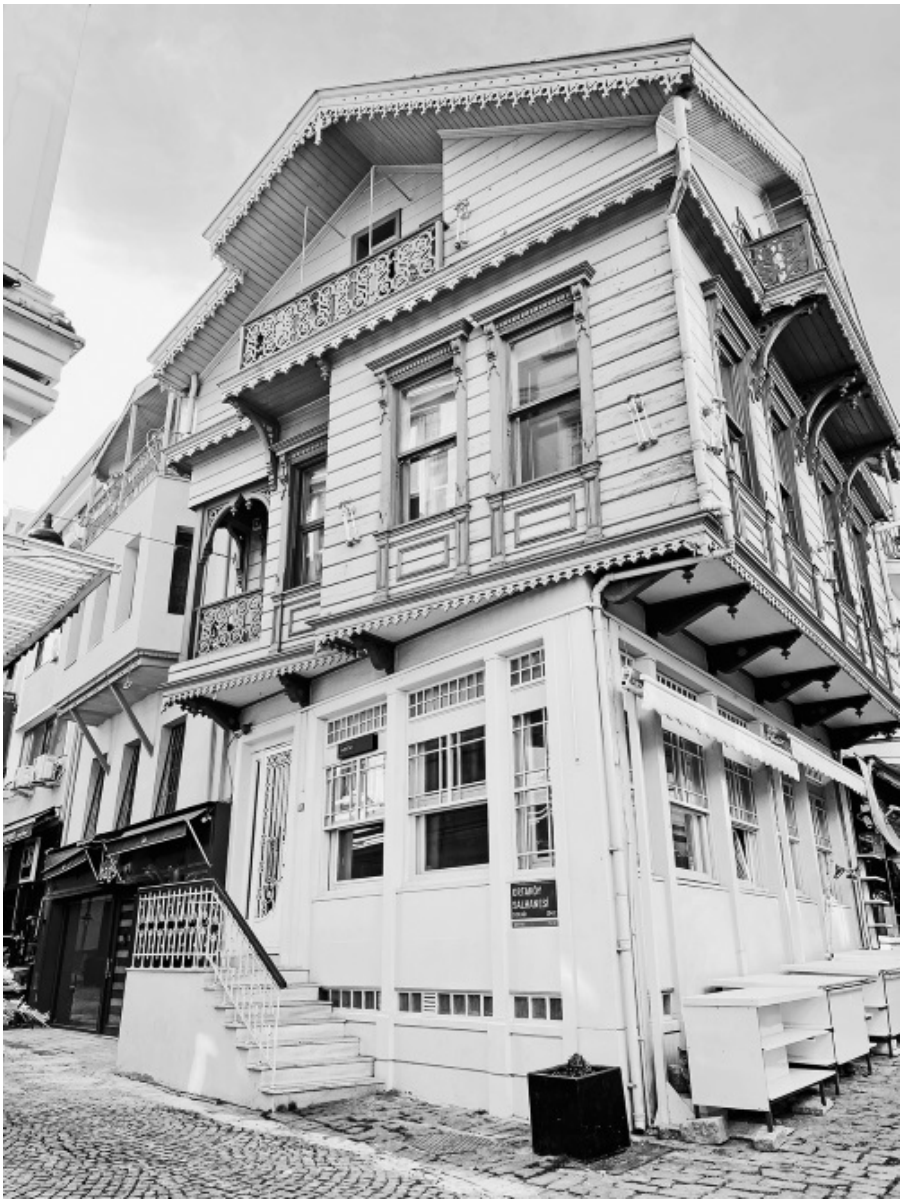
Через минуту мы стояли в длинном жарком помещении с ужасно низкими потолками, отчего дышать было сложно. После прохладного бриза на берегу нахождение в этой каморке показалось непростым испытанием, и я уже почти пожалела, что так легко пошла на поводу у инициативной Элис. Тем временем она с пристрастием допрашивала пробегавших мимо официантов. Наконец, один ткнул пальцем в дальний угол и после еще долго объяснял, используя слова «sağa»[25] и «sola»[26]. Я снова с удовлетворением отметила прогресс в турецком.

Мы начали пробираться в конец зала, вдоль которого стояли длинные разделочные столы и гигантские плиты с десятками скворчащих сковородок. Симпатичные повара ловко орудовали ножами, быстро вспарывая помидоры и искусно снимая тонкую кожицу – для менемена. Они плотно прижимались к столам, чтобы пропустить нас, на что Элис реагировала весьма эмоционально. Мне даже показалось, что, будь она француженкой, ей стоило произнести сейчас «о-ля-ля!». Будто прочитав мои мысли, она кокетливо махнула белокурой гривой и мило прошептала «мерси» черноусому парню, галантно открывшему нам дверь. Ох уж эти стамбульские женщины…

Мы прошли еще несколько коридоров, поднялись по узкой темной лестнице, пока, наконец, не оказались в большой, наполненной светом комнате. У самого окна за старинным

резным столом сидел человек с широкой белозубой улыбкой и смешными манерами. Он постоянно размахивал руками, что, казалось, помогало ему выражать мысли – по крайней мере, я почти понимала его без слов. Когда выяснилось, что пять лет он учился в сицилийской Таормине, а позже там же стажировался у известного Пьетро Д'Агостино, объехав древний остров вдоль и поперек в поисках истинных вкусовых сочетаний, я поняла, откуда у него такая любовь к жестикуляции, и про себя назвала этого милого шефа (который, к слову, был тем самым одноклассником Элис) Итальянцем. Элис в деталях поведала ему, в какой восторг меня привел его десерт, и он тут же принялся рассказывать в красках, как дорабатывал его под жарким солнцем Палермо и под мягкий шум прибоя Сиракуз. Этот повар был человеком-ветром, который, как фигаро, метался от темы к теме, и ничто не могло привести его мысли в стройный ряд. И если бы не Элис, не знаю, до какого отчаяния меня довела бы болтливость этого кулинара.

– Айва татлысы, – резко заявила она. – Нам нужен рецепт.



Будто по мановению волшебной палочки, многословный шеф затих – и через каких-то пару минут мы уже стояли у гигантской печи в знакомом душном помещении. За закопченной стеклянной створкой на большом чугунном противне томились половинки очищенной айвы. Итальянец интенсивно жестикулировал, путаясь в ингредиентах и их пропорциях, я же наспех делала заметки в телефоне, так как боялась упустить что-то важное. Итак, десерт, покоривший меня с первой ложки, готовился из айвы. Это вполне добавляло ему бонусов в виде витаминов и минералов,

содержащихся в этом фрукте.

Рецепт

Айва татлысы от амбициозного шефа по прозвищу Итальянец (идеальный десерт для воскресного завтрака с чайками) (порция на двоих)

- ***2 плода айвы***
- ***2–3 столовые ложки сахара***
- ***1 чайная ложка молотой корицы (также можно использовать и скрученную кору – палочку корицы)***
- ***3–4 нераскрывшихся бутона сухой гвоздики (это те самые коричневые палочки со специфическим запахом)***
- ***4 растертых плода кардамона***
- ***Сок и цедра половинки лимона***
- ***Зерна граната (не обязательно)***

Для получения нежнейшей желеобразной консистенции необходимо очистить плоды, разрезать их пополам и удалить сердцевину. Очистки следует сохранить, так как именно они и сыграют впоследствии роль главной скрипки в этом сладком блюде.

– Знаешь, как по-португальски будет айва? – спросил меня Итальянец, показывая фрукт в виде сложенных вместе ладоней. Видимо, он думал, что так мне будет проще припомнить португальский. Конечно же, я не знала. Он нервно махнул рукой, будто я совершила непростительную ошибку и не сдала выпускной экзамен. Однако вскоре смягчился и пояснил:

– Мар-ме-ло! Понимаешь? Вот откуда мармелад! Желирующий реагент в самой айве. В ее косточках. А краситель – в кожуре.

Так вот почему дно формы, в которой запекались дольки, было устлано очистками! Этот ход показался мне оригинальным. В каждую очищенную половинку айвы требовалось положить столовую ложку сахара, посыпать сухой гвоздикой и толченой корицей, сбрызнуть лимонным соком с цедрой и залить небольшим количеством воды – чтобы уровень доходил до середины плодов – и, накрыв плотно крышкой или затянув фольгой, отправить в горячую печь. В форму можно забросить пригоршню гранатовых зерен – тогда мякоть приобретет еще более насыщенный цвет, но и без них готовый фрукт выглядел вполне янтарным.

Волокнистая айва запекается медленно – часа полтора-два при 200 °С. Температуру можно понизить, но тогда и время,

проведенное айвой в духовке, увеличится примерно на час. По готовности ее достают из формы, раскладывают по порциям, слегка увлажняют желейным сиропом и обязательно охлаждают. Перед подачей блюдо нужно украсить ложкой каймака (взбитые сливки тоже подойдут) и посыпать толчеными фисташками или другими орехами. Рецепт показался мне более чем простым, и я решила на днях обязательно опробовать его.

Мы долго обнимались и целовались с любвеобильным Итальянцем, а когда вышли вновь на террасу, там уже накрапывал дождь, и гости за нашим столиком собирались по домам. Дип выглядел устало, и я поняла, что отсутствовала слишком долго. Он вообще тяжело переносил длительные расставания, особенно если его одного оставляли с детьми.

К машине мы шли молча. Каждый думал о своем. Я радовалась спонтанной встрече с причудливой Элис, которая так удивительно срежиссировала сегодняшнее утро. На душе было сладко от приятных воспоминаний о розовощекой старушке в коляске, капризной девочке и ее папе, удивительном Итальянце, что так легко раскрыл секрет невероятного десерта из айвы.

> Это был совершенно новый мир со странными мелочами, делавшими жизнь яркой и запоминающейся, полной настоящего стамбульского кейфа, без которого я, кажется, уже не могла прожить и дня…

Детективная история в апельсиновом городе

30 апреля

Индукционная плита, медная джезва и витамин Д. – Аптека, в которой лишь поят чаем. – Витражи аббатства Обазин в руках торговца подделками. – Сгорбленные липы у мечети Ташвикие. – Загадочная фотография в телефоне Шади. – Потертый томик Агаты Кристи и вольтеровское кресло канареечного цвета.

До чего же весна казалась капризной в этом городе: она то и дело окропляла брусчатые улицы дождем, лишь изредка озаряя их скупыми лучами смущенного солнца. Бледное и больше похожее на луну, оно застенчиво улыбалось из-за кисельных туч и тут же пряталось снова. Стамбул, представлявшийся мне прежде жарким курортом, в действительности же больше походил на угрюмый северный город, в котором пора было обеспокоиться нехваткой витамина Д. И этот дефицит явно не шел мне на пользу.

Оставшись одна дома, я долго не могла заставить себя сесть

за работу. Лэптоп одиноко пылился на столе, заваленном книгами в ярких переплетах, которые должны были вдохновлять меня на усердный труд. Главным разочарованием месяца было то, что варочная панель в новой квартире оказалась индукционной, а это значило, что многочисленные медно-латунные антикварные джезвы, которые я начала собирать после знакомства с фанарioткой Айше, попросту не работали. Стоило мне поставить их на конфорку, плита тут же издавала пронзительный писк и демонстративно отключалась, не давая ни единого шанса бесполезным туркам. Это было похоже на неравную борьбу старых традиций с современными технологиями, в которой неизменно побеждал электрочайник, грохотавший, как длиннющий состав поезда Минск – Москва.

> Мне не хватало тихого шуршания джезвы, похожего на пророческий шепот, вселяющий радость и надежду.

Я быстро собралась и, захватив зонтик, вышла из дома. Мне нужно было солнце, чтобы раскрыть глаза, смыкаемые низким артериальным давлением; нужны были свежие эмоции, чтобы дописать очередную главу книги; яркие встречи, чтобы взбудоражить мозг новыми нейронными связями и заставить его работать в полную силу.

По пути мне то и дело встречались многочисленные аптеки с гигантскими вывесками «ECZANE»[27]. Припоминая новые слова из разговорника, что я изредка открывала перед сном, я собралась с духом и толкнула невысокую стеклянную дверь, сплошь заклеенную рекламками неизвестных мне препаратов. Пожилая парочка, которую наверняка связывало нечто большее, чем бизнес, внимательно уставилась на меня. Два наполненных доверху армуда[28] с крепким чаем дымились на прилавке. Мне стало неловко, что я оторвала кого-то от приятного чаепития, и я уже было попятилась назад… Но женщина в белом халате замахала рукой и стала бегло о чем-то спрашивать. Мои попытки несвязно изъясняться по-турецки, видимо, выглядели странно, а может быть, мой вид был настолько нездоровым, что меня тут же усадили в специальное кресло, натянули на руку манжет и принялись измерять давление. Девяносто на шестьдесят. Всплеснув руками, женщина, очень похожая на мою бабушку Софию, понеслась к прилавку и тут же вернулась, держа в руке стакан с чаем.

– Içç[29], – настойчиво сказала она и поднесла армуд прямо к моим губам. Я сделала глоток и спустя каких-то несколько секунд почувствовала себя гораздо лучше.

Сколько я ни пыталась объяснить этим милым людям, что в

городе мало солнца и мне нужны витамины, они лишь молча качали головами и протягивали мне заветный стакан с безумно сладким чаем. Я даже нашла на полке упаковку с тем, что искала, но они настырно не обращали никакого внимания на мои просьбы. Это было странно: в любом другом городе меня бы давно снабдили батареей баночек с четкими рекомендациями по употреблению их содержимого. Здесь все было не так. Наконец меня проводили до двери и указали дорогу.

– Ступай в Нишанташи! Там гуляй. Долго. И пей portaka suyu[30].

Что такое «портакал сую», я хорошо знала, потому что вывески с этими словами встречались здесь еще чаще, чем «ECZANE». Я пообещала зайти как-нибудь еще, а сама побрела в указанном направлении, повинуясь рекомендациям необычных фармацевтов, которые так и не продали мне желанный витамин Д.

Карта в телефоне определила маршрут в десять минут, и я медленно шла мимо хорошо известных мне домиков цветов радуги. В трещинах на фасадах пробивалась молодая зелень, что превращало эти недостатки в высокохудожественные приемы. Наконец я пересекла широкий проспект Halaskargazi прямо у метро Osmanbey и медленно побрела по узкой улице Rumeli.

Кругом распахивали начищенные двери торговые лавки, предлагавшие товары на любой вкус, в том числе и искусные копии брендовых вещей. Я будто шагнула на глянцевые страницы фэшн журналов, где каждому было доступно все то, о чем только пару месяцев назад заявили на Неделе моды в Нью-Йорке. Призывно смотрели гобеленовые сумки-шопперы Dior, безразмерные клатчи-подушки Bottega и набившая оскомину черно-коричневая клетка LV. На пару минут я зависла у витрины, рассматривая изящную модель 2.55 дома Шанель. Когда-то в университете я писала работу о великолепной Коко и так прониклась ее сильным духом, что решила непременно обзавестись ее сумкой – как знак уважения к революционным идеям слабой и одновременно великой женщины. Находчивый хозяин магазина реплик быстро смекнул и, не успела я опомниться, уже презентовал все прелести заинтересовавшей модели. Сумка действительно была неплохой копией: традиционная кожаная бордовая подкладка, кармашек на замке для любовных писем и легендарная стеганая клетка…

– Эти квадратики очень модные! – искал плюсы находчивый продавец на ломаном русском. Клиент в это время дня – большая удача.

– Это не квадратики, – сказала я ему, возвращая сумку. – Это

витражи аббатства Обазин. – И пошла дальше, подгоняемая легким будоражащим ветром.

Копии дорогих вещей навевают тоску – как и копии людей, копии жизней и даже судеб. Мальчик-мусорщик резво собирал выставленные пакеты, торопясь успеть навести лоск на торговой улице до того, как на нее хлынут толпы веселых зевак. Он грузил мусор на огромную телегу и, толкая ее перед собой, медленно взбирался по крутому подъему брусчатого переулка.

Со скрипом открывались деревянные ставни, и заспанные люди, потягиваясь, выглядывали из окон с крохотными чашками в руках. Они кивали друг другу, как старым знакомым, и казалось, что за последние сто лет здесь ничего не изменилось.

> Поразительная преданность времени и верность традициям жили повсюду: в потертых фасадах дорогих домов; в мостовой, вылизанной до скользкости ветрами и подошвами; в ссутулившейся фигурке маленького мусорщика, который унаследовал свой скромный заработок от отца, а тот от деда; в жалящем скрипе медных замков на окнах, что распахиваются каждое утро в одно и то же время, выдыхая тонкий аромат свежезаваренного кофе.

Я представила, как много лет назад прогрессивные султаны осваивали новые земли города. Неудивительно, что им приглянулся этот зеленый оазис, сплошь покрытый лесами. Здесь часто охотились и тренировались в стрельбе из лука молодые принцы. Их звонкие псы гоняли дичь по округе, пока находчивые вельможи захватывали участок за участком, чтобы хоть как-то приблизиться к высшему сословию. Сегодня, если быть внимательным, можно увидеть вмонтированные в тротуары кривеньких улиц Нишанташи каменные столбики, на которых выбиты имя принца, расстояние полета его стрелы и дата. Поиск таких вех может стать увлекательным квестом, только мне играть было не с кем, и я просто рассматривала древние письмена на встречавшихся камнях.

Я неспешно брела по улице Rumeli, впитывая невероятные ароматы утренней сдобы: крендельки и булочки всевозможных форм пробуждали здоровый утренний аппетит. Справа, на большом перекрестке (где магазин люксовых турецких товаров Yargici), расположились в рядок крикливые продавцы апельсинов. Они ловко подкидывали в воздух сочные оранжевые плоды, призывая немногочисленных прохожих отведать утренний эликсир здоровья – ведь именно так стамбульцы называют традиционный portakal suyu. Спешащие на работу люди или

просто прогуливающиеся с собачками – все потягивают оранжевый напиток и хрустят еще теплыми кунжутными бубликами. Картинка настолько напоминала идиллическую, что я, ни о чем не думая, направилась прямиком к одному из таких островков, заполненных пахучими цитрусовыми. Серьезный мужчина лет сорока, закатав рукава по локоть, самоотверженно крутил колесо ручной соковыжималки, быстро меняя половинки апельсинов. Мое внимание приковали его крепкие жилистые руки. Сок шафранового цвета быстро заполнял бутылки, которые тут же уходили в руки прохожих. Я немного потопталась на месте – внимания на меня никто не обратил.

– Portakal suyu tatlımı?[31] – решила я попрактиковать свой турецкий, но тут же об этом пожалела, так как забыла, что вопросы о свежести и сладости здесь воспринимаются как личное оскорбление. Человек с красивыми руками недовольно закатил глаза и сунул мне бумажный стаканчик, предварительно наполовину наполнив его соком. И что мне нужно было с ним делать? Хватило бы одного глотка, чтобы определиться, а здесь столько сока, что я напьюсь им вдоволь и покупать уже будет ни к чему. Я протянула стакан обратно и попросила целую бутылку. Мужчина криво усмехнулся и опрокинул содержимое стаканчика себе в рот, а я, пока он наполнял мою бутылку, решила снова попрактиковаться. В конце концов, если не начать говорить на улице, никогда не выучишь язык – так было написано в приложение Duolingvo, которое вот уже месяц натаскивало меня новыми словами и фразами.

– Утром можно пить сок? Не вредно? – предположительно вопрос в переводе должен был прозвучать именно так. Человек с бутылкой посмотрел на меня внимательно, тяжело выдохнул, и я поняла, что сегодня вечером за семейным ужином он будет рассказывать обо мне как о ненормальной чудачке-иностранке. Это показалось несправедливым, ведь я всего лишь пытаюсь понять, почему моя мама всю жизнь учила не пить апельсиновый сок натощак.

– Вы пьете этот сок сами? Утром? Каждый день?

Неразговорчивый продавец окликнул коллегу, что стоял без дела у соседнего импровизированного джус-бара.

– Его спрашивай. У него жена русская.

Тот парень был помоложе и казался более приветливым. Поняв, в чем дело, он радостно закивал головой и начал на смешном русском объяснять, почему апельсиновый сок по утрам пить хорошо. Каждое предложение он заканчивал словом «вот», как будто это было частью грамматики русского языка, и это очень веселило.

– Моя папа портакал сую пил, мать пил, вот. Все здесь пьет, вот.

Долго слушать это было невозможно, и, заплатив семь лир, я уже собиралась отойти, чтобы насладиться живительными глотками оранжевого счастья на лавке под роскошным платаном, как вдруг к лотку подошла пожилая дама. Она подставила огромный пакет, и человек с жилистыми руками быстро заполнил его пустыми половинками апельсинов. Размышляя над тем, какая польза от апельсиновой кожуры, я быстро двинулась дальше, заметив впереди высокое здание в стиле необарокко.

Чем дальше я пробиралась вглубь загадочного Нишанташи, тем чаще начинали встречаться невероятные исполины, богато украшенные местами облупившейся лепниной, но от этого не ставшие менее привлекательными. Полные многовекового величия, они глядели широко распахнутыми окнами, не понимая, что я ищу среди них.

Так я дошла до торгового центра City's, на крыше которого расположились милейшие кафешки с великолепными террасами. Пожалуй, именно оттуда открывается самый захватывающий вид на крыши роскошных особняков и простеньких домиков-самостроев, пробившихся, как сорняки, среди благородного мрамора и штампованного кирпича. Впереди простирался великолепный Богаз[32] – именно так здесь называют Босфор, разверзший кривым разломом два континента. Много тысяч лет назад, объединив Черное и Мраморное моря одним проворным течением, этот канал стал мечтой многих правителей, потопивших здесь не одно судно и не одну храбрую армию.

Совсем рядом послышалось мелодичное пение муэдзина. Стая жадных голубей, копошившаяся в крошках засохшего симита, взвилась в небо, но тут же опустилась на землю, продолжив свою истеричную трапезу.

Мечеть Тешвикие предстала в весьма скучном и потрепанном виде, слегка перекошенная одним минаретом, возвышающимся над всей конструкцией асимметрично справа. Четыре мраморные колонны, подпирающие неоклассический портик, напомнили лекции по искусству Древней Греции. Откуда в мусульманской архитектурной традиции столько европейских черт, я не знала, да это было и не важно… Очарование этого места, окруженного сгорбленными многовековыми липами, заставило меня улыбнуться. Я почти допила сок, и теперь казалось, что день не так грустен, как был до этого. Сразу после мечети я свернула направо и оказалась на улочке Atiye, сплошь набитой прелестными кафешками и барами.

Три симпатичных официанта у входа в стейк-хаус курили и

оживленно болтали. Крохотные чашки турецкого кофе стояли рядом. Как же иначе? Из высокой двери появился, судя по выражению лица, менеджер заведения и грубо швырнул им передники. Те спешно начали завязывать их, не переставая наперебой рассказывать уморительные истории, едва сдерживая душащий смех. Я готова была поспорить, что речь идет о донжуанских похождениях этой ночью, о которых каждый из парней вещал с неприкрытым бахвальством. Десятки баров и ресторанов призывно смотрели пестрыми вывесками, какие можно встретить разве что на дорогих клубах. И хотя я совсем не завсегдатай таких заведений, все же сделала пометку на карте, чтобы однажды непременно вернуться сюда и окунуться в пока не известную мне тусовочную жизнь ночного Стамбула.

Скоро я свернула еще и еще – и очутилась в запутанной паутине старинных улочек жилых кварталов, первые этажи которых были заняты крохотными заведениями с вывесками «Kahvalti». В одном из таких кафе на улице Ilhamur я спаслась от резко начавшегося дождя. На стеклянной витрине красовалось простое название «Polen». Заняв один из трех крохотных столиков в глубине небольшого зала, я стала наблюдать. Двое мужчин за прилавком пили черный чай и тихо беседовали. Было ясно, что меню и официанты в этом месте не предусмотрены: это было добрым знаком того, что ресторанчик не туристический, чему еще одно подтверждение появилось буквально через минуту. Дверь распахнулась, и на пороге возник очаровательный старичок.

– Дождь прошел! – торжественно заявил он.

Один из продавцов выскочил из-за прилавка, чтобы закрепить раскрытую дверь, впуская свежий воздух с привкусом озона. Старичок попросил собрать ему набор «как всегда», пообещав расплатиться на следующей неделе. Вслед за ним влетел мальчик лет пятнадцати, нахватал штук десять только что вынесенных из кухни пирожков и исчез, крикнув «mersi!» смеющимся вслед продавцам. Я взяла крохотные кунжутные булочки с разными начинками. К ним налили горячего ароматного чая из блестящего медного чайника, и я погрузилась в такую гурманскую негу, о которой еще долго буду вспоминать и, хочется верить, смогу повторить ее не единожды.

Стамбульский чай, терпкий и слегка вяжущий, с удивительно сложным послевкусием, тут же избавил от тянущей боли в висках. Глаза раскрылись, и мир в окне показался не таким серым, каким был до этого. Я собрала волосы в пучок и только сейчас заметила, что парень за прилавком пристально смотрит на меня. Он оказался разговорчивым и за какие-то несколько минут узнал обо мне все, что его интересовало, включая и то, что я пишу книги, и

вскоре уже сидел рядом, рассказывая на скверном английском историю этой pastahanesi[33].

– Ты напишешь обо мне? – спросил он так по-детски, что мне ничего не оставалось, как пообещать. Взамен же он обещал рассказать нечто невероятное о Стамбуле.

– То, что я тебе расскажу и, может быть, даже покажу, изменит всю твою жизнь. Любой писатель заплатил бы за это миллион долларов…

– О, ты хочешь от меня денег? – И я весело рассмеялась. Такого изощренного вымогательства я еще не встречала.

– Мне не нужны твои деньги. – Парень скрылся за прилавком, и я поняла, что обидела его. Какое-то время мы молчали. Я доедала свои пирожки, а он звенел чайником, хотя посетителей не было. Было неловко начинать разговор снова. Более того, казалось, что, узнай о таких моих завтраках, Дип придет в ярость от ревности. Хотя, в конце концов, разве я делала что-нибудь плохое? И я достаточно громко произнесла:

– Если ты удивишь своей историей, я не только упомяну тебя в книге, но даже впишу твое имя в посвящение.

Через секунду новый знакомый, которого звали Шади, стоял передо мной как верный пес, а я думала о том, что поторопилась с обещанием, так как имени другого мужчины в посвящении Дип точно не вынесет. В любом случае, проблемы следовало решать по мере их поступления и, слегка покривив душой, я приготовилась слушать великую тайну о Стамбуле.

На самом деле удивить чем-либо было сложно: к этому времени я перекопала все имеющиеся сайты, перечитала книги, в которых хоть как-то затрагивалась тема интересующего меня

города. Роман Орхана Памука о городе воспоминаний я и вовсе знала почти наизусть и могла уверенно цитировать с отсылкой к нужной главе и странице. И кто-то хотел еще чем-то удивить? Поджав губы и готовясь подхватить знакомую историю, я выжидательно смотрела на Шади, который определенно нервничал и держал мхатовскую паузу, что, вероятно, пришлось бы по душе Станиславскому. Наконец он начал.

Молодой человек говорил медленно, глядя прямо в глаза, отчего в определенные моменты мурашки покрывали кожу – или я просто переохладилась под дождем?

Магия сегодняшней встречи заключалась в том, что когда-то прадед Шади владел большим участком земли на том самом месте, где сейчас мы наслаждались утренним чаем. Именно в этом квартале стояло его имение, окруженное великолепным инжировым садом. Шади долго листал ленту в телефоне, пока наконец не отыскал старую фотографию, которую бережно хранил: очаровательная пара стояла на фоне белоснежного особняка, утопающего в экзотических растениях. Добродушное лицо прадедушки в профиль. В профиль – потому что он глядел, не отрываясь, на очаровательную молодую женщину с очень тонкими чертами лица, слегка, правда, крючковатым носом, хотя он ее абсолютно не портил и даже, наоборот, придавал некий аристократизм невероятно одухотворенному лицу. Я ощутила легкую дрожь от внезапно возникшей связи этого места и двух образов, оживших в моих фантазиях. Казалось, будто это хорошо знакомые мне люди, чьи лица я часто видела в детстве, и вот теперь о них просто напомнили. Шади понимающе улыбнулся: я знала, что он чувствует то же самое. В самом низу фотокарточки было что-то написано: я провела пальцами по экрану, чтобы увеличить изображение, и обнаружила дату: 1926 год. Словно машина времени, меня закружил вихрь событий.

– Прадедушка был плохой бизнесмен. Он вложился в провальный проект и потерял все: землю, дом и деньги. До конца дней он прожил в небольшой квартирке под самой крышей в доме с бордовыми маркизами.

Я хорошо знала это здание, находившееся всего в нескольких кварталах отсюда. Когда-то это был левантийский дом, полный иностранцев, щебечущих на всех европейских языках день и ночь. В нем жили художники, архитекторы, талантливые портные и дизайнеры, часто имевшие аудиенции в султанских покоях. Особым успехом заезжая творческая интеллигенция пользовалась у многочисленных дочерей, сестер и тетушек визирей и других высокопоставленных чиновников. Те непременно желали жить по последней европейской моде, поэтому что ни день отправляли в

этот район десятки поручений, связанных с изменением кроя платьев, починкой старой мебели или усовершенствованием музыкального механизма в драгоценной шкатулке.

Впервые увидев тот исторический дом, я нашла его невероятно привлекательным: высокие окна на всех пяти этажах покрывали роскошные бордовые маркизы. Тонкие пилястры задавали вертикальную геометрию огромной постройке, сглаживая строгость линий лишь цветочными капителями, напоминавшими перевернутые чаши с букетами.

– Чтобы зарабатывать на жизнь, прадедушка должен был работать. Он прекрасно владел английским и французским языками, и его взяли на работу в самый модный тогда отель. Он рассказывал моему папе, как они принимали русского царя – правда, это было до того, как дедуля обанкротился. Однажды ему удалось повидаться с одним королем. Кажется, английским – Георгом. Прадед был настоящим аристократом, и это было сложно не заметить. Особенно ему нравилось в его работе то, что в отеле всегда были горячая вода и электричество и он мог в удобное время принимать ванну.

Я улыбнулась, а Шади продолжал так спокойно, как если бы ему приходилось рассказывать эту историю множество раз. Я не могла оторваться от его глубоких черных глаз, не отпускавших мое внимание, и лишь изредка бросала быстрые взгляды на дверь: только бы никто не пришел, только бы снова был дождь. А дождь действительно лил, аккомпанируя сухим уютным шуршанием проникновенному рассказу моего почти уже друга. Я чувствовала, что повествование лишь набирает обороты, и с замиранием сердца ждала кульминации.

– Ты слышала когда-нибудь про исчезновение Агаты Кристи? – неожиданно для меня спросил он. Я стала рыться в памяти и выудила парочку фактов, связанных с этой частью биографии писательницы. Она с возрастом потеряла память и провела несколько дней в сельском госпитале.

– Она исчезла на 11 дней, будучи совершенно молодой женщиной. Интересно то, что мой прадед исчез ровно в этот же период времени.

– Да ладно! – Такой неожиданный поворот событий развеселил. – Какая связь между этими исчезновениями, если только они действительно были?

– А связь такая, что та самая Агата Кристи накануне приезжала в Стамбул и останавливалась в… Есть предположения?

– В отеле, в котором работал твой прадед-полиглот?

– Бинго! – Шади довольно потер ладони и побежал за стойку, чтобы принести нам горячего чая.

История была интересной, хотя пока больше походила на сумбурный подбор фактов о жизни знаменитостей из желтой прессы. Осложнялось все еще тем, что я не очень владела этой темой и воспринимала прародительницу детективов исключительно через призму ее собственных романов, не имея ни малейшего представления о ее личной жизни. Шади выглянул на улицу – дождь все лил.

– Послушай, даже если она жила в том отеле, это ни о чем не говорит… Более того, кроме твоего родственника в том отеле работали еще сотни других людей…

– Все верно, кроме одного! Уверен, что ни у кого из работавших в отеле нет вот этого. – И он снова сунул мне в нос свой мобильник со старой фотографией.

Я ничего не понимала из сумбурного рассказа молодого человека, возомнившего себя потомком великого аристократа, пропавшего в одно время с Агатой Кристи. Еще немного, и он объявит себя внуком английской писательницы, а не своего деда.

– Впервые она приехала в Стамбул на «Восточном экспрессе» в 1926 году.

Эта дата казалась знакомой. Конечно, именно она стояла внизу на фото. Я снова взяла телефон в руки, чтобы перепроверить свою память.

– Смотри выше, выше даты, – сказал Шади. – Еще выше. Лицо женщины! – чуть ли не вскричал он от негодования, но тут пришла пора кричать мне. Только сейчас меня осенило! Как я не заметила этого удивительного сходства раньше.

> С фотографии на меня смотрел не кто иной, как сама неподражаемая Агата, полная природной утонченности и шарма. Ее глаза светились от счастья.

– Послушай, а ты уверен, что это твой прадедушка?

Шади задумался.

– Я, как ты понимаешь, не видел его своими глазами, но никто в семье не сомневается. – И он рассмеялся. – Ну конечно, уверен. Эта фотография из нашего семейного альбома. Там даже подпись есть на обратной стороне.

Я пыталась свести все услышанное воедино и понять, как это вяжется с историей этого невероятного города, хранящего тайны на каждом углу, буквально в любой пастахане[34]… Казалось, каждый житель не переставшего восхищать меня Стамбула, будь он молод или стар, имел не один секрет и, что удивительно, готов был щедро делиться им с совершенно незнакомой собеседницей…

– В общем, я подозреваю, что у прадеда была какая-то связь

сама знаешь с кем, потому что… Во-первых, у них есть совместное фото. Во-вторых, он исчез из Стамбула тогда же, когда Агата исчезла из Лондона, то есть они вполне себе могли зависнуть где-то в клубе… – Это предположение меня развеселило. Я вспомнила парочку вывесок на клубной улице Atiye неподалеку: «ТЫ МЕНЯ РЕВНУЕШЬ» или «СЕГОДНЯ РЫБЫ НЕТ» – в заведениях с такими названиями сама не прочь была провести вечерок-другой, умей я, конечно, пить коктейли и танцевать после полуночи… Погружение в мысли о неприятии алкоголя некоторыми организмами заставило бдительного Пуаро замолчать. Но я быстро обнаружила это и пристально уставилась на рассказчика. Мой друг все больше и больше напоминал очаровательного бельгийца.

– В-третьих, она приезжала сюда постоянно. Казалось бы, зачем?

– Она писала здесь. Знаешь ли, вид на Босфор заставит расшевелить даже самую ленивую музу, уж поверь мне.

– Четвертое. Уезжая в последний раз, она знала, что не вернется. Дед был беден и ничего не мог предложить. Прямо на подножке «Восточного экспресса», следовавшего в Париж, она подписала ему эту фотографию и сообщила, что в номере отеля спрятан ключ от ее дневника, в котором якобы написана о них вся правда.

Дед, конечно, отыскал его, устроив в комнате настоящий погром, но взамен подложил другой, от нашего серванта (он до сих пор стоит дома в гостиной).

– Зачем было подкладывать другой ключ?

– Видимо, решил перестраховаться: ведь по закону за кражу в отеле он мог тогда поплатиться жизнью.

В голове у меня смешались эти невероятные факты, похожие на сюжетную линию агатовского детектива. Шади вел себя так непринужденно, будто рассказывал, чем он ужинал вчерашним вечером – меня же от этих фактов пробивал изнутри озноб.

– Я думаю, – тихо продолжал он, – что тайник внутри самого отеля. Там должен быть дневник Кристи, опубликовав который, мир литературы уже не будет прежним. И я должен его найти…

– Так ищи. Ты пытался сделать это? Ведь настоящий ключ у тебя.

– Думаешь, так легко пробраться в дорогущий отель, куда то и дело заселяются звезды и президенты? А ты иностранка, плюс писательница. Тебя запросто пропустят в номер 411. В нем на самом деле жила Кристи, а не в тех бутафорских комнатушках, которые предлагают тупым туристам. Я сам сколько раз просаживал все деньги, останавливаясь на ночь в таких номерах.

Теперь становилось понятно, зачем этому смышленому Пуаро понадобилась помощь никому не известной, да еще и промокшей писательницы.

– Почему ты считаешь, что дневник спрятан именно там?

– А где еще? Папа рассказывал, что в семидесятых приезжала делегация американских продюсеров. Представь, они нашли ключ – тот, что подложил хитрюга-прадед, а вот дневника так и не отыскали. Но ведь искали именно там!

Нужно было время, чтобы обдумать эту невероятную историю. На минуту показалось, что, может быть, это вовсе не мое дело, и Агата откуда-то сверху грозит мне своим тонким пальцем. Но если все это правда, зачем она оставляла дневник? Причем не отдала его в руки возлюбленному, а прибегла к таким сложным маневрам?

Я засобиралась домой, бормоча под нос, что зайду скоро. Но оказалось, что новоиспеченный Пуаро здесь вовсе не работал, а всего лишь на пару часов зашел, чтобы подменить дядю, у которого рожала жена. Шади был студентом филологического факультета, отделение – английская литература. Вот это поворот… Я тут же представила его маленьким мальчиком, воодушевленным романтическими историями, взращенными за теплыми семейными чаепитиями. Он мужал и мечтал однажды раскрыть секрет своего неудачливого деда, потерявшего несметное состояние, но имевшего счастье какое-то время быть рядом с великой Агатой. По крайней мере, Шади в это искренне верил, а я верила ему. На прощание я пообещала помочь. Если я прикоснусь к этой тайне, то непременно почувствую энергетику великой писательницы, а мне этого так сильно хотелось!

Мы обменялись телефонами, и я побрела в сторону дома по узким петляющим улицам старого левантийского района. Роскошные дома, фасады которых были украшены искусными вензелями, уже не привлекали, как прежде. Хотелось скорее добраться до вольтеровского кресла канареечного цвета, что пряталось в темном углу нашей гостиной, и укрыться в нем с небольшим потертым томиком английской классики «Убийство в Восточном экспрессе».

«Я никогда еще не был в Стамбуле. Было бы огорчительно проехать через него просто так, – Пуаро красноречиво щелкнул пальцами, – не останавливаясь. Срочных дел у меня сейчас нет, так что я останусь там на несколько дней как турист» … Строчки путались, и я погрузилась в легкую приятную дрему, полную предвкушения интригующей истории длиной в человеческую жизнь…

Не называйте меня «ябанджи», или Турецкий язык с французским акцентом

10 мая

Мусорные тачки и первое «merhaba». – Голоса в развалинах эдвардианских усадеб. – Сакральная дверь и бирюзовая патина времен. – Унизительное слово «ябанджи». – О сходстве турецкого языка с французским. – Пропахший сардинами Мехмет. – Очарование старинных кладбищ. – Винтажный лифт времен Абдул-Хамида. – Пыльный портрет прекрасной Тукче. – Варенье из апельсиновой кожуры от оперной дивы. – Настоящая любовь стамбульской женщины.

Стамбул был первым мегаполисом, в котором я была не проездом. Предстояло наладить здесь жизнь: закрепиться,

зацепиться – желательно слиться с толпой и по возможности не вызывать недоумевающих взглядов сотрудников в форме на почте, в адвокатуре и коммунальной конторке, куда туристы обычно не заглядывают. Казалось, что может быть проще, чем раствориться в городе с населением почти двадцать миллионов, где тебя ни с кем и ни с чем ничего не связывает. Ты словно пустое место, на которое не реагирует ни одна чайка и ни один бездумно шатающийся пес, потому что твой запах ему не знаком. Ты, как бесплотное привидение, скитаешься по длинным коридорам незнакомых улиц в поисках светящейся таблички «EXIT», опасливо прибиваешься к русскоязычным группам – безразличным туристам, от которых мечтает поскорее избавиться экскурсовод, потому что оплата уже получена.

Каждое утро я распахиваю окно в суматошный мир гудящих мопедов, отбойных молотков непрекращающейся стройки за углом и пронзительных выкриков мусорщиков, которые, словно муравьи, уже сколько столетий снуют по городу с тележками, груженными пыльным хламом. Вначале, завидев такую тачку, я переходила на противоположную сторону или вовсе сворачивала в переулок, обрекая себя на дополнительный крюк. Не хотелось лишний раз глядеть в глаза человеку, вынужденному влачить существование – такое же тяжкое, как и его ноша. Со временем я свыклась с протяжно-тоскливым скрипом деревянных колес и практически перестала замечать мусорные телеги, как мы не замечаем фонарные столбы или провода между ними. Вскоре я заметила, что сгорбленные фигурки начали мне кивать и как-то застенчиво, почти незаметно улыбаться. Я ответила тем же и даже тихо произнесла: «Merhaba»[35]. Чумазый парнишка махнул рукой и скрылся за поворотом, и я надеялась, что, может быть, он даже не понял, что я не местная. Эта мысль приятно согревала и вдохновляла на новые подвиги: я должна заговорить по-турецки!

> Пока ты турист, в Стамбуле к тебе относятся снисходительно, потому что знают, что через день-другой ты скроешься за раздвижными дверями аэропорта и больше не будешь мозолить глаза своей бесполезностью.

Толпы туристов, направляемые сомнительными гидами, мечутся от одной достопримечательности к другой, параллельно потребляя тонны некачественной еды, которую им выдают за высокую кухню османских султанов. Они крутятся на крохотном пятачке района Султанахмет между Айя-Софией и Голубой мечетью, заскакивая в поражающую воображение Цистерну

Базилику, после чего отправляются на один из крупнейших в мире рынков Капалы Чарши и, конечно, Египетский базар – за специями в качестве подарков для родственников. Когда-то я и сама прошла по этому усеченному маршруту ничего не успевающих туристов, оставляющих в своих сердцах лишь смазанные впечатления. Со временем они настолько истончатся, что их едва можно будет наскрести на пятиминутный рассказ в кругу друзей. Именно так в голове однажды соединились воедино соборы Парижской Богоматери, миланский Дуомо и Нотр-Дам де Страсбург, оставив лишь приятное послевкусие от проведенного времени под их сводами.

Я стала сторониться проторенных дорог к культовым постройкам, чей внешний вид был доведен до неузнаваемости толстым слоем свежей штукатурки и сотнями пластиковых табличек «DO NOT TOUCH»[36]. Перестали нравиться слащавые голоса чрезмерно любезных экскурсоводов, которые описание жизней отрапортуют, как скупой список ингредиентов к постным щам. Хотелось окунуться в настоящий мир никому не известной истории, ведь в действительности она была именно такой – спрятанной от глаз, живущей в полушепоте едва слышных

интонаций, которые и по сей день летают среди полуразрушенных стен старых усадеб Балата[37]; они обитают в лестничных пролетах модерновых подъездов Перы[38] и за слуховыми окнами нежилых этажей под черепичными крышами. Там никогда не было маляров и реставраторов, представителей Министерства культуры или Комитета по охране объектов культурного наследия. Даже ЮНЕСКО вряд ли догадывается, что за обшарпанными фасадами покосившихся зданий позапрошлого века, мимо которых не пройдет ни один турист, скрываются эдвардианские интерьеры, присыпанные вековой пылью. И эти дома – никакие не музеи, на них нет табличек, и тем более никто не продает билеты на входе. К ним даже невозможно указать точный адрес, потому что они не нанесены на карты. Рядом с ними можно оказаться лишь случайно, затерявшись в сказочных лабиринтах цветных домишек с полукруглыми эркерами и гигантскими фикусами, свисающими с портиков над дверями.

И тогда я поняла, что мне непременно нужно подружиться со Стамбулом, заговорить на его языке, проникнуть в его мысли, и, может быть, тогда он допустит к своим сакральным дверям и даже позволит заглянуть одним глазком в замочную скважину, покрытую бирюзовой патиной времени.

Первые два месяца меня называли обидным словом «ябанджи»[39]. Где бы я ни оказывалась, кругом были недовольные взгляды и тихое шипение: «Ябанджи»… Я могла просто стоять и молчать, но кто-то непременно бросал в меня как бы между прочим это скверное прозвище. А стоило открыть рот, как я тут же жалела об этом и бежала прочь, не понимая, в чем же моя ошибка. Прошло время, и стало ясно, что

> ябанджи – это такой особый вид идиота, который уже не турист, но все же никогда не станет стамбульцем.

Он все делает не так и оттого раздражает окружающих своим тотальным невежеством. Вскоре я стала бояться этого существительного и вздрагивала каждый раз, когда кто-то складывал губы особым образом, чтобы произнести с легким придыханием ужаснейшее из слов.

Ябанджи… Так меня называли в мясной лавке, когда я просила разделать баранью корейку для гуляша; в рыбном ряду, если я интересовалась, сегодняшний ли у них леврек и как готовить кальмаров. «Ябанджи», – прошипел таксист, когда я перепутала адрес и мы оказались на другом берегу Босфора, а потом два часа стояли в пробке, чтобы вернуться обратно. В конце концов, я даже записала несколько характеристик ябанджи со

слов знакомых стамбульцев: я просто просила их коротко описать наивных смельчаков, которые, как и я, попали в чужой монастырь и теперь изо всех сил пытались избавиться от собственного устава.

Все пункты я каллиграфически записала от руки и повесила в кухне на холодильник. И вот что получилось:

> Ябанджи никогда не знает, чего хочет и где это взять.
>
> Ябанджи никогда не говорит по-турецки.
>
> Ябанджи не ходит в рестораны, в которые ходят стамбульцы.
>
> Ябанджи платит всегда в три раза дороже, чем вещь того стоит.
>
> Ябанджи слишком строго воспитывают детей.
>
> Ябанджи часто не любят кошек.
>
> Ябанджи не понимают, как может быть сорок видов домашних оливок, и всегда покупают некачественные в банках, которые для них же и производят.
>
> Ябанджи пьют кофе перед завтраком.

Тщательно обдумав все пункты, я поняла: хоть призрачный, и все же шанс избавиться от унизительного статуса «ябанджи» у меня был, и я решила незамедлительно приступить к покорению новых языковых вершин. Дип встретил такой энтузиазм без особого воодушевления: мои увлечения обычно оставляли его без ужинов, долгих душещипательных бесед под сентиментальным абажуром и глубокого сна – он никогда не мог спать при свете ночника с моей стороны кровати. Вначале нашей совместной жизни мы долго спорили на эту тему, пока я наконец не отвоевала законное право читать по ночам. Я нагромоздила на икеевском столе из карельской березы (идеальный предмет из последней коллекции) стопки учебников и разговорников, отыскала с десяток обучающих сайтов и, конечно, прибегла к помощи русскоязычного турка, что предлагал услуги опытного репетитора в соцсетях. Отныне три раза в неделю по вечерам я запиралась в кабинете и постигала тонкости турецкого, искусно преподносимые очаровательным Ахмет-беем. Он был не стар и не молод, не страшен и не красив – одним словом, идеален, чтобы не отвлекаться от изнурительных попыток повторить неподражаемую турецкую интонацию. Но сколько бы я ни старалась, как бы ни скручивала язык трубочкой и ни закатывала глаза, как это делают турчанки, он терпеливо качал головой, и мы повторяли все заново. Он свято верил в то, что ни один язык не похож на турецкий и никогда не сравнится с ним по красоте и

сложности. Я не спорила, хотя день ото дня в голове возникало море вопросов, которые, как правило, оставались без ответа Ахмет-бея, не терпевшего никакого компрометирующего контекста.

– Мы, турки, не такие, как все, – обращался он с экрана ноутбука. – Вот скажи, ты йогурт ешь по утрам, наверное, да? Вот… А турки едят йогурт всегда и со всеми блюдами. Мы его в салаты кладем, в мясо кладем, в супы кладем, пельмени им заливаем. Запоминай: Türkler her şey yoğurtla yiyorlar. Поэтому у вас йогурт в маленьких баночках продают, а у нас в больших.

И действительно, я вспомнила полки молочного отдела в супермаркете, уставленные трехлитровыми ведерками кисломолочного продукта. Меня это всегда интересовало, равно как и то, имел ли этот факт хоть какое-то отношение к моему обучению. Однако спустя несколько недель я медленно начала выговаривать сложные фразы, задавать вопросы и неумело, но все же более или менее сносно рассуждать на бытовые темы. Ахмета это не очень радовало, так как его теория о неприступности турецкого языка рушилась на глазах. Я же считала: на то он и язык, чтобы сдаваться перед упорными попытками желающих овладеть им.

И чем больше погружалась в новые лексемы и морфемы, тем больше мне казалось очевидным сходство турецкого языка с французским. Поделиться наблюдением с педагогом я не решалась, боясь оскорбить до глубины души его патриотические чувства, однако тесная связь двух языков не давала покоя. Тем более что один из них я вот уже много лет боготворила. Французская речь с ее грассированным вибрирующим «р» вводила в состояние экстаза и доставляла истинное наслаждение, равно как и вытянутые в трубочку губы французов, придающие их лицам капризный и заносчивый вид. Так вот на кого похожи турчанки, часами щебечущие с подругами за чашечкой кофе!

Я часто работаю в кафе и поэтому множество раз могла спокойно наблюдать за этой особенностью местных посиделок. Вначале меня пугали слишком назойливые интонации, которыми можно исключительно жаловаться и дотошно критиковать. Я почти не понимала смысла, но была уверена, что девушка за соседним столиком уже полчаса отчитывает подругу за то, что она увела у нее мужа, и вот-вот вцепится ей в волосы. Однако каково было мое удивление, когда после этого монолога вступала вторая скрипка – теперь подруга в тех же интонациях осуждала собеседницу (возможно, они увели мужей друг у друга?). Перед расставанием они нежно обнялись и договорились о следующей встрече. Такое сходство со своенравными француженками было

настоящим открытием, и я стала тренировать недовольный тон на Дипе. Ему этот эксперимент не нравился, но я продолжала противно гнусавить, периодически срываясь на истеричные тона.

Однажды Ахмет посоветовал мне начать смотреть турецкие сериалы – и как я сама раньше не догадалась! Я быстро отыскала в Netflix несколько популярных картин и, уложив детей спать, начала убивать вечера под яростное шарканье тапок Дипа: он с трудом выдерживал мою одержимость турецким и вот-вот готов был развязать войну. Однако моя новая манера интонационно подражать стамбульским женщинам, видимо, настораживала его, и он, как затаившийся дракон, грозно метал молнии из желтого вольтеровского кресла, намеренно громко перелистывая страницы книги. Клетчатый плед на коленях и носки с котятами делали его образ на редкость безобидным, о чем он, конечно, не догадывался.

Однажды в понедельник, выходя из дома, я непринужденно бросила девушке на ресепшене: «Gün aydın! Nasılsınız?»[40] Она удивленно посмотрела на меня и тоже что-то ответила. Что именно, я не поняла, однако мне показалось, что я сделала первый шаг к операции «Побег из клана ябанджи».

С этого дня я набросилась на новые темы и слова с таким рвением, что совершенно позабыла о хронической депрессии, нестерпимой мигрени и полуобморочных состояниях. Я хотела свободно говорить на улице с каждым, кто хоть чем-то мог быть полезен: таксистами, мусорщиками, отрешенными художниками и их котами, что сворами ходят за каждым «добрым сердцем».

Вскоре я начала задавать правильные вопросы в мясной лавке, звучно цокать при виде сочной бараньей ноги и просить получше отбить шницель. В рыбном ряду я стала любимицей усатого и насквозь пропахшего сардинами Мехмета: завидев меня, он каждый раз махал руками и напевал какую-то веселую песенку. Потом он приглашал в каморку за прилавком, где на гриле доходило филе рыбы-фонаря или пыхтел чугун с осьминогами. Я пробовала кусочек и, закатив глаза, аплодировала его кулинарному мастерству – Мехмет пускал слезу и делал мне отличную скидку.

По субботам я начала посещать базар в стиле «органик» – этот единственный подобный рынок в Стамбуле, к превеликой радости, располагался в ста метрах от дома. Найти его проще простого: в районе Бомонти о нем знает любая собака и даже с радостью проводит к месту за небольшое вознаграждение в виде экологичного куриного окорока.

Между длинными столами, заваленными кривенькими яблочками и заскучавшими бананами из Анталии, томно

прохаживаются люди богемного вида. Здесь нет места пластику, который успешно заменили прочными холщовыми сумками и пакетами из крафтовой бумаги. Кругом царит аура безмятежности и любви к природе. Никаких криков и традиционных призывов купить помидоры у товарища, отплясывающего чечетку прямо за прилавком.

В одну из таких утренних вылазок я поняла, что уже умею на глаз определять степень сладости апельсинов по кожуре, количество крохотных рыбешек хамси в килограмме и, главное, покупать оливковое масло, что так же непросто, как и выбор вина. Я долго раскатывала маслянистую основу по языку, затем изучала осадок на дне бутылки и в конце концов растерла каплю изумрудного золота на запястье и глубоко вдохнула – престарелый продавец, выращивавший оливы едва ли не с рождения, был глубоко тронут моими познаниями и на радостях пригласил на свой семейный заводик для дегустации самых редких сортов маслин. Дип (так и не потерявший вид заезжего туриста) с опаской наблюдал за такими метаморфозами, и, как он признался позже, порой начинал сомневаться, не подменили ли ему жену. Но нет, это была точно я – просто слегка овладевшая турецким, открывавшим мне двери не только на малоизвестные рынки, но и в распахнутые сердца стамбульцев.

Однажды вечером после ужина, когда все сказки перед сном были прочитаны для младшей и даже старшая уже мирно посапывала в кроватке, Дип попросил объяснить ему логику языка, который все глубже проникал не только в наш быт, но и в стиль общения.

– Как тебе так просто дается турецкий? – Дип выглядел обескураженным, потому что на работе каждый сотрудник считал

своим долгом как бы между прочим предупредить, что за турецкий даже не стоит браться: он слишком сложен и оригинален. Оставалось только улыбнуться, ведь мной давно был раскрыт секрет «сложнейшего» языка. В это, конечно, сложно поверить, но, когда я поделилась с Дипом своими наблюдениями, через неделю он уже с видом эксперта дегустировал оливковое масло на органическом базаре, щелкая пальцами и выкрикивая одобрительно: «Çok gözel!»[41]

Итак, главное правило, которое я вывела:

> Турецкий очень похож на французский! За одним исключением: он проще. Не нужно запоминать тысячи артиклей, потому что их в нем попросту нет.

Главное, что нужно знать, так это то, что ударение всегда ставится исключительно на последний слог. Кажется, мелочь, но в изучении языка осознание этого – уже полдела. O-la-la!

Если вы не знаете какое-то слово по-турецки, используйте аналог из французского языка – и вас непременно поймут. Конечно, для этого нужно знать французский, но… уверена, в определенном объеме (а больше и не нужно) им может овладеть каждый. Сложно поверить, но это истинная правда, имеющая вполне научное объяснение.

Почти сто лет назад, а именно в 1923 году, сразу после создания Турецкой Республики, было принято решение провести языковую реформу. Турция всеми мыслимыми и немыслимыми способами стремилась на Запад, подражая ему во всем. Горожан переодели в двубортные пиджаки и фетровые шляпы, приталенные платья и меховые манто. Появились каблуки и изысканные ридикюли, в которые новоиспеченные кокетки прятали ароматные пудры и яркие помады, придававшие их лицам роковую красоту.

С улиц постепенно исчезали мудрые дервиши древнейших орденов, которые столетиями тихо, полушепотом проповедовали во дворах старых районов Стамбула. Это произошло так быстро, что почти никто не смог толком вспомнить, когда видел в последний раз головокружительные танцы этих миролюбивых аскетов. Без них опустел город, ушло в небытие все то, что привлекало столетиями европейцев, толпами бродивших по шумным улицам падшего когда-то Константинополя, которые с замиранием сердца вслушивались в звонкую перебранку женщин за толстыми стенами гаремов. Так ушли традиции, которые нигде и никогда не суждено было возродить.

Владелец нашей квартиры, профессор старейшего Стамбульского университета, прежде чем подписать договор

аренды, долго рассказывал, что раньше в городе все было иначе. В его глазах читались грусть и безысходность от утраченного, и, если бы не вечно спешащая риелтор Ешим-ханым, он мог бы пробудить подобные чувства и во мне, хотя я никогда не видела того, о чем он говорил.

– Когда я был маленьким, мы с мальчишками бегали на старые кладбища в самом центре города. Увитые виноградниками, засаженные высокими кипарисами, они были нашим пристанищем и никогда не вызывали дурных мыслей. Это было старейшей традицией… Потом все захоронения перенесли куда-то за город, и мы остались будто бы без дома. С кладбищами ушло очарование стамбульских площадей…

Тогда было сложно понять седовласого преподавателя истории, скучавшего по надгробиям, но спустя время, научившись думать так, как принято это делать здесь, я поняла, о какой утрате говорил этот человек. В начале прошлого века исчез и арабский шрифт с его невероятной художественной каллиграфией, а на его место пришел сдержанный и строгий ряд из двадцати девяти латинских букв. Персидско-арабскую лексику запретили, и вот тогда очарование тюркской речи разбавили не менее очаровательные французские слова, которые прижились настолько, что сегодня без них ни один стамбулец и двух минут не продержится.

Дип выслушал меня, однако по его неуверенному взгляду я понимала, что ему нужны доказательства. Я победно раскрыла перед ним составленный мной разлинованный словарик, исписанный мелким почерком.

Турецкий	Русский
Pardon	Извините
Mersi, teşekkür	Спасибо
Pantolon	Брюки
Bluz	Блуза
Kuzen	Двоюродный брат
Patron	Начальник
Şoför	Водитель, шофер
Kuaför	Парикмахер
Garson	Официант
Asansör	Лифт
Gar	Вокзал

Турецкий	Русский
Figüran	Участник
Akademisyen	Академик
Patates	Картофель
Bisiklet	Велосипед
Büfe	Буфет
Lüks	Роскошь
Şarküteri	Лавка с деликатесами
Dans	Танец
Ajans	Агентство
Plyaj	Пляж
Ruj	Помада
Pipet	Трубочка для напитков
Balon	Шарик

И так половина тетради… Конечно, это вовсе не означало, что в турецком языке не было тюркских слов, напротив, их было превеликое множество. Однако так получалось, что, используя вполне международную лексику, можно было неплохо изъясняться с соседями по дому во время выгула их голосистых шпицей, а также с веселыми лавочниками, которые были в восторге от моего обворожительного акцента.

Рано утром я отправилась на пробежку. Еще издали мне бросилась в глаза странная сценка, которая заставила замедлить шаг. На улице Abide Hurriyet Caddesi – там, где она вплотную примыкает к угловому кафе при отеле Le Mirage, продавец апельсинов активно жестикулировал и махал руками кому-то вверху. Я задрала голову: с последнего этажа на веревке рыжеволосая старушка медленно спускала корзинку.

– Быстрее, быстрее! – кричал нетерпеливый парень, нервно поглядывая на часы. Тележку, груженную апельсинами, он придерживал ногой, она же так и норовила умчаться по крутому тротуару вниз. Несмотря на недовольные выкрики молодого человека, бабуля не спешила. Несколько голов выглянули из окон

этажами ниже и начали наперебой расспрашивать продавца, почем апельсины.

Наконец, корзинка была у самой земли. Вместо апельсинов паренек наполнил ее кожурой, которая обычно остается после выдавливания сока. Я тут же вспомнила, как много раз замечала сбыт этого сомнительно товара, который должен идти на выброс, только на этот раз решила удовлетворить свое любопытство – тем более теперь я знала, как будет звучать вопрос по-турецки. Слово

«портакал» мне безумно нравилось, хотя и пришло не из французского, а португальского, который я знала весьма посредственно.

– Зачем вы продаете кожуру? – спросила я у спешившего продавца.

– Что она там говорит? – послышался голос старушки сверху.

Продавец поднял несколько упавших оранжевых пожеванных половинок и крикнул:

– Спрашивает, зачем вам нужны корки.

– Скажи ей, что у меня спрашивать надо: я ведь покупаю!

– Она говорит, – начал было передавать слова старушки парень, но я его остановила, так как все прекрасно поняла сама.

Слегка смущенная вниманием покупательницы сверху, я уже собралась продолжить пробежку мимо католического кладбища, полного фамильных склепов еще константинопольской эпохи. До него было рукой подать. Кроме того, сегодня была смена весьма сговорчивого смотрителя, который с радостью пускал меня побродить по тенистым аллеям, скрывающим невероятной красоты мраморные изваяния, венчающие древние надгробия византийских христиан. Наверное, когда-нибудь здесь похоронят мою соседку фанариотку Айше, но я никогда ее об этом не спрашивала. И стоило мне направиться прочь, как громкоголосая старушка принялась кричать так, чтобы я непременно ее услышала:

– Скажи ей, чтобы поднялась. Я расскажу, зачем мне кожура.

Продавец не успел произнести: «Abla»[42], – как я почувствовала, что Его Величество Случай снова приглашает меня в незабываемое путешествие по страницам стамбульской жизни, и скорым шагом направилась к высокой деревянной двери ультрамаринового цвета, чьи створки были украшены тонкой резьбой и бронзовыми фамильными медальонами когда-то проживавших здесь семей.

Я быстро нырнула в темное пространство парадной, и меня тут же окутал мягкий полумрак с блеклым столбом света, прорывающимся сквозь витражное слуховое окно над входом. Понадобилось время, чтобы глаза привыкли и научились различать предметы в этой очаровательной игре солнца, расцветавшего нежными фиолетовыми пятнами на мраморной лестнице, идущей так высоко, что у меня закружилась голова. Сложные узоры лепнины придавали стенам сказочный вид: словно увитые лианами и экзотическими цветами, они гостеприимно приглашали внутрь старинного подъезда времен сурового Абдул-Хамида[43]. Я сделала несколько робких шагов по отполированным временем широким ступеням, как будто

созданным для того, чтобы ступать по ним медленно, всем видом демонстрируя важность своего рода и благосостояние семьи. Конечно, легинсы и худи, что были в то утро на мне, не лучшим образом вписывались в этот интерьер, но я сделала скидку на XXI век, чем быстро успокоила себя.

Впереди возвышался невероятный исполин, заставивший затаить дыхание и замереть, предвосхищая невероятный подъем на лучшем из лифтов, которые мне приходилось видеть.

Встречала я их, конечно, не так много. Последний из впечатливших меня находился в московском кафе «Пушкинъ» и выглядел довольно внушительно. Однако ни один из них не шел ни в какое сравнение с очарованием кованых линий двери с керамической ручкой, расписанной вручную давно забытым художником. Сверху в полукруге покоилась стрелка, которую, кажется, никто не беспокоил уже несколько столетий. Я аккуратно потянула дверцу на себя, и с нежнейшим из скрипов она распахнула передо мной совершенно крохотное помещение, в котором едва поместятся двое. А как же перевозить пианино?

Видимо, поэтому в этом городе так популярен подъем грузов на специальных платформах прямо к окну. Услуга «доставка до двери» здесь превратилась в особый вид сервиса – «подъем до окна».

Так, на днях во время беседы с сестрой в WhatsApp она вдруг пронзительно закричала и стала указывать на балконную дверь за моей спиной.

– Похоже, твой Дип стал романтиком! – кричала она, в то время как гигантский поддон с невероятным количеством цветов и оливковых деревьев притормаживал на уровне нашего этажа. Раскрыв рот, я ждала продолжения действа. Поддон с минуту угрожающе раскачивался в воздухе, после чего дернулся и медленно пополз вверх, чем явно расстроил сентиментальную сестру. Я же, по правде сказать, вздохнула с облегчением. При всей любви к растениям я с трудом управлялась с непритязательным цикламеном и порядком подсохшим вереском на балконе, белоснежной гарденией и несколькими орхидеями, одну из которых мне подарила соседка, а вторую чуть не угробил Дип, когда я с детьми была у мамы. Еще парочка вазонов определенно усложнила бы мой быт, поэтому я была невероятно рада неромантичной натуре своего супруга. Тем же вечером на всякий случай я уточнила, не думал ли он о таком сюрпризе. Мне кажется, Дип даже не понял вопроса, и я успокоилась.

> Я нажала на гладкую кнопку с каллиграфической гравировкой, и загадочный аппарат, больше напоминавший машину времени, издал легкое шипение и медленно заскользил по шуршащим тросам:

сквозь мутные стекла геометрических окошек я видела проплывающие этажи, похожие на изысканные холлы отелей позапрошлого века, которых так много в красивых фильмах. Что-то щелкнуло, и я осторожно отворила дверь, что делала в лифте впервые. Рыжая голова, торчавшая из широкой белой двери, кивнула мне, и я последовала за ней, забыв о мерах

предосторожности, о которых мне ежедневно напоминал Дип.

Квартира, в которой я оказалась, была далеко не роскошной и едва ли соответствовала парадной. По некоторым деталям лепнины, скрывавшейся на высоких потолках, или антикварным бронзовым ручкам на оконных рамах было видно, что когда-то в этой квартире жила богатая семья.

> Рояль в дальнем углу гостиной, накрытый цветастым покрывалом, и книжные пустующие стеллажи во всю стену говорили, что много лет назад в этом салоне устраивались шумные музыкальные вечера и декламировались стихи современников.

Все это ушло, оставив лишь очаровательную старушку, которая была гораздо старше, чем могла показаться при обозрении ее снизу. И хоть седину она тщательно скрывала под золотистой рыжиной хны, глубокие морщины, проложившие борозды мудрости на ее лице, выдавали по-настоящему преклонный возраст. Пока я разувалась, она ускользнула на кухню и оттуда интервьюировала меня с профессионализмом Ларри Кинга[44] – так что через минуту она знала достаточно, чтобы удовлетворить свое любопытство и приглушить чувство одиночества.

Очаровательное создание, так любезно пригласившее меня в гости в столь ранний час, звали Тукче-ханым. Имя мне показалось смешным, но я не показала виду, хоть каждый раз, называя его, приходилось подавлять улыбку. Женщина была совсем невысокого роста, поэтому все полки на кухне казались слишком низкими. Мне не пришлось бы даже поднимать руки вверх, чтобы раскрыть шкафчик над раковиной. И это при росте в 162 см. Тукче налила нам чаю и принялась весело болтать, как будто мы были давними подругами. Ее ничуть не смущало то, что я понимала ее через слово и с трудом могла ответить на заковыристые вопросы. Она наполняла стакан за стаканом крепким чаем, а я исподтишка поглядывала на корзину с апельсиновой кожурой, дожидаясь удобной минуты, чтобы спросить у нее про этот «портакал», по чьей вине я здесь торчала уже четверть часа.

Тукче, наболтавшись вволю, хитро посмотрела на меня:

– Мне нравится, что у тебя все вызывает интерес. Ты «ябанджи», а хочешь быть как мы. – После этих слов она начала копошиться в глубокой шуфляде под плитой, пока не выудила оттуда тяжеленную разделочную доску, которую с грохотом опустила прямо перед моим носом.

– Ты хотела знать, зачем мне кожура? Ни один турок такой вопрос никогда не задал бы. Мы с детства варим portakal reçeli[45]. Причем самое вкусное получается именно из корок. Когда я была девочкой, мы часами с бабушкой нарезали кожуру и пели песни. Так я стала певицей…

– Так это ваш рояль? – Встрепенулась я. – Вы умеете играть?

– Играть – это единственное, что я умею. Я играла на рояле. Играла на сцене. Играла в жизни. Я была чертовски красивой! – и она потянула меня в дальнюю комнату своей необъятной квартиры.

Мы шли по коридору, по обе стороны которого, как бесстрашные янычары, нас встречали высокие двери с массивными замочными скважинами. Что скрывалось за ними? Тукче-ханым после нескольких рывков с силой распахнула одну из дверей, – та отворилась нехотя, с протяжным скрипом. Я поняла, что в этой части квартиры давно никто не бывал. Дыхание темной комнаты было тяжелым и спертым, сплошь пропитанным парами нафталина, которым раньше по незнанию пугали моль. Над высоким красным комодом в стиле шинуазри, инкрустированным цветочными узорами из малахита, висела гигантская картина. Как и рояль, она была покрыта выцветшим куском прекрасной портьеры, сохранившей еще следы дорогой вышивки. Тукче, не предупреждая, схватилась за край и резко потянула… Миллионы крохотных пылинок взвились в воздух и долго вращались в дикой пляске, пока наконец не стали опускаться все ниже и ниже, открывая невероятный портрет.

Передо мной практически в полный рост стояла Венера! Обнаженные жемчужные плечи были слегка опущены, как будто застали ее в момент сомнения. Очаровательная головка, обрамленная завитками черных волос, напротив, закинута слегка назад, и взгляд… Если бы я была мужчиной, то определенно посвятила бы этой женщине жизнь. Я не могла оторвать глаз от портрета, в то время как шустрая Тукче на скорую руку наводила порядок в комнате. Конечно, дело было не в порядке. Ей просто не хотелось смотреть на себя молодую – она искала любое занятие, чтобы отвлечься и не встретиться взглядом с той, которая была ей такой близкой и совершенно чужой одновременно.

Рецепт

Варенье из апельсиновой кожуры в кухне оперной

примы (из расчета на одну пол-литровую банку)

- ***4 апельсина (8 половинок без сока и мякоти)***
- ***8—10 столовых ложек сахара***
- ***Сок и цедра одного лимона***
- ***1 чайная ложка корицы***
- ***Несколько сухих плодов кардамона***

Скоро мы снова сидели на кухне и кромсали сочную кожуру на тонкие полоски. Когда все было готово, Тукче залила их водой и поставила на огонь.

– Пусть покипят минут пять – и сменим воду. И так три раза. Это чтобы горечь ушла.

Я механически кивала головой, хотя мысли мои были заняты совсем другим. Красавица певица… Так вот почему она показалась намного моложе, пока я ее не увидела: внизу я слышала ее сильный, живой голос, легко долетавший до земли с высокого пятого этажа.

– А вы можете спеть? – нерешительно спросила я.

– Нет, не могу, canım[46]. Поет не человек, поет душа. А моя уже давно спит. – И она в третий раз слила кипящую воду из медной кастрюли в форме тыквы. Мы снова поставили ее на средний огонь, и Тукче медленно отмерила нужное количество сахара: по 2 столовые ложки на апельсин. Поверх она выдавила сок одного лимона и посыпала цедрой: она ловко содрала ее специальным приспособлением наподобие терки-ножа, какого я прежде не встречала. Приправив тончайшие завитки корицей и кардамоном, она все хорошенько вымешала и накрыла крышкой.

– Если хочешь, добавь немного воды, но я не люблю. Моя соседка заливает апельсиновым соком, а я ее за это ругаю. Сок – для того, чтобы пить, а не варить: в нем витамины. Пей, canım, больше portakal suyu[47], и будешь красавица!

В этот момент она мне напомнила бьюти-блогера, однако к ее совету я отнеслась более чем серьезно. И разве могло быть иначе после того, как я увидела ее портрет, ставший для меня чем-то наподобие святыни.

Варенье покипело минут двадцать, и Тукче тут же принялась разливать его по крохотным баночкам. Кухня наполнилась свежим цитрусовым флером, от которого щекотало внутри и как будто в голове летали бабочки.

– На-ка, разливай сама, – передала мне хозяйка старенький половник с очаровательной керамической ручкой. – У меня руки дрожат, еще обожгусь. А я пока расскажу тебе, как мой рояль

поднимали на пятый этаж.

Я радостно кивнула.

– Так вот, эту квартиру мне подарил один поклонник. Он был королевских кровей и то и дело приезжал в Стамбул. Его семья строила железные дороги… Или торговала бриллиантами?.. Не помню… Рояль он привез из Германии, но его никак нельзя было поднять: лестница в парадной узкая, окна тоже. Тогда его люди, пока я была на сцене, разобрали стену моей гостиной, подняли на тросах рояль и снова заделали дыру. Они даже обои наклеили. Так что, когда я пришла домой, все было готово.

– И что вы ему сказали на это?

– О! Он был со мной рядом. Когда мы вошли, я сразу увидела инструмент, – его ведь невозможно было не заметить, – но не подала виду. Как будто он всегда там стоял. И он ушел.

Я зарделась от негодования. Ярко представились муки этого несчастного влюбленного, чей подарок был так жестоко проигнорирован. Любой самый незначительный жест со стороны Дипа я привыкла расхваливать несколько дней, ведь мужчинам это так важно, а тут такое безразличие… Тукче-ханым прочитала меня как раскрытую книгу.

– Ты добрая, а я нет. На следующий день он пришел как ни в чем не бывало и подарил невероятный бриллиант в виде подвески. Он где-то здесь, в квартире, потом отыщу и покажу.

Я засобиралась. Жизнь этой маленькой женщины со смешными рыжими волосами представлялась мне весьма сумбурной и хаотичной. Я непременно должна была зайти к ней еще раз.

– Вы не против, если я приду? – застенчиво спросила я. – Когда вы, конечно, будете дома…

– Если меня не будет дома, canım, значит, я уже нигде никогда не буду. – И она грустно улыбнулась. – Я уже несколько лет не выхожу. С тех пор, как умер муж.

– Простите, мне жаль… Но вы показались такой сильной. Настоящей стамбульской женщиной… – тихо сказала я.

– Ты правильно поняла. Я сильная, и поэтому не плачу и не страдаю. Своего мужа последний раз я видела в этом доме, и теперь не могу покинуть его. Мне кажется, будто он сидит вон в том кресле, – и она указала рукой на потертую качалку братьев Тонет[48], – и ждет, когда я принесу ему чаю с апельсиновым вареньем. Как мне уйти?

Стало нестерпимо грустно от тихой преданности, которую вкладывала в безвозвратную потерю человека эта крохотная женщина. Я думала, что, превращаясь в стариков, люди

неминуемо теряют чувство страсти, искру, что воспламеняла когда-то их сердца; что все эмоции перестают быть слишком сильными и сосредотачиваются в основном на безразличных внуках. У Тукче все было иначе: она по-прежнему горела любовью к своему мужу.

– Возможно, он чувствует все это… – попыталась приободрить ее я.

– Загробной жизни нет, – спокойно ответила она. – И ты не верь, это обман для слабаков. Жизнь одна, и она здесь и сейчас. Потом не будет. Поэтому живи, а не рассчитывай на подачку в виде рая или чего-то там еще…

Было сложно ей возразить. Тукче говорила так, будто знала это наверняка. Перед тем как выйти, я мельком бросила взгляд на кресло в дальнем углу салона, как будто в нем и вправду мог кто-то сидеть, и мысленно попрощалась с ним.

Я спешила домой, чтобы не терять ни минуты этого дня. Как никогда, я чувствовала квинтэссенцию жизни в настоящем моменте и хотела делиться ею со своими родными. Я долго стояла у дома, дожидаясь школьного автобуса. Сегодня мне непременно хотелось его встретить и увидеть моих девочек как можно раньше, но, как назло, он задерживался в трафике, что еще больше подогревало мое нетерпение.

Вечер мы провели за чаепитием с апельсиновым джемом, которым меня угостила Тукче. Я увлеченно рассказывала домашним про новое знакомство, обрамляя его яркими подробностями. Дипу моя история не понравилась. Он злился каждый раз, когда я «путалась не там, где нужно». Он встал из-за стола и начал быстро ходить по комнате. Он делал так всегда, когда не хотел показывать эмоции. Старшей дочери стало немного грустно, и она просидела весь вечер с красными глазами. А младшая ничего не поняла и продолжала намазывать уже четвертую булку густым апельсиновым джемом и, счастливая, уплетала ее за обе щеки.

Легкая грусть приятно щекотала в груди. Мне показалось, что я познала еще одну сторону многогранного стамбульского кейфа.

Стамбульская меланхолия

10 июля

Типичное стамбульское утро и кюнефе толстушки Кюгю. – Тайна дворцовой наложницы и красавца янычара. – Сладкие каштаны с привкусом счастья. – Вездесущая небрежность и ее последствия. – Металлическая церковь мученика Стефана. – Голограмма из красного кирпича под дождем. – Папироска в узловатых пальцах старика-ополченца. – О том, что Хогвартс существует – и он в Стамбуле.

Стамбул просыпается рано… то ли от криков голодных чаек, то ли от гнусавых гудков проходящих по Босфору пароходов. Из всех дверей, полусонные, высыпают люди на политые дождем улицы. Они рассаживаются вдоль умытых тротуаров за

крохотными столиками и медленно, наслаждаясь каждым терпким глотком, пьют янтарный чай из крохотных стаканчиков грушевидной формы.

И можно было бы снова погрузиться в сладостную дрему, если бы не резко взвившаяся стая голубей, взбудораженная щедрой горсткой крошек из окна надо мною…

Я смотрю на часы. Без четверти девять. Через несколько минут широко распахнут двери своих салонов приветливые куаферы[49], и наточенные шаветки зашелестят на чисто выбритых подбородках стамбульских денди с утренними газетами под мышкой. Прыткие «Веспы»[50] задорно играют в догонялки, навлекая грозные возгласы седовласых мужчин за соседним столиком: еще час они посидят здесь, а после переместятся на широкую скамью в тени ветвистого платана у входа в мечеть Хаджи Махмута (она здесь же, в пяти минутах прогулочным шагом).

> Стамбульские пенсионеры начинают день рано: подолгу пьют чай в семейных локантах[51], подправляют роскошные усы в одной из парикмахерских, которыми управляют их внуки, а после до обеда играют в нарды, громко переживая проигрыши и еще громче празднуя победы.

Я пристально наблюдаю за веселой толстушкой у витрины, которая на большой раскаленной сковороде мастерски готовит десерт кюнефе[52]. Аромат горячего топленого масла и сахарного сиропа быстро разлетается по округе.

– Кюгю, оставь мне кусочек! – кричит смешной паренек со скрипучей тележкой, набитой огромными бутылями воды. Я морщусь от сводящего скулы скрипа, делаю глоток обжигающего напитка и успокаиваюсь. И почему раньше никто не рассказывал про целительную силу чая, выращенного на черноморских плантациях в пригороде Ризе?

Через дорогу мне мило подмигивают открытыми ставнями деревянные домики. Стройные подъезды, обрамленные белоснежными колоннами, ведут себя выдержанно: их двери открываются редко и никогда не стучат, будто боятся нарушить чуткий сон старинных деревянных портиков, венчающих увядающую красоту.

Фасады, выкрашенные когда-то в оттенки кирпичной терракоты, насыщенной лазури и бледной куркумы,

уныло глядятся в зеркальные лужи, оставшиеся после обильного полива кустов жасмина.

Скоро вода испарится – и белесая пыль продолжит свой незамысловатый танец в паре с сонным утренним ветром.

Я глубоко вдыхаю будоражащие запахи из соседней буречной: в этом городе жизнь неразрывно связана с едой. Спешащие прохожие замедляют шаг, чтобы вдохнуть поглубже нежнейший из запахов, и многие, так и не устояв, присаживаются рядом – внимательный гарсон тут же подбегает с крохотными стаканчиками терпкого чая. Я представляю себе хрустящие гёзлеме со шпинатом и тающие во рту лахмаджуны и, спешно расплатившись, бреду прочь от этого искушения, противостоять которому больше нет сил.

Пройдя несколько кварталов по оживленной Dereboyu Caddesi, я дошла до средневекового хамама Хюсрев Кетхуда (Hüsrev Kethuda) – приземистого кубика из крупного темного камня с весьма интересной историей, которую я случайно узнала от женщины у входа.

Шепотом она поведала, что баню построили много веков назад, и так она работала, пока в ее стенах не произошла тайная встреча юной наложницы из дворца Долмабахче с красавцем янычаром. Завистливая управляющая хамамом, не справившись с ревностью, напустила слишком много пара и заперла двери на засов. Когда их открыли, бездыханные влюбленные лежали на центральном камне харарета[53], обнявшись, словно брат и сестра. С тех пор в это заведение никто не ходил. Его закрыли, а позже в нем обосновались ресторан и ателье, которые до сих пор предлагают свои услуги. Впечатленная трагической историей, я не удержалась, чтобы не заглянуть внутрь. Казалось, за последние пятьсот лет здесь мало что изменилось: суровые каменные своды по-прежнему хранили печаль прошлых лет. Неожиданно мне стало не по себе: казалось, будто стены сдвигаются и нечем дышать. С трудом я выбралась на улицу, где меня ждала все та же абла.

– Дыши-дыши, – успокаивала она, вытирая испарину со лба своим подолом. Я недоумевающе смотрела на нее и пыталась восстановить дыхание.

– Это заклятие, дочка. Все, кто по-настоящему влюблены, не могут здесь находиться – задыхаются. Защита, которую оставили перед смертью несчастные влюбленные. Я ведь рассказывала тебе. Пусть им там хорошо будет… – и она стала пристально всматриваться в облака над головой.

– Но внутри были люди. Как же они?

– Они, верно, никогда влюблены не были…

Глупость какая… И я направилась прочь от странного места, параллельно набирая номер Дипа. Хотелось немедленно рассказать ему о пережитом, но он сбросил: вечные совещания… Вскоре Дип перезвонил, но я уже не помнила, что именно хотела сказать: что едва не задохнулась из-за средневекового заклятия (он бы в это однозначно не поверил) или что по-настоящему влюблена (тогда у него возникли бы сомнения, в кого конкретно), и я решила не говорить ничего.

– Ты странная, – безразлично буркнул он и повесил трубку, а я побрела дальше.

Я шла по петляющим улочкам любимого Ортакёя[54], всегда приветливо встречающего меня звонким бряцанием медной посуды из локант, в которых полным ходом шла подготовка к раннему обеду. Белозубые бородатые куафёры игриво подмигивали мне, томясь в ожидании клиента перед крохотными мастерскими, доставшимися им по наследству от отцов. Будь то жилые кварталы, рожденные в XVIII веке на улице Булгурджу, или очаровательные оштукатуренные усадьбы, приклеенные боковыми стенами к соседним домам, – все принимало меня добродушными улыбками греющихся на солнце котов и очаровательной грустью, пробивавшейся тонкими ростками сквозь трещины в стенах.

Через распахнутые окна дома делились со мной утренними новостями, спешно начитываемыми голосами телеведущих, простыми интерьерами гостиных и, конечно же, манящими ароматами из уютных кухонь, в которых стамбульские бабушки готовились к позднему пробуждению безалаберных внуков. Особенно привлекал запах жареных каштанов. Обычно я останавливалась у такого окна и, глубоко вдыхая сладковатый дымок, вспоминала свой первый день в Стамбуле: шел снег, и я дышала в бумажный пакетик с горячими каштанами, пытаясь согреться.

Теперь я могла покупать каштаны каждый день. Оказалось, что особенно вкусен kestane kebab[55] за кинопросмотрами прохладными стамбульскими вечерами: укрывшись пледом или забившись под мышку Дипа, который на двадцатой минуте любой романтической комедии начинал ритмично похрапывать, я наслаждалась нежным мякишем теплого чуда с ореховым привкусом. Сделав это открытие, мы напрочь отказались от банального попкорна, и наша небольшая квартирка все чаще стала наполняться божественным ароматом золотых плодов.

Рецепт

Жареные каштаны по-стамбульски

- ***Каштаны (из расчета 10–15 штук на человека)***
- ***Соль***

Жарить каштаны – это как будто побывать в Стамбуле, над которым в любое время года витает пробуждающий аппетит пряный запах экзотического стрит-фуда. Правда, в отличие от любой другой уличной еды, kestane kebab содержит витамины и рекомендуется людям с ослабленным иммунитетом.

Я хорошенько мою каштаны, высушиваю и делаю крестообразные надрезы прямо по скорлупе на боковой стенке. Можно воспользоваться ножом, но лучше приобрести специальный инструмент, напоминающий две ложки, скрепленные вместе у оснований. Многие по незнанию принимают их за орехоколки и обходят вниманием этот полезный аксессуар.

Подготовленные каштаны выкладываю на горячую сковороду и наслаждаюсь их размеренным потрескиванием, которое действует на меня исключительно успокаивающе. Как только одна сторона подрумянилась, можно переворачивать. В процессе жарки каштаны должны раскрыться наподобие цветков в тех местах, где я сделала надрезы. Бояться слегка обугливших бочков не стоит: «чем чернее, тем вкуснее» – так говорят стамбульцы и выбирают плоды поподжаристей.

Остывают каштаны быстро. Теперь можно собраться вокруг миски тесным кружком и наслаждаться нежной мякотью с привкусом сладкой дымки лесного костра… По крайней мере, у меня этот вкус вызывает именно такие ассоциации. Стамбульцы предпочитают чистить каштаны сразу и, посолив, угощать уже готовыми к употреблению. Но для меня это как щелкать семечки без скорлупы: ведь процесс – неизменная часть удовольствия.

Ярко-красные тележки продавцов жареных каштанов, что день за днем в один и тот же час раздувают угли под стальными противнями и ловко ворочают раскаленные плоды огрубевшими пальцами на глазах у изумленной публики, скоро завладели моей душой. Я хорошо знала их лица и привычки, любила слушать их громкие голоса: у молодых – звонкие, а у тех, что постарше, – хрипловатые. И все же было что-то, что не поддавалось пониманию, но так явно лежало на поверхности и заставляло думать об этом все чаще и чаще.

Небрежность – вот что так очаровывало меня в этом городе. Она присутствовала везде: в вальяжной позе котов, занимавших скамьи в общественных парках; в вечно спешащих и оттого опаздывающих горожанах; в хаотичном движении машин на перекрестках и в торговых лавках, часто закрывающихся на пять минут раньше времени, указанного на картонке в дверях. Я чувствовала небрежность в отсутствии строгих правил детских игр на площадке и нежелании выстраиваться в очередь за горячими симитами по утрам; в не всегда срабатывающем шлагбауме на подъезде к дому и никогда не приходящем водопроводчике, чтобы подкрутить текущий кран.

> Странная халатность буквально парила в воздухе: она отражалась в вопросах воспитания детей, здорового питания и засиживании допоздна за просмотром бессмысленных сериалов;

в часовых тренировках, завершающихся сырной ачмой[56], которая по калориям тянет еще на три такие же тренировки. И я признаю, что вся эта небрежность, которая вот уже полгода не давала мне покоя, как-то странно работала, а скорее всего, была пикантной особенностью жизни в Стамбуле – как и в любом другом южноевропейском городе, где никому и в голову не придет призывать людей к пунктуальности и организованности.

И так я бы думала и дальше, но только со временем мне стало казаться, что на затерявшихся во времени улицах кроме размеренного быта и незнакомых прохожих живет что-то еще: оно молча следовало по пятам и не покидало даже во время коротких передышек ради нескольких стаканчиков чая. Я знала, что оно было частью городского кейфа, проникнуть в который так сильно хотелось.

Стамбул покоряет с первого взгляда. Он сносит панамы с невнимательных туристов порывистыми ветрами, легким бризом нежно прикасается к загорелым плечам красивых женщин, увлекает влюбленных в лабиринты узких улочек, над которыми, словно белоснежные паруса, развевается еще влажное выстиранное белье.

> Этот город заставляет замирать при звуках заунывного азана, призывающего верующих склониться в молитве – и ты неподвижно стоишь, восторженно внимая тончайшим переливам завораживающих мелодий.

Здесь можно случайно встретить древнеримский акведук или подземные цистерны времен акрополя, вплотную к которому пристроены ветхие домишки, выглядящие еще более убого от такого соседства. Великолепие богатого наследия трех империй, когда-то прославленных красивейшим из городов, сосредотачивалось внутри неприступных крепостных стен, что сегодня понуро стоят, зияя бесконечными дырами. Их каменный остов когда-то штурмовали сильнейшие армии мира, терпя поражение одно за другим. Сегодня же в незалатанных прорехах покосившихся башен ночуют огромные псы – потомки диких стай, обитающие здесь со времен Константинополя.

Любой проходящий может прикоснуться к истории и почувствовать невероятную мощь, которую излучают могучие камни Феодосиевых стен[57], однако все спешат, будто и вовсе не замечая печальных исполинов на своем пути. Эти гигантские обломки былой мощи стоят, ощерив беззубые рты парадных ворот, в которые туда-сюда снуют пыхтящие автомобили: прямо за развалинами – ничем не примечательная городская застройка, как будто другого места для нее не нашлось. От этого нездорового симбиоза, встречающегося на каждом углу недоумевающего Стамбула, веет особой тоской, которая читается в глазах спешащих женщин, курящих в сторонке мужчин и хорошо одетых студентов, не отрывающих глаз от своих телефонов.

Стамбул не из веселых городов… Конечно, он будоражит криками наглых чаек, что так и норовят стащить рыбу у бедного рыбака, вышедшего в море задолго до восхода солнца; он освежает мелкими брызгами прохладных вод двух морей, что так ласково омывают его с Севера и Юга; затягивает в пучину запруженных улиц, переполненных исцарапанными автомобилями и толпами бегущих по проезжей части людей. Во всем этом – неуемная энергия полюбившегося мне Стамбула, волнующая страсть огней на ночных улицах и свежесть только что политых тротуаров по утрам.

> Но ближе всего мне оказалась обратная сторона этого города, тщательно скрываемая от глаз торопливых туристов и случайных проезжих, которым нет никакого дела до души великолепного города – тонкой и невероятно ранимой.

Я распознала меланхолию Стамбула не сразу. Понадобились долгие месяцы блуждания по незнакомым улицам, короткие беседы ни о чем со случайными встречными, сотни чашек кофе в

сомнительных забегаловках – только после всего этого передо мной отворилась дверь в настоящий Стамбул.

Стоило свернуть с проторенных дорог и оказаться там, где появляются только коренные горожане, как я начинала ловить на себе неловкие взгляды, и в воздухе зависало гнетущее непонимание того, что я могу делать в этих затерянных пристанищах. Люди будто стыдились того, что я увижу нечто, не предназначенное для взглядов туристов, для которых здесь есть специально отведенные достопримечательности – отреставрированные и снабженные точками Wi-Fi. В такие минуты я представляла себя непрошеным гостем, который явился в дом в неподходящий момент, когда тот совсем не прибран. И все попадавшиеся прохожие смотрели виновато, пытаясь скорее укрыться в обшарпанных арках, за которыми прятались нечищеные дворы.

> Удручающая ветошь старых построек, местами зажатая крепкими решетками, проникала в мое сердце все глубже и глубже.

Это был совершенно другой мир, ничуть не похожий на тот, что я видела в красочных буклетах в лобби Марриотта, на многообещающих страницах TripAdvisor и сайтах планирования путешествий.

До болгарской церкви Святого Стефана добраться просто: дорогу к ней подскажет каждый встречный. Туристы заглядывают в нее часто по двум причинам: во-первых, она расположена в нескольких минутах от Византийского Вселенского Патриархата, где и по сей день находится резиденция Константинопольского Святейшества; во-вторых, церковь полностью сделана из металла – как снаружи, так и изнутри. Когда-то на ее месте стояла деревянная церквушка, которую то и дело поджигали недоброжелатели. Возможно, именно поэтому, чтобы увековечить память мученика Стефана, умершего через год после вознесения Христа, то есть в 34 году н. э., сооружение решили полностью смастерить из стали и чугуна. В разобранном виде ее в конце XIX века переправили в Стамбул по воде. Первыми такие портативные церкви начали изготовлять англичане, чтобы поставлять их в свои колонии. Одна из них, сделанная, правда, австрийской компанией и весом более пятисот тысяч тонн, оказалась в Стамбуле, где до сих пор привечает верующих в своих модерновых залах. Выросшая на самом берегу Золотого Рога, она определенно заслуживает внимания.

Выйдя из нее, я перешла дорогу и стала подниматься вверх по

узкой улочке, вымощенной грубыми булыжниками. Миниатюрные кофейни в начале пути призывно хлопали дверями, но чем дальше я поднималась по крутому склону, тем тише становилось вокруг. Странного вида парнишка выглянул из темного подъезда. Я оборачивалась, и каждый раз он стоял и глядел мне вслед… Засунув телефон поглубже в карман и убедившись, что кошелек все еще при мне, я продолжала идти по совершенно безлюдному району. Устрашающие здания с чернеющими отверстиями вместо окон стояли вперемежку с очаровательными домишками: мраморные фасады и изящные лестницы говорили о былом богатстве прежних владельцев, но теперь они стояли тусклые и поникшие, хотя и держались достойно, как обедневшие аристократы в иммиграции. На высоком заборе, скрывавшем уродство очередного погибающего особняка, раззявил пасть гигантский змей, вылетевший когда-то из аэробаллончика старательного граффитиста. Под ним – красные размытые автобусы и подпись художника, создавшего этот шедевр, вероятно, под покровом ночи.

И тут я увидела нечто, что заставило остановиться и на мгновение задуматься: не сон ли это? В просвете между убогими домами, что нескончаемой вереницей тянулись вверх, стоял невероятный замок, украшенный зубчатыми башенками и утопленными арками так искусно, что походил на многомерный объект, оживший в 3D-видении. Начал накрапывать дождь, и я с трудом поднималась по влажной отвесной дороге. Кроссовки скользили на отполированных камнях, и я едва держала равновесие. Наконец мне удалось поравняться с великолепной постройкой из красного кирпича, которая своим величием и неприступностью настолько выбивалась из жалкого окружения, что, казалось, это всего лишь прекрасная голограмма, которая вот-вот растворится в воздухе, и я побреду обратно к заливу.

Чугунные ворота были заперты, и мне пришлось некоторое время потоптаться у порога, не понимая, что делать дальше. На гигантской двери, увенчанной аскетичным крестиком и тусклой вывеской на греческом языке, было что-то написано, но усилившийся дождь мешал сфокусироваться. Я прошла вдоль невероятной стены: кому нужна была такая мощная оборона? Высокие узкие окошки наподобие бойниц кое-где разрезали ее, но были слишком высоки, чтобы я могла заглянуть в них, а мне так этого хотелось.

Совсем близко кто-то кашлянул: я тут же схватилась за телефон в кармане.

– Что ты ищешь, дочка? – Сутулый старичок выглядывал из подъезда, примыкавшего прямо к воротам красного замка.

– Простите, а что это за место? Очень красивое здание…

Старичок улыбнулся.

– Русская? Пе-жа-лы-ста. Спа-зи-ба, – со смешным акцентом он начал перебирать в памяти все русские слова, что когда-либо слышал. Я улыбнулась.

– Мокро, – буркнул он и махнул мне рукой, указывая на небольшой навес, под которым сам едва умещался. Я юркнула под каменный портик, который, правда, не очень поправил ситуацию, старичок же проворно нырнул в подъезд и уже оттуда расспрашивал, из какого города я родом, и все в таком же духе, пока я его не оборвала единственным волновавшим меня на тот момент вопросом: что это за здание?

– Ааа, это школа. Обыкновенная школа… Rum okulu[58]. – И он полез в карман за кусочком бумаги. Старик ловко свернул ее узловатыми и неповоротливыми от старости пальцами – сноровка превыше всего – и начал набивать ее рассыпчатым табаком, который вытряхивал из совершенно очаровательной антикварной табакерки. Эта дорогая вещица в его изувеченных временем руках да и вообще на фоне разбитых стен осунувшейся парадной выглядела странно. Я бы ничуть не удивилась, увидав ее в руках расфранченного швейцара у входа, скажем, в «Чираган Палас»[59].

> Контрасты – еще одна необычная, но очень типичная черта этого города.

Вначале она бросалась в глаза, маячила на фоне будничных городских пейзажей, но после я поняла, что это всего лишь часть того настоящего Стамбула, который я терпеливо открывала для себя день за днем.

В Стамбуле невероятное количество богатых людей. Причем это не те миллионеры, которые ходят в футболках и джинсах за двадцать долларов. Здесь живут люди, которые любят роскошь по-настоящему: они носят безумно дорогую одежду, живут в роскошных виллах за десятки миллионов долларов, ездят в автомобилях, которые, кажется, только недавно были представлены на Женевском автосалоне. Здесь то и дело встречаются такси марки «Тесла», которые Илон Маск едва успел презентовать, – но в этом роскошном городе они лихо

выныривают из безразмерных подземных паркингов таких же безразмерных торговых центров. Новейшие «феррари» и «ламборджини» здесь так же просто встретить на улице, как и стаю бездомных собак, что уныло тянется за представителем любого другого класса, который не так привлекателен, но вместе с тем является не менее ярким обитателем этого противоречивого города.

> В Стамбуле много бедняков, которые десятилетиями влачат свою унылую жизнь, не сулящую им ничего, кроме жалкого прозябания в полуразваленных халупах, доставшихся им после османского величия. Когда-то их предки были купцами или служителями при многочисленных дворцах султанов и их разросшейся родни. Однако со временем все поменялось, и неожиданно огромный пласт населения оказался не у дел. Эти люди не сумели приспособиться к новым реалиям, предлагавшим им девятичасовой рабочий день в фабричных цехах или изнурительные месяцы на сельскохозяйственных угодьях, которые разбивались по всей стране и требовали все новых и новых крепких мускулистых рук.
>
> Этим несчастным, застрявшим в совершенно другом времени и так и не сумевшим выбраться из него, приходится туго по сей день. Их дети странным образом наследуют приверженность родителей к былому укладу и изо всех сил противятся современности. Все они так бледны, что будто бы сливаются с пожухлыми фасадами осунувшихся домов, которым продолжают верно служить, сохраняя их в неизменном виде. Этих людей не назовешь нищими, что с протянутой рукой просят милостыню на вокзалах и больших перекрестках, где машины вынуждены долго стоять в ожидании зеленого света. Напротив, они гордо несут себя как последних представителей никому не известной династии, которой вот-вот суждено кануть в Лету. Они молчаливы, скромны и редко попадаются на глаза, но стоит заглянуть в район, в узких переулках которого никогда не встретишь расфранченного горожанина, они непременно выйдут навстречу, чтобы засвидетельствовать свой печальный привет.

Старик с самокруткой был одним из таких ополченцев (я называю их так, потому что они, будто невидимые стражи старины, самоотверженно защищают что-то уже давно

несуществующее ценой собственного комфорта). В их пропитанных сыростью домах можно встретить несметные сокровища, за которые настоящий коллекционер предложил бы кругленькую сумму, но они никогда не станут торговать ими. Разве что изредка, когда совсем туго с деньгами, они нехотя несут барахольщику какую-нибудь редкую вещицу, а тот выставляет ее в забитой пылью антикварной лавке за несколько сотен лир. Так там скапливаются тончайшей работы шкатулки с поломанными механизмами, серебряные приборы с витиеватыми вензелями на ручках, помятые и растерявшие хрустальные подвески подсвечники времен королевы Виктории (не она ли лично передавала их в Стамбул с остальными дарами в честь открытия дворца Долмабахче?).

Я ненадолго оставила старика одного – уж слишком неприятно пахла его папироска – и снова подошла к величественному сооружению, которое зловеще нависало надо мной, и почувствовала себя невероятно хрупкой и беззащитной. Построенный на высоком холме, замок будто парил в воздухе, поражая великолепием могучих стен и особенно башней с гигантскими круглыми часами.

> Если это и вправду школа, во что мне никак не верилось, то она могла бы создать конкуренцию самому Хогвартсу[60], особенно если учесть, что он не существует.

В тот день я так и не попала внутрь: была суббота, моросил дождь… Но позже оказалось, что старик был прав: здание, покорившее меня с первого взгляда, было не чем иным, как Великой школой нации, или Греческим лицеем. Она была основана сразу после падения Константинополя, в 1454 году, и тут же стала престижнейшим заведением для детей из греческих и османских аристократических родов. Уровень образования в ней был настолько высоким, что почти все выпускники сразу же занимали важные посты в империи и даже управляли другими землями. В XIX веке школа была перестроена – из Франции прибыла не одна баржа с красным гранитным кирпичом, который так завораживающе сегодня смотрится на фоне серого неба.

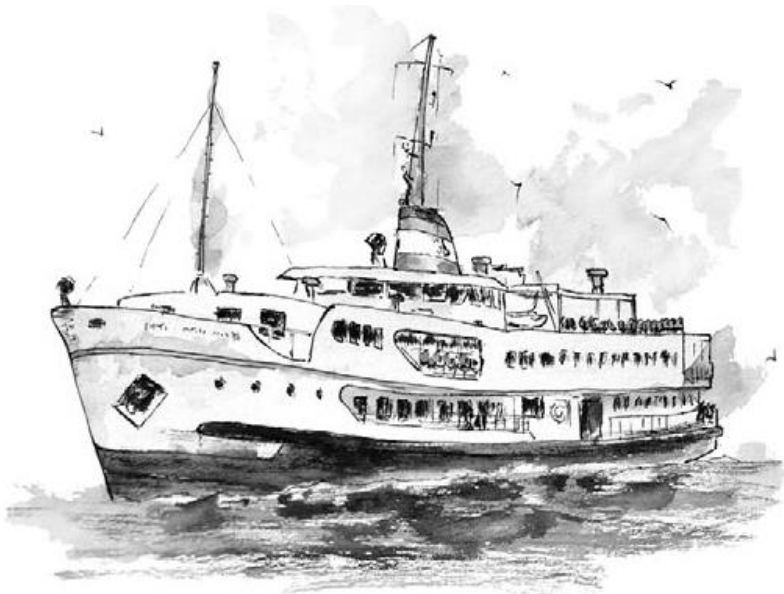
Я пообещала себе вернуться сюда позже и непременно обойти все здание вдоль и поперек. Мне не терпелось увидеть раритетный гигантский телескоп, что прятался в одной из башен, служившей обсерваторией. Я с благоговением представляла себе бесконечные книжные полки в полутемной библиотеке, где половицы скрипят так же, как скрипели в те далекие времена, когда по ним ступал еще мальчишкой Димитрий Кантемир[61] и

прочие видные деятели того времени. Сегодня в лицей попасть так же непросто, как и раньше. Он по-прежнему остается едва ли не самым элитным учебным заведением, в аудиториях которого религиозные преподаватели открывают непоседливым ученикам тайны мироздания на греческом языке. В длинных коридорах царит схоластический дух, увлекающий в глубины знаний и философских размышлений. Я искренне сожалела, что мои девочки не смогут прикоснуться к такому волшебному миру, но смогут читать о нем в увлекательных средневековых романах, если, конечно же, Netflix[62] не уничтожит их к тому времени.

Меланхолия в турецком языке обозначается словом «хюзюн». Впервые я узнала о нем из книги Орхана Памука[63], посвященной его родному городу Стамбулу. Он с такой болью описывал приверженность османской души к печальным раздумьям, что я невольно обвинила его в чрезмерном трагизме и утрировании национальной грусти. Мне представлялся Стамбул бурлящим мегаполисом, что сотни лет кормил полмира своей неуемной энергией, но никак не средневековым аббатством времен Вильгельма Баскервильского[64], где смех и веселие считались неприличными и греховными. И вот, оказавшись здесь, я, подобно загадочным жителям этого древнего города, начинаю испытывать дразнящую тоску по утраченной славе и былому величию широких проспектов, оглушенных в 1871 году звонками первых конок. Я по-новому вижу обветшалые здания, боготворя теперь каждую трещинку и разлом на покосившихся фундаментах, не предвещающих ничего доброго своим печальным надстройкам. Обреченность этого многоярусного великолепия и есть та самая часть неизвестного Стамбула, которая тщательно скрывается за многолюдным туристическим проспектом Истикляль, за районом Эминеню, который заполонили гиды, и десятками второсортных рыбных ресторанов под Галатским мостом над Золотым Рогом.

Полгода назад я приехала в город, вскруживший своей красотой миллионы голов. И я готова была покориться ему, но судьба распорядилась иначе. Стамбул покорился мне, раскрыв глубочайший секрет местного кейфа, который я трепетно храню в уголке своего сердца. Я решилась описать в этой главе лишь малую его часть, чтобы дать представление о нем тем, кто, возможно, захочет испробовать рецепт своеобразной османской печали, замешанной на суфийских идеях и называемой здесь красивым словом «хюзюн»…

Дорога в Шиле, или Как мы искали маяк



28 августа, Шиле, провинция Стамбула

Неравная схватка за шоколадный загар. – Аполлон на соседней террасе. – Эликсир молодости, по мнению стамбульских женщин. – Секретный наблюдательный пункт в кустах рододендрона. – Кикладские дома и «all inclusive». – О том, что Шиле – это практически шато. – Маяк а-ля Бретань и белоснежное ришелье. – Безлюдная лагуна в предзакатные часы. – Креветки по-османски по совету Эмель. – Волшебная ночь в лодке под звездным небом Шиле.

Оглушенная нескончаемыми дрязгами белоснежных чаек, я уже который час сидела на терраске своей квартиры, выставив ноги под мягкие лучи утреннего солнца: мне нужны были загорелые икры для нового платья, длина которого едва прикрывала колени. Пальцы в бешеном ритме стучали по клавиатуре ноутбука, стараясь успеть закончить главу до полудня: в двенадцать начнется солнцепек, и я побреду в поисках ледяного айрана, а после в укромном уголке неизвестной кафешки уткнусь в пожелтевшие страницы антикварной книги, которую выудила из кучи хлама на местной барахолке.

Самовлюбленный ветерок с Босфора игриво кокетничает с

солнцем, и оттого его лучи то и дело пляшут по мне, не давая сосредоточиться на загаре, – и я покрываюсь нелепыми красными пятнами. Мне никогда не удавалось обзавестись ровным шоколадным оттенком кожи, которым может похвастать едва ли не каждая из тех, кто провел недели две на турецких курортных берегах. Я все лето нахожусь в Стамбуле, окруженная морями и проливами, однако моя кожа остается мертвецки белой, несмотря на ежедневные воздушные ванны.

Через крохотную улицу, которая отделяет мой дом от соседнего квартала, буквально в десяти метрах от меня, находится роскошная квартира в османском стиле: ее колоритные интерьеры я не раз наблюдала по вечерам, когда в домах зажигали огни, а шторы расслабленные стамбульцы использовать не привыкли. Они спокойно живут при распахнутых настежь окнах, не замечая никого и ничего вокруг.

> Здесь нет культуры задраивания, законопачивания и замуровывания себя за звуко— и светонепроницаемыми портьерами. Порой ажурные невесомые ставни закрываются, но лишь для того, чтобы после невыносимого полуденного зноя вновь распахнуться в ароматную прохладу нежной стамбульской ночи.

На соседней террасе началось движение: хозяин квартиры (да, кажется, это был он – я сразу не узнала, потому что впервые увидела его в одних плавках) раскрывал зонтик рядом с раскинувшейся облаком бугенвиллией. Он с грацией льва опустился на белоснежный лежак, томно растянув уже и так достаточно загорелое тело. Девушка-филиппинка каждую минуту выныривала на террасу, чтобы принести ему стакан холодного айрана, планшет, наушники, затем полотенце, звонкого шпица, мобильник и еще много всякой всячины. Аполлон (я ведь могу так называть своего соседа на основании сходства с известным мифологическим персонажем?) манерно разговаривал по телефону, специально играя мышцами на груди, как будто кто-то мог подумать, что они так ритмично сокращаются сами, реагируя на банальную беседу. Через минуту филиппинка вынесла портативный вентилятор, и это мне показалось странным: уж лучше бы она вышла с перьевым опахалом – оно бы более гармонично вписалось в удручающую картину безответного служения капризному господину – по крайней мере, именно это я наблюдала последние полчаса. Хотя слово «наблюдала» не совсем верно описывает то, что в действительности делала я: а именно исподтишка косила глазом, прячась за крышкой порядком раскалившегося лэптопа. Мне абсолютно не был интересен мой

сосед, которого я имела счастье наблюдать в любое удобное для меня время: стоило распахнуть любое из окон, как он тут же попадал в поле зрения, чем порядком набил мне оскомину. Больше меня привлекал белоснежный напиток, который после каждого глотка пушистой пенкой покрывал его гладко выбритую верхнюю губу, – услужливая филиппинская девушка тут же самоотверженно бросалась к нему с салфеткой.

Это мятный айран, который не раз приходилось пробовать в местных забегаловках. Он был венцом когда-либо известных туркам напитков, составляя достойную конкуренцию разве только мутной ракы.

> Лучшие повара до сих пор хранят секреты изготовления этого освежающего эликсира, который, по мнению стамбульцев, не только сохраняет здоровье, но и продлевает жизнь.

Женщины пьют его, чтобы иметь густые волосы и гладкую кожу. Традиционный айран готовится из козьего или овечьего молока, которое доводится до кипения, а после добавляется натуральная закваска. Шесть часов смесь должна побродить, превратившись в нежнейшую из консистенций – катык. Его тщательно взбивают специальным деревянным приспособлением, добавляют соль, после чего готовое блюдо разливается в медные стаканчики и подается со льдом. Конечно же, сегодня такие многострадальные рецептуры живут лишь в редких домах. Я же, наученная находчивой многодетной соседкой Эмель, пользовалась упрощенным, но не менее удачным способом приготовления домашнего айрана.

Рецепт

Домашний айран по рецепту соседки Эмель
600 мл натурального йогурта без добавок
300 мл холодной минеральной воды
Мелко рубленные листья свежей мяты или 1 столовая ложка сухой молотой мяты
Сок и мякоть одного огурца по желанию
Соль по вкусу

Блюда на скорую руку всегда действовали на меня ободряюще. Будто слетевшая со страниц сказочной книги магия: один взмах волшебной палочкой – и кувшин с бодрящим айраном, которым

легко можно заменить и обед, и ужин, уже готов. Чтобы магия начала действовать, я всего лишь прохожусь миксером по йогуртовой основе, превращая ее в нежнейшие пики из пузырьков воздуха. Добавляю воду, специи и хорошенько вымешиваю, чтобы разноплотные основы смогли подружиться. Перед подачей пенного напитка бросаю в него несколько кубиков льда и украшаю веточкой мяты – магический шедевр, которым ежедневно наслаждается на террасе своей роскошной квартиры мой сосед, готов!

Снизу раздался знакомый голос:

– Эй, ты там?

А где же мне еще быть. Конечно же, я торчу на пыльной террасе, пытаясь загореть до колена, закончить главу и заглядываясь на айран красавчика соседа.

Это была та самая многодетная Эмель, которая только что самым бессовестным образом рассекретила мой наблюдательный пункт, и теперь сосед с любопытством приподнял очки, чтобы рассмотреть ту, которая все это время пряталась за кустом садового рододендрона и крышкой ноутбука.

– У тебя машина здесь? – снова закричала Эмель снизу.

Да что же у этих стамбульцев за манера такая – орать средь бела дня на весь Бомонти?! На этот раз из квартиры напротив выглянула филиппинка и, скорчив противную гримасу, стала

вглядываться в мой рододендрон. Еще минута – и тонкоголосый шпиц тоже высунет свою острою мордашку, чтобы посмотреть, кто там прячется на балконе. Я перегнулась через ограждение и помахала Эмель рукой.

– Так ты все-таки там! А от кого прячешься? От соседей, что ли? – без тени смущения закричала странная Эмель. Может быть, у всех многодетных мам со временем начинает плавиться мозг, и они уже не понимают, что делают и говорят?.. Я еще больше уверилась в мысли, что больше детей мне не нужно, а Эмель уже барабанила в мою дверь.

Через полчаса мы проезжали над свистящим пучинным Босфором, который сопровождал нас в азиатскую часть города.

> Великолепные дворцы и вековые усадьбы, рассыпавшиеся перламутровыми жемчужинами по побережью, так и манили в свое тенистое лоно, окруженное фитилями-кипарисами и цветущими кустарниками.

Но я крепко держала руль, строго следуя маршруту, который неугомонная Эмель то и дело пыталась подкорректировать. Наконец я забрала у нее телефон, и под легкий джаз и комментарии навигатора, предупреждавшего о поворотах и неожиданных съездах, мы продолжили это неспланированное путешествие, которое обрушилось на мою голову как гром среди ясного неба.

Такие дни были редким случаем в моей жизни: дети гостили у родственников на море, а Дипа срочно отправили в командировку, так что он даже не успел придумать отговорку – а ведь у нас было столько романтических планов на это время! Оставшись одна, я с головой ушла в работу, пытаясь наверстать упущенные объемы совершенно запущенной рукописи. Я перестала полноценно питаться, краситься… Чуть только жара спадала, как я пускалась в длинные променады по нескончаемым улицам летнего города.

Стамбул в конце августа не был похож на себя прежнего. Он пустел, отправляя жителей в сторону Антальи и Бодрума – там стамбульцы селятся на комфортных бело-синих дачах в кикладском стиле, оставляя шумные отели ничего не понимающим туристам. Купившись на заманчивые предложения формата «ultra all inclusive», они никогда не догадаются, что настоящий отдых был так близко: за едва выдающейся скалой, скрывающей череду милейших особняков и не менее приветливых ресторанчиков.

> Именно к ним на восходе закипающего солнца причаливают крохотные суденышки местных рыбаков, в то время как шефы пятизвездочных ресторанов размораживают многокилограммовые пакеты с прошлогодними креветками для средиземноморского ужина несведущих туристов.

Но это все останется сладостным секретом счастливых стамбульцев, блаженно нежащихся на безлюдных пляжах близ очаровательных бунгало, спрятанных в густых зарослях гибискуса и олеандра.

Я же после изнурительного скитания по опустевшим улицам возвращалась в прохладную квартиру и до рассвета пропадала в таинственных мирах Умберто Эко, которым увлеклась не на шутку. А следующим утром с трудом приступала к новой главе – на жаркой террасе с видом на импозантного соседа в плавках и его филиппинскую служанку. И так было бы и в тот день, если бы не навязчивая Эмель, которая неожиданно сплавила детей свекрови и решила немедленно пуститься во все тяжкие. Для этого ей недоставало автомобиля. А так как машина была у меня и обязательным приложением к ней шла я, ей пришлось вытянуть меня из дома, используя свойственные ей бесцеремонные приемы.

– Ты даже не представляешь, куда мы отправимся! – пыталась склонить меня к поездке Эмель. – Это в часе езды отсюда! А если не тормозить, то и за тридцать минут домчим. Тебе нужен отдых! Посмотри на эти синяки под глазами! – И она ткнула меня носом в заляпанное зеркало у входа. «Нужно бы протереть его», – подумала я и поплелась в кухню за тряпкой. Но отчаянная многодетная мать, сплавившая детей на какие-то двое суток, не могла ждать. Она сурово посмотрела мне в глаза, и я поняла: или я везу ее в то самое место, или получаю заклятого врага по соседству. Я бросила в розовый «канкен» купальник, за что получила с дюжину смачных поцелуев от любвеобильной Эмель, и

> мы отправились в загадочное место с удивительно романтическим названием Шиле (ударение, естественно, на последний слог), которое мне напоминало слово «шато» по неизменной ассоциации с французскими замками и терпкими винами.

Соседка хитро прищурилась на сиденье справа и напевала веселую мелодию «Baby Shark»[65], а я думала, как сильно все-таки дети меняют людей. Мы двигались по скоростной трассе, огибая жилые кварталы. Навстречу неслись лесные массивы и

каменистые скалы, исчезавшие тотчас, стоило нам круто повернуть на север. Именно там шумело искрящееся Черное море. Как только его блики показались в просвете высоких елей, Эмель завизжала от восторга и принялась тыкать руками в указатели, заглушая ровный голос навигатора. Эта молодая женщина, растившая четырех избалованных стамбульских ребятишек, в глубине души была еще совсем девчонкой, которой безумно хотелось на море. В ее непослушных кудрях кое-где проглядывали седые прядки.

> Тонкие кисти сжимались в просительном жесте, умоляя скорее довезти ее до заветного пункта, где она оживет, расцветет, задышит – по крайней мере, судя по ее восторгу, именно это должно было с ней произойти.

Шиле оказался небольшим городком, встретившим нас веселым перезвоном медных стаканчиков все с тем же домашним айраном. Невысокие деревянные дома, расставленные хаотично вдоль основных улочек, напомнили типичную греческую деревеньку с любопытными старушками, то и дело выглядывающими из ярко выкрашенных дверей высоких парадных. Иностранцев здесь видят редко, поэтому наше появление стало своего рода сенсацией в небольшом продуктовом магазине в центре городка. Его хозяин, стоявший за прилавком, долго расспрашивал обо мне Эмель, и только удовлетворившись ее ответами, с улыбкой продал пару бутылок воды. Женщина в платке предложила зайти к ней на чай, за что получила выговор подружки с кривым лицом: та заявила, что на чай нужно идти к ней, потому что у нее самовар новый. Мы не стали дожидаться развязки и побрели по узкой улочке, украшенной растяжками белоснежного хлопка.

Ткани были повсюду!

> Нежнейшей работы ажурная вышивка украшала длинные полотнища, развешанные на улице в таком количестве, что идти по тротуару, не путаясь в них, было невозможно.

Эмель забежала в одну из встретившихся по пути лавочек – и уже через минуту прикладывала ко мне очаровательный сарафан в деревенском стиле.

– Тебе идет! – заявила она и быстро запихала его мне в сумку. – Подарок. За то, что согласилась подвезти.

Довольный продавец вынырнул из двери с совершенно превосходным палантином в технике ришелье, но подруга уже тянула меня прочь. Свернув в ничем не примечательный переулок, она вдруг остановилась и абсолютно по-мальчишески хлопнула меня по плечу:

– Та-дам! А вот и он, знакомьтесь! Гордость Шиле – самый большой в Турции действующий маяк! Пока он не горит, но мы дождемся темноты. – И она пулей бросилась к его подножию. Бело-синие кольца гармонично обрамляли его многоугольную

основу.

> Вытянувшись всего на двадцать метров, маяк не производил впечатления высокой конструкции, однако, как я обнаружила позже, стоял он на высокой скале, что вполне объясняло его предназначение.

Он напоминал подобные постройки, которых множество на скалистых берегах Бретани. И будто в подтверждение этой мысли рядом послышался голос.

– Его построили французы. В 1859 году. Зайдите в музей, вход бесплатный. – И приятного вида экскурсовод любезно проводил нас в небольшую комнатку у основания маяка, в которой находились линзы, лампы и прочие технические снасти позапрошлого века. Меня поразила тишина, царившая вокруг. Было ощущение, как будто время остановилось. После городской сутолоки это казалось невероятным и немного волшебным.

Мы проехали еще пару сотен метров и, бросив машину на пустыре, стали спускаться по пологому склону к морю.

> Сквозь редкие заросли я видела воду так близко, что могла чувствовать солоноватый привкус на сухих губах.

Сняв обувь, я побежала – прямо передо мной раскинулась невероятной красоты лагуна, обрамленная плавной береговой линией. Ноги утопали в раскаленном песке, приятно будоража покачнувшееся сознание. Где я? Чуть больше часа назад я томилась на балконе в центре заполненного автомобилями города, и вот теперь находилась в дивном оазисе, сулящем покой и наслаждение.

Обезумевшая от ощущения свободы Эмель бежала к воде, на ходу снимая одежду. Это было как в кино, как в книге… Вдалеке лежала совсем юная парочка. Возможно, это были даже брат и сестра. Перевернутая лодка… Да это же картинка из романа Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть». Переполненная эмоциями, я силилась сделать шаг и не могла: как много я не знала об этом мире!

> Он был прекрасен своим послеполуденным зноем, так нежно щекотавшим руки и плечи; мягким шумом прибоя, что льнул и льнул к ногам, страстно целуя их.

Я упивалась плотной прохладной волной: она раскачивала меня словно колыбель и тихо шептала на ухо комплименты.

Эмель оказалась уверенной пловчихой: она легко добралась до небольшого грота и замахала мне оттуда руками. Она что-то кричала, но ветер относил ее слова далеко в море, так что я просто улыбалась, мысленно благодаря ее за так легко подаренный рай. Тонкие контуры маяка горели в лучах заходящего солнца: он, как верный страж этих земель, уже не одно столетие преданно служил морю и кораблям, проходящим мимо.

Мы почти не разговаривали по дороге в центр городка: было страшно нарушить невероятную легкость внутри неверно подобранным словом, случайным вздохом или слишком громкой эмоцией. Но это нежное чувство тут же прошло, стоило нам выйти на портовую улицу. Кругом играла музыка, горели огни на плавучих ресторанчиках, вдали проходили огромные суда. Их силуэты едва читались на фоне рдеющего закатным светом неба, а скоро и вовсе почти растворились в теплой южной ночи. И если бы не яркие огни на мачтах, вряд ли бы кто-то и вовсе догадался об этих прекрасных исполинах, тянущихся шеренгой к северному горлу Босфора.

Небольшие ресторанчики, из кухонь которых доносились дурманящие ароматы, длинной шеренгой тянулись вдоль берега.

> Кругом были сгружены лодки и всевозможные сети с яркими буйками, кормушки, бухты толстых канатов. Тут же плавно раскачивались небольшие рыболовецкие суденышки, насквозь пропахшие креветками и омарами.

Мы сели у самой воды. Официант тут же раскрыл перед нами небольшое меню, в котором было всего несколько блюд.

– Читать бесполезно, – с видом эксперта заявила Эмель. Это было первое, что она произнесла за последние несколько часов, – так что ее голос даже показался мне почти незнакомым. – Они подают то, что выловили рыбаки. Так что просто скажи, чего тебе хочется, и они подберут.

Я была очень голодна, но боялась спугнуть хрупкое очарование дня грубым блюдом. Эмель что-то шепнула официанту, и он понимающе кивнул ей в ответ.

– Что ты ему сказала?

– Чтобы он принес то, что подают тем, кто впервые оказался в Шиле.

– А ты знаешь, что это? – поинтересовалась я.

– Конечно, ведь когда-то я тоже здесь была впервые.

Греческая музыка ласкала душу нежными переливами. Когда-то с эллинских островов сюда прибыли первые поселенцы. Они

были смуглыми и высокими, сильными и отважными рыбаками, умевшими усмирять волны и готовить вкусную рыбу. Древняя деревенька Хиле[66] росла, превратившись однажды в прекрасную провинцию Стамбула, очаровывавшую каждого, кто ступал на эту удивительную землю.

На столе появились свежий хлеб, оливковое масло со специями и маслины в лимонном соке. Я потянулась за кусочком еще теплой лепешки, но Эмель быстро одернула мою руку.

– Я не дам тебе испортить впечатление от первого кусочка каридес гювеч[67], даже не думай, – и она отодвинула хлеб с маслом на другой конец стола. Вскоре появился официант. Он ловко расставил на столе овощные салаты, соусы всех мастей и, наконец, перед каждой из нас аккуратно поставил по чугунной форме с еще продолжавшим готовиться содержимым. Он предупредительно погрозил пальцем, наглядно демонстрируя, что можно обжечься. Я поняла и немного отодвинулась от сковороды, в которой бурлили в кипящем соусе толстые креветки и кальмары. Меня окутало облако сладостного блаженства. Не имея сил больше ждать, я обмакнула кусочек хлеба в нежную маслянистую основу и откусила самый кончик, боясь обжечься. Вулкан ярчайших из всех известных мне до этого вкусов, собранных воедино умеренной остротой, навсегда завладел моим сердцем.

> Тонкий месяц, как серьга на ухе красавицы наложницы, раскачивался над нами, и миллионы мельчайших звезд блестели бриллиантовой россыпью на ночном небе Шиле.

Пора возвращаться в одинокую квартирку, которая теперь казалась мне совершенно крохотной.

– Нет-нет, – замотала головой Эмель, пригубив стаканчик с холодной ракы. Ее сладкий анисовый аромат щекотал в носу, напоминая лекарство от кашля, которым в детстве меня лечила мама. – Сегодня мы никуда не поедем.

Мы расплатились, и Эмель, захватив из машины огромный рюкзак, потянула меня вниз по косе, разрезавшей уставшее море. Там, среди десятков пришвартованных катерков и лодок, она выбрала очаровательное деревянное суденышко, застелила его мягким пледом и грациозно юркнула внутрь. Мы укрылись легким одеялом и, покачиваясь на бархатных волнах, еще долго любовались сапфировым небом.

– Мне никогда не было так хорошо, – сказала я.

– А я говорила, что ты не пожалеешь. – И она весело засмеялась – точно как ее неугомонные ребятишки. Лодка затряслась. – Учись постигать наш кейф, – уже серьезно добавила она и тихо засопела.

Что в этом во всем было кейфом? Спонтанное путешествие? Сказочная лагуна? Невероятно нежные креветки? Или эта дивная ночь в лодке при свете луны? Мне нестерпимо сильно захотелось увидеть Дипа, непременно привезти его сюда и точно так же провести с ним ночь в этой самой лодке, раскачиваясь в такт успокаивающей песни одинокого моря.

Рецепт

Каридес гювеч, или Креветки по-османски для тех,

кто впервые в Шиле (порция на двоих)

300 г очищенных сырых креветок (можно использовать замороженные)

4 зубчика чеснока

1 сладкий перец

1 перчик чили

Сок половинки лимона

1 столовая ложка томатной пасты

1 столовая ложка оливкового масла

0,5 столовой ложки сливочного или топленого масла

0,5 чайной ложки куркумы

1 чайная ложка паприки

Соль, сахар по вкусу

Приготовление креветок по-османски занимает минимум времени и в идеале проходит на глазах у тех, кому само блюдо предназначается. По-другому никак, потому что аромат этого горячего яства настолько восхитителен, что непременно соберет вокруг плиты всех домочадцев.

На тяжелой чугунной сковороде я нагреваю два вида масла. Их нежные текстуры медленно соединяются воедино, образуя невероятно прочный союз, именуемый «стамбульским поцелуем». Пропущенный через пресс чеснок отправляю туда же, следя за небольшим огнем, который нежно согревает днище сотейника, – чеснок не должен гореть, а всего лишь мягко томиться в золотистых пузырьках масла. Добавляю цвета куркумой и паприкой – теплые оттенки терракоты тут же начинают заигрывать с моим аппетитом. Насладившись первыми пряными нотками, забрасываю в сковороду нарезанные тонкими полукольцами два вида перца и немного томата. Соль и сахар – чтобы сбалансировать вкус. Не допуская вяления овощей (полосочки перца не должны потерять форму), закладываю мясистые креветки – они тут же розовеют, выпуская брызги ароматнейшего сока. Три-четыре минуты прекрасного томления – и остается только сбрызнуть терпким соком лимона и тут же приступать к дегустации. Теплая воздушная лепешка придется как нельзя кстати. И еще один секрет: никакой сервировки! Каридес гювеч нужно есть из посуды, в которой они готовились: утомительные перекладывания в холодный фарфор, равно как и разрезание креветок стальными приборами, непременно испортят блюдо, которое должно буквально шипеть озорными пузырьками у самого носа, а после разливаться блаженным теплом во рту.

Пера. 411-й номер свободен?

12 сентября, Стамбул

«Восточный экспресс» и аристократический профиль на фотографии. – Ежедневник, испорченный пролитым кофе. – Спасительные рогалики с маслинами. – Поезд-призрак на платформе вокзала Сиркеджи. – Проект Леонардо над Золотым Рогом. – Местный хот-дог с рыбой вместо сосиски. – Загадочная Пера и растворившийся в ней стамбульский кейф. – Деревянная табличка с номером «411». – Тайный ключ, о котором известно каждому. – Любимый десерт студентов и поцелуи под дождем.

Стамбульский вокзал Сиркеджи, расположенный в старой части бывшего Константинополя в окружении великолепных

соборов и дворцов, окутан едва ощутимым облаком утренней выпечки. Торговец симитами почти распродал первую партию, и я спешу к нему за последним золотым бубликом, одиноко лежащим в стеклянном аквариуме на больших колесах.

> Парочка привокзальных голубей смотрит на меня с упреком: не появись я так скоро, ароматный симит отправился бы прямиком в их прожорливые клювы.

Пройти мимо очаровательного здания железнодорожной станции, которое все на тот же французский манер называется «gar», вряд ли кому-то удастся. Созданное в 1890 году прусским архитектором, оно настолько пришлось по душе его коллегам, что те принялись создавать по его подобию вокзалы по всей Европе. Волна ориентализма[68] прокатилась от Стамбула до Парижа – равно как и блестящий состав новехонького «Восточного экспресса», что начал курсировать именно с этого вокзала, соединяя два противостоящих мира – Восток и Запад.

Из открытой двери потянуло дурманящим запахом утреннего кофе, и, словно завороженная, я направилась ко входу с вывеской «Oriental Express». Выбрав небольшой столик прямо на платформе, я погрузилась в атмосферу начала прошлого века. Я заказала чашечку тюрк кахвеси, достала ежедневник и принялась делать кое-какие записи: хотелось непременно запомнить все те неуловимые детали вокруг, которые так быстро стираются в девичьей памяти. Два официанта подозрительно ходили кругами, не покидая меня ни на минуту: они уже сменили одну белоснежную скатерть на другую, принесли пожухлую розочку в стакане, три раза справились о количестве сахара в кофе и теперь, казалось, начали отгонять назойливых мух, то и дело заглядывая через плечо в мой ежедневник.

– Вы пишете книгу? – наконец рискнул заговорить один из них. – Вы писательница?

Я улыбнулась такой реакции на потертый ежедневник с ручкой.

– Ну… Можно и так сказать.

Счастью их не было предела.

– А можно с вами сфотографироваться? – И тот, что посмелее, полез в карман за телефоном, искоса поглядывая на дверь, из которой мог показаться администратор. Было неловко отказывать, но и соглашаться на подобное предложение не очень хотелось.

– Я не думаю, что вам нужна моя фотография. Я совершенно незнаменита. – И я сделала безразличный вид, снова нырнув в свой блокнот.

– Нет-нет, вы ведь не знаете, что будет в будущем. У нас писателей уже было столько, что и не передать. Вон тот столик их самый любимый. – И они вполне убедительно указали мне на большой зал, в который я еще не успела заглянуть. Основное помещение ресторана было выполнено в старом классическом стиле. Стены были увешаны фотографиями тех самых писателей, которые хотя бы однажды захаживали сюда. Естественно, на самом почетном месте я разглядела аристократический профиль Агаты Кристи, о которой так много судачили в этом городе. Так вот где пила чай эта необычная женщина, дожидаясь отправления поезда, перед тем как занять роскошное купе в вагоне первого класса!

Я вспомнила милого знакомого Шади, который поведал мне тайну прадеда, и свое обещание помочь ему разобраться с ней. Прошло четыре месяца… Как же стремительно бежит время… Я обо всем забыла… Жизнь затягивала в водоворот событий, заключавшихся в решении школьных проблем, заправке автомобиля, вечных очередях в супермаркетах – и все это усложнялось еще постоянными стамбульскими пробками. Порой было проще не выйти из дома вовсе, чем застрять на битых три часа на каком-нибудь съезде-перекрестке-мосту.

Я, как всегда в таких случаях, начинала немного нервничать. Каждый раз, когда вспоминалось невыполненное дело, ком подкатывал к горлу, и становилось нестерпимо жаль времени, потраченного впустую. Не спасало даже то, что я находилась в городе, в котором опаздывать, не приходить на встречи и вообще периодически забывать обо всем – вполне хороший тон. Главное – чтобы все было в удовольствие.

Я вернулась за столик, где остывший кофе навевал тоску. За спиной раздался пронзительный свист – испугавшись, я дернулась и пролила остатки кофе на раскрытый ежедневник. Темное пятно медленно приближалось к аккуратным строчкам и, наконец добравшись до них, стало методично пожирать букву за буквой. Официанты бросились на помощь, изо всех сил промакивая салфетками уничтоженную страницу. Мне стало грустно: они так старались спасти написанное, предполагая, что это ценные строки будущего романа, а я всего лишь успела набросать список покупок в магазине к ужину. Все это еще больше обострило во мне чувство вины и обреченности, захотелось разреветься – и слезы одна за другой стали капать на накрахмаленную салфетку на коленях, которая, кстати, тоже была окончательно испорчена кофе.

– Вы плачете, как та писательница… – тихо произнес один из поклонников моего несуществующего творчества.

– Какая писательница?..

– Ну та… на фотографии… иностранка. Видели?

Я в недоумении пожала плечами.

– Когда она уезжала из Стамбула, каждый раз плакала. Так рассказывает наш босс. Его прадед видел ее, у него даже есть книга с ее автографом. Хотите позовем его?

Я покачала головой: мне ни с кем не хотелось разговаривать.

Когда плачут те, кто уезжает, это нормально. Но ведь я оставалась здесь. Я старательно приводила в чувство себя и свой ежедневник, которому пришлось повидать на своем веку немало приключений в виде опрокинутых чашек и вездесущих ручек младшей дочери, которые беззастенчиво вырывали его тонкие листы, а остальные покрывали кривыми сердечками и такими же домиками с дверьми, располагавшимися почему-то горизонтально.

В качестве милого комплимента друзья-официанты, которые перемещались всегда парой, поставили передо мной очаровательную фарфоровую сухарницу с крохотными рулетиками – каждый размером с мизинец. От них еще исходило тепло глубокой печи, из которой они, видимо, и попали прямо ко мне на стол.

– Zeytin Ezmeli Rulo![69] – радостно произнес официант, и мне показалось, что его рот наполнился слюной. Я знала, что отказываться нельзя, – и быстро откусила половинку одного рулетика. Нежная солоноватая начинка заставила меня встрепенуться и потянуться за вторым куском. Тут же подоспевший горячий чай пришелся как нельзя кстати. Меня снова спасала стамбульская любовь к чревоугодию, от которого бежать в этом городе было просто бессмысленно.

Рецепт

Рогалики с начинкой из маслин (обычно подаются на завтрак с черным чаем)

- ***100 г сливочного масла***
- ***200 мл густого йогурта***
- ***1 яйцо (белок – в тесто, желток – для смазывания)***
- ***2,5 стакана муки***
- ***1 чайная ложка разрыхлителя***
- ***1 чайная ложка куркумы***
- ***100 г перемолотых черных маслин (без косточек)***

• Черный или белый кунжут (для посыпки готовых рулетиков)

Рецепт невероятно прост и отнимает минимум времени, хотя на выходе дает домашнюю выпечку со сливочным запахом стамбульского утра.

В растопленное сливочное масло, которому нужно дать несколько минут, чтобы отдышаться и остыть, закладываю йогурт, яичный белок, куркуму и хорошенько взбиваю венчиком. Засыпаю муку с разрыхлителем и перехожу к ручному вымешиванию – любимая часть: от такого теста кожа на руках выглядит ухоженной, как после спа-процедуры.

Тесто быстро становится нежным и податливым – готовым исполнить любой мой каприз. Делю его на пять-шесть частей, каждую раскатываю в круг толщиной в один-два миллиметра. Круги разрезаю крест-накрест так, чтобы получилось четыре сектора. Выкладываю начинку в основание секторов и плотно сворачиваю в рулетик.

Оливковый наполнитель лучше приготовить заранее. Мясистые жирные оливки я перемалываю в блендере или рублю ножом, предварительно вытащив из них косточки. Готовую пасту по желанию можно сбрызнуть лимонным соком и приправить щепоткой сахара – вкус станет менее терпким.

Смазанные желтком и посыпанные кунжутом рулетики выпекаю примерно двадцать минут при температуре 180 °C.

За спиной снова раздался гудок – и, как стальной исполин, на соседний перрон ворвался отполированный до блеска поезд королевского синего цвета. Изящно притормаживая, он выпускал клубы пара или пыли – не знаю точно, но выглядело все это действо до того будоражаще, что у меня помутилось в глазах и я едва не подавилась оливковым рогаликом. Улыбающиеся стюарды в темно-лазурной форме, отороченной золотым позументом, казались галантными гостями из прошлого века. Как будто еще мгновение, и очаровательные дамы в шляпках начнут сходить с ажурной ступеньки вагонов первого класса, украшенных так хорошо знакомой мне эмблемой: витиеватая монограмма, увенчанная короной.

Был ли это случайный поезд-призрак, прорвавшийся сквозь беспощадное время, или беспечный наследник титулованного состава, который и поныне рассекал альпийские высоты, соединяя две точки на карте желаний человеческой жизни – Париж и Стамбул?

Я спешно завершила завтрак и устремилась туда, куда почти сто лет назад спешила та, чей профиль на черно-белой фотографии напомнил этим утром о данном обещании. Во что бы то ни стало я должна была его исполнить – и чем скорее, тем лучше. Я отправлялась в легендарный отель «Пера Палас», построенный для коронованных и просто знаменитых пассажиров незабвенного «Восточного экспресса» цвета глубокой лазури.

> С каждым спешным шагом отдалялся вокзал Сиркеджи, похожий на чарующий восточный замок с тончайшими часовыми башенками и невероятной готической розой, распустившейся витражными лепестками над главными воротами.

Она выбивалась на общем фоне фигурных окон, какие часто встречаются в традиционных мечетях, и все же была прекрасна.

* * *

Раскинувшийся впереди залив встретил меня сладковатым запахом свежей рыбы, что готовилась в небольших ресторанчиках прямо под Галатским мостом, опрокинувшимся двухэтажной конструкцией над Золотым Рогом. Этот мост был исконной мечтой многих султанов. Невероятный для того времени проект 300-метровой постройки разрабатывал не кто иной, как Леонардо да Винчи. Он был любителем таких головоломок и с радостью принялся за работу, однако османский правитель Баязид II побоялся вкладывать неоправданно большие деньги в сомнительный чертеж и завернул его. Сегодня письмо великого конструктора султану с описанием изобретения хранится в архиве Дворца Топкапы.

> И только в XIX веке задумка великого Леонардо осуществилась – понтонный мост перекинулся через темные воды глубокого залива, так напоминающего по форме закрученный рог строптивого быка.

Подходя к мосту, все чаще можно встретить прохожих с аппетитным «balık ekmegi»[70]. Это местный хот-дог, в котором вместо сосиски – запеченное на гриле филе скумбрии, которую рыбаки только что выловили в теплых водах Мраморного моря. Искусные повара быстро извлекают щипцами косточки – так что в хрустящей булке оказывается нежнейшее филе с дольками помидоров, огурцов, острого перца, щедро политых соком

лимона. Разыгравшийся у вод залива аппетит дразнит, завлекая под мост, где десятки ресторанчиков предлагают этот местный изыск, однако я спешу: впереди поднимается шпиль генуэзской Галаты, а это значит, что я уже близко.

Рецепт

Балык екмек под мостом Леонардо да Винчи

- ***Филе скумбрии (можно заменить любой другой рыбой – главное, чтобы без костей)***
- ***Свежий багет***
- ***1 помидор***
- ***1/2 красной луковицы (можно заменить репчатой)***
- ***Руккола или листья любого салата***
- ***Свежая мята***
- ***1/2 лимона***
- ***1 столовая ложка гранатового соуса***
- ***1 столовая ложка оливкового масла***
- ***Специи: по щепотке острого перца хлопьями, сушеного тимьяна***
- ***Соль***

Обычно к этому стрит-фуду в домашнем исполнении я прибегаю как к спасательному кругу для неожиданно наметившегося пикника. Он способен заменить сытный обед, не оставляя при этом чувства сожаления от съеденных «вредностей». Балык екмек невероятно полезен и в меру калориен – именно то, что нужно на природе. А вкус! Заядлый домосед начнет чаще выбираться на природу, если именно там предлагать ему приготовленную по-стамбульски «рыбу в булке». Проверено на подростке-интроверте.

ARRNAVUT

Филе рыбы, избавленное от кожи и костей, отправляю на смазанную оливковым маслом сковороду – немного соли-перца и три-четыре минуты на сильном огне для каждой стороны тушки. Можно воспользоваться грилем на свежем воздухе, но это условие можно рассматривать как совершенно необязательное.

Нарезанный тончайшими полукольцами лук предлагаю слегка замочить в соке лимона и оставить минут на десять отдышаться – за это время его покинет ненужная горечь. Рыба готова, и я приступаю к сборке цилиндрического сэндвича: в течение минуты слегка зарумяниваю багет – его длина должна соответствовать длине филе. Как только хлеб подпекся по бокам, закладываю в него лук, тонкие пластины помидора, зелень рукколы и мяты, приправляя их специями и солью. Сверху ложится сочное филе, которое нужно подсластить терпким гранатовым соусом. И снова овощи с зеленью. Любители острого, как я, непременно положат в хрустящий багет колечки острого перца – его обжигающий вкус так приятно дразнит разгорающийся на природе аппетит.

Район Пера невозможно не любить. Туристы, прозябающие в очередях к отполированным достопримечательностям, лишены невероятного ощущения, которое дарит именно это место.

Пера открывает настоящий Стамбул, захватывающий и покоряющий, загадочный и великолепный.

Хотя места эти начали заселять много тысяч лет назад, сегодня они поражают модерновым шармом начала XX века. Округ Пера, когда-то переданный султаном в управление венецианцам, сегодня почти утратил свой средневековый облик. И если бы не старейшая Галата (XIV век), работающая до сих пор Императорская школа (XV век), великолепный дворец семейства Гритти и множество роскошных домов европейской знати минувших столетий, я бы никогда не определила столь зрелый возраст этого места, так легко растворившийся в изысканных фасадах построек начала XX века.

> Пропитанные элегантностью улицы хранят верность дорогим экипажам и меховым манто, шелковым подолам полупрозрачных платьев и лайковым подошвам лишь единожды надевавшихся туфель. Здесь франтил высший свет, съезжавшийся в поисках пресловутого стамбульского кейфа – дерзкого и пьянящего.

Чугунные остовы высоких фонарей, увитых коваными лилиями, до сих пор освещают мостовые дрожащим светом, будто внутри них не электрические лампочки, а газовые фитили. Пороги старых отелей, протертые до седой древесины, все еще ожидают скрипучих лакированных мужских туфель и атласных ботиночек на миниатюрной ножке. Портьеры в таких заведениях пыльно-сиреневых тонов, чтобы лучше сочетаться с декадентскими нарядами апатичных дам, так легко приходящих в восторг от игры в бридж и на фортепьяно. Весь этот мир, сомкнутый стройными рядами великолепных зданий, преданно ожидает возрождения славных времен, когда из окон звучал шуршащий фокстрот из деккавского[71] патефона и влюбленные пары скользили по натертому паркету.

Фойе отеля «Пера Палас» поражает своей изысканной винтажностью. Я чувствую себя в антикварном салоне, провожу рукой по темному дереву стойки, за которой улыбчивый администратор готов рассыпаться в выгодных предложениях. Хрустальные люстры, витражи, кожаная мебель… Эта очаровательная старомодность ужасно идет некоторым зданиям, и «Пера Палас» не исключение.

> Легкий запах турецкого кофе, смешанный с пыльцой воздушного лукума, оставляет пудровое послевкусие на губах, и я решаюсь остаться здесь ненадолго,

а заодно и прояснить несколько вопросов. Расслабленные постояльцы нежатся в уютных креслах, наслаждаясь едва

уловимыми переливами «Турецкого марша». Сгорбленный пианист безразлично нажимает на клавиши, напоминая тапера времен братьев Люмьер. Он слишком спокойно держится в этом шумном мире дорогих чемоданов и капризных гостей, отчего кажется, что этот человек состарился именно здесь, под звуки собственного монотонного бренчания. Его белоснежный хохолок подергивается на крещендо – и я понимаю, что третья часть сонаты «Rondo alla turca»[72] близится к завершению, и подсаживаюсь поближе.

– Вы тоже играете? – спрашивает он, замечая мою показную заинтересованность.

– Немного… Но не на публике. Вы давно играете здесь?

– О! Можно сказать, с детства. Мой отец устроился швейцаром сразу после Второй мировой и изредка приводил меня сюда ребенком. Этот рояль стоял на этом же месте и тогда. На нем я тихонько бренчал, пока никто не видел. А после обучился и стал захаживать вечерами. Зарплату не платили, но мне хватало даже чаевых. Они здесь были не такими уж и плохими… Вы, верно, знаете, кто здесь останавливался?

Я мысленно благодарю музыканта за его преклонный возраст, который делает людей такими разговорчивыми. Мне нравилось слушать спокойный рассказ старого пианиста – легкий, как и его музыка. Зеленые глаза, прятавшиеся под длинными серыми бровями, казались много моложе его самого, и я старалась смотреть только в них. Я представляла себе, что между нами не такой большой временной разрыв, и поэтому было не так неловко впутывать этого милого человека в мое скромное расследование.

– Вы не знаете, в каком номере на самом деле жила Агата Кристи?

Тапер усмехнулся, как будто этот вопрос задавали ему сегодня как минимум десять раз.

– Как не знать? Это все знают. – И он махнул рукой парню за стойкой. Тот мгновенно отреагировал и через пару секунд стоял, приставив ухо к малоподвижным старческим губам. – Покажи ей, – по-доброму сказал пианист. – Хочет дочка посмотреть этот номер. Почему не разрешить?

Молодой администратор оглядел меня с ног до головы, после чего, поджав губы, кивнул в сторону лестничного пролета. Я снова ощутила дребезжащие колокольчики внутри, предвещавшие очередное стамбульское приключение. В этом городе постоянно случалась магия, возникавшая при сочетании всего трех элементов: правильного места, правильного времени и огромного желания.

Ахмет, чье имя я прочитала на золоченой полоске на груди, вел себя строго и независимо. Было видно, что поручение старого

пианиста его озадачило, однако по неизвестной мне причине он не мог или не хотел его ослушаться. Мы быстро миновали один пролет за другим, пока, наконец, не оказались у деревянной двери с табличкой «411».

> Дверь скрипнула – и я едва сдерживала себя, чтобы не выдать восторг слишком глубоким вдохом или, что еще хуже, вскриком.

Чрезмерная эмоциональность, мешавшая мне всю жизнь, трепетала в груди, не давая сосредоточиться. Я не знала, сколько времени мне позволено находиться в этой обители, и поэтому старалась спешно рассмотреть детали, которые, как назло, расплывались перед глазами. Так, после десятиминутного изучения комнаты я едва могла сказать, что видела в ней. Ахмет недовольно поглядывал то на часы, то на меня и нервно стучал каблуком.

– Простите, что вынуждены быть здесь из-за меня… – я попыталась объяснить, что ему не за что волноваться. – Я обещала помочь одному другу. Он всю жизнь пытается разгадать тайну этой комнаты…

– Тайну с ключом, что ли? – оживился Ахмет на чистом английском: видимо, мой турецкий слегка напрягал его. Его осведомленность меня испугала и обрадовала одновременно.

– Так вы знаете про ключ?

– А кто же про него не знает? Здесь таких, как вы, много ходит…

– И что все они хотят? – было немного обидно из-за того, что меня сравнили с толпой неизвестных мне людей.

– Хотят того же, чего и вы, – разгадать тайну великой Агаты, которая на нашу голову жила в этом отеле. Все ищут ключ! Многие приходят уже с ним и начинают искать скважину, в которую его можно вставить. – И он засмеялся. Это действительно звучало нелепо. И еще более нелепо выглядела я, поверившая в историю обаятельного Шади. Я смотрела на прелестный вид, открывавшийся из окна просторного номера, и представляла, как на этом же месте стояла когда-то одна из талантливейших женщин и обдумывала замысловатые сюжеты своих детективов. Мне же в голову лезли глупости про крикливую чайку за окном, кривую крышу здания напротив и бойкого паренька, чистящего обувь прохожим на противоположной стороне улицы.

– Значит, все это глупости… Простите, что отвлекала вас… Возможно, Агата Кристи никогда даже не жила в этом номере.

– Она жила в разных номерах, – признался Ахмет. – Но, возможно, этот ей нравился больше остальных. Ведь именно в

нем она написала «Убийство в Восточном экспрессе».

– Вы говорите сейчас как экскурсовод, и я вам не верю. Это сплошной пиар. А я хотела узнать правду. И, возможно, найти ту самую скважину для ключа.

– А у вас есть ключ? – с улыбкой поинтересовался Ахмет.

– У меня нет, но у моего знакомого есть. Его прадедушка знал Агату, понимаете? Они дружили, и ключ она оставила именно для него.

– Почему же она тогда не сказала ему, от чего именно этот ключ? Не странный ли поступок для такой скрупулезной дамы, как Агата? Она придумывала сложнейшие детективные схемы, а тут запутала всё на сто лет вперед…

Я не дала ему договорить. И как мне это раньше не приходило в голову?

– А что, если нет никакого замка для ключа? Вдруг ключ – это и есть ее посыл, вечный поиск, детектив…

Мне нужно было хорошенько обдумать эту идею.

В это время Ахмет распахивал с трудом поддающееся французское окно, которое выходило на совершенно очаровательный балкончик с изящными коваными стульями и столом.

– Я вас угощу любимым кофе Агаты Кристи.

– А вы знаете, какой кофе она любила?

– Ну… Вообще-то она пила чай с молоком, но кофе дороже, поэтому мы включили в меню именно его в качестве любимого напитка великой писательницы.

Оказавшись снова в фойе, я подошла к уставшему пианисту – развалившись в кожаном кресле, он аккуратно держал в длинных безжизненных пальцах стаканчик с чаем и звучно отхлебывал по глотку.

– Ну что, показал внучок то, что хотела?

– Ахмет ваш внук? – удивилась я.

Старик довольно закивал головой, и стало ясно, в чем была причина безропотного послушания администратора. Перед тем как попрощаться, я решила напоследок еще раз задать вопрос, до сих пор волновавший меня:

– А вам тоже кажется, что нет никакой тайны с ключом?

– Почему же нет? – искренне удивился старик. – Тайна есть всегда и везде. Вот ты побывала сегодня в номере 411, и это тоже тайна. Женщины – мастерицы создавать загадки вокруг себя. Но не все из них стоит разгадывать…

– Почему же не стоит?

– А потому что разгадок просто нет. Тайна хороша, пока она

таинственна, а стоит узнать правду, и все… Никому после этого неинтересно.

Приветливые улицы Перы распахивали передо мной объятия обтекаемыми формами высоких зданий, украшенных настолько тонкой лепниной на фасадах, что начинала кружиться голова. Каменные стебли экзотических растений вились по стенам жилых домов, сплетая крупные венки из цветов под самой крышей. Могучие атланты мужественно поддерживали классические портики, и, будто вторя им, изящные кариатиды – образец античной красоты – держали на склоненных головках кружевные балконы. Жемчужно-серые, пыльно-голубые оттенки фасадов обволакивали прохожих легкой дымкой очарования, и, сраженные этой художественной пастелью, те укрывались в просторных залах уличных кафе или рассаживались за изогнутыми столиками у высоких витрин, украшенных размашистыми надписями названий заведений.

Я нашла телефонный номер Шади и собиралась позвонить ему, чтобы рассказать о номере 411 в «Пера Палас», но передумала и написала: «Любая женщина способна дурачить мужчину, если она этого желает и если он в нее влюблен». Это была одна из моих любимых цитат великой писательницы, и мне казалось, что она, как никакие другие слова, способна передать мои мысли. Ответ Шади пришел незамедлительно. Он прислал обратную сторону фотографии, которую показал мне при встрече. Аккуратным тонким почерком на пожелтевшем листе было выведено чернилами:

Any woman can fool a man if she wants to and if he's in love with her. A.C.[73]

После мы долго говорили по телефону: о романах, женщинах, отелях и замочных скважинах. Детектив, придуманный неповторимой Агатой на берегу Босфора, нам удалось дочитать до конца, добравшись до совершенно очевидной развязки:

> «В девяноста девяти случаев женщины ведут себя как дуры, но на сотый оказываются хитрее мужчин»[74].

Довольная собой, я направилась в ближайшее кафе, чтобы насладиться чашкой полуденного кофе и яркими воспоминаниями об очередном незабываемом утре в ни с чем не сравнимом городе.

Стамбул продолжал проказничать, поливая мощеные

улицы теплым дождем – он загоняет гуляющие парочки под широкие мезонины и в темные парадные, в которых так сладки первые поцелуи и тихое признание шепотом.

Наслаждаясь густым кофе и любимым десертом стамбульских студентов mozaik pasta[75], я осознала, как права была великая Агата, говорившая, что жизнь не настолько длинна, чтобы скучать… Веселая компания молодых людей за соседним столиком громко обсуждала выставку современного искусства, что проходила в соседнем здании, и периодически взрывалась смехом. Хотелось к ним… или в те времена, когда и я так же могла беззаботно упиваться собственной молодостью, наслаждаться любым количеством десертов и ни на секунду не задумываться о калориях и каких-то там пяти лишних килограммах…

Рецепт

Мозаик паста без выпекания (любимый десерт стамбульских студентов)

Этот шоколадный торт можно встретить на каждом шагу в городе на Босфоре. Его подают традиционные кофейни, открытые несколько веков назад; шумные бары, распахивающие двери после захода солнца; на тесных фуд-кортах торговых центров и в дорогих ресторанах при свечах. Мозаик паста (ударение непременно на последний слог – помните сходство с французским?) намного популярнее пахлавы и лукума, хотя незаслуженно редко упоминается в кулинарных книгах. Мы с Дипом быстро пристрастились к этому десерту – и вскоре ни одна чашечка кофе не обходилась без нескольких кусочков «мозаичного» чуда, которое лично мне каждый раз напоминает любимый вкус «шоколадной колбасы» из детства.

• 400 г песочного печенья из магазина (лучше выбирать не самое сладкое)

• 1 стакан очищенных грецких орехов (можно заменить любыми)

• 1 стакан молока

• 3 столовые ложки сливочного масла

• 3 столовые ложки какао

• 5 столовых ложек сахара

• *1 чайная ложка ванилина*

О, если бы все десерты готовились так просто!

Захожу на кухню за два-три часа до предполагаемой подачи торта. Причем почти все это время десерт проведет в морозильной камере, не требуя никакого участия с моей стороны. Растапливаю сливочное масло в сотейнике. Как только появляется пушистая пенка, засыпаю какао с сахаром и ванилью – при высокой температуре шоколадный порошок полностью раскроет свой бодрящий аромат, на который обычно сразу же сбегаются дети. Главное – поскорее отправить их из кухни, иначе десерт может быть съеден до того, как будет готов.

Одна минута томления на плите – и можно снимать с огня. В горячую тянущуюся массу заливаю молоко и хорошенько вымешиваю.

Поломанное на средние кусочки печенье (размером примерно 1–2 см) и рубленные ножом орехи закладываю в молочно-шоколадную смесь. Можно воспользоваться ложкой, силиконовой лопаткой и даже руками – главное, соединить две основы и добиться того, чтобы печенье было полностью покрыто невероятно ароматным ганашем из какао.

Дальше – проще! Выкладываю густую массу на пищевую пленку и формирую рулет треугольной формы со сторонами примерно 10 см. Эту геометрическую конструкцию аккуратно перекладываю в морозильник – через 2–3 часа рулет можно разрезать на ломтики и подавать к горячему чаю или турецкому кофе в крохотных фарфоровых чашках.

Три беды стамбульских мужчин, или Что думают о них стамбульские женщины

28 сентября

Конкуренция между парикмахерской и мясной лавкой. – Священная роль куафера в квартале. – Короткая стрижка феминистки Зейнеп. – Обязательный атрибут успешной стамбульской женщины. – Безвкусные фрески и мухи на кефте. – Закуска хайдари на толстом куске свежего хлеба. – О погоде, пробках и … – Стакан ракы для взволнованного посетителя локанты. – Баранина с портулаком и казан из старинного чугуна. – О двадцати одном очень важном антропологическом открытии.

Я быстро добралась до района Этилер, зеленые улицы которого утопали в зарослях инжировых деревьев, окутывавших прохожих нежнейшим ароматом медовых плодов. Сентябрьское солнце нежно пропекало их сладкую мякоть, отчего она становилась еще более желейно-сахарной.

> Из небольшой локанты доносился домашний запах ранних обедов: крупный мужчина в переднике смахивал тряпкой пыль с клееночных скатертей у входа, аккуратно обходя вальяжно развалившихся на стульях кошек.

Такая обходительность всегда вызывала улыбку, и на этот раз я не удержалась. Завидев мое довольное лицо, официант начал активно предлагать десятки супов и котлет, буквально не давая прохода. Я бросила взгляд на экран телефона: карта уверяла, что я прибыла в пункт назначения. Я искала небольшую парикмахерскую, хотя и от небольшого перекуса не отказалась бы. Однако опаздывать было не в моих правилах, и я адресовала вопрос тому же человеку с тряпкой:

– Pardon, barber salonu burada varmı?[76]

Колоритный официант, который оказался хозяином локанты, расцвел в улыбке, скрывавшейся под густой растительностью на лице, – и лишь по подскочившим вверх бровям можно было догадаться о том, что он улыбается.

– Var! Var![77] Проходи! – и он указал на дверь, находившуюся всего в метре от входа в ресторанчик. И как я ее раньше не заметила? Зайдя внутрь, я с минуту пыталась сфокусироваться на предметах, которые, будто в темной дымке, прятались от меня после ослепляющей прогулки под солнцем. Прошла минута – и очертания небольшого помещения, будто вырванного из двадцатых годов прошлого века, начали вырисовываться четче. Я решила, что это удачная стилизация. Единственный парикмахер, которого я заметила, был занят бритьем важного клиента, и оттого лишь кивком головы указал мне на стул в темном углу. И я безропотно повиновалась, предвкушая очередное приключение – на этот раз в настоящей куаферной, в которую я так давно мечтала попасть, но не решалась.

> Эти крохотные заведения, щедро разбросанные по карте Стамбула, мало похожи на салоны в привычном понимании этого слова. Будто важнейшие узлы национального значения, они играют едва ли не ведущую роль в жизни квартала – после мясной лавки, конечно же.

Хотя я бы с этим все же поспорила.

Куафер в Стамбуле – первое лицо. К нему приходят на исповедь загулявшие отцы семейств, воспринимающие бритье как акт очищения, после которого можно смело возвращаться в лоно домашнего очага; сюда заглядывают за банальным советом, ведь именно куафер знает, что, где и почем: к нему, будто в штаб, стекается самая свежая информация со всех уголков страны, поэтому все денежные ставки (будь то выборы президента или ежегодные скачки на ипподроме Вели Эфенди) делаются тоже здесь; в цирюльне, наконец, можно выпить обжигающий крепкий кофе практически даром и, раз уж вы сюда попали, подровнять усы и обсудить последние мировые новости. Парикмахеры при этом полностью осознают всю важность возложенной на них миссии, и поэтому особое выражение высокого статуса и избранности редко покидает их гладко выбритые лица.

Хакан-бей, который успешно справлялся с непростыми функциями куафера в этом скромном салоне, был статным мужчиной лет сорока, с подтянутым торсом, однако хорошо выдающимся животом, что легко объяснялось неплохой локантой за стенкой. Его заведение мало чем отличалось от всех остальных, в которые я частенько заглядывала по ошибке, путаясь в десятках дверей, пронизывавших типичную малоэтажную застройку города.

Важный посетитель, которого со всем профессионализмом обхаживал куафер, едва слышно покряхтывал от удовольствия, чем вдохновлял старательного Хакан-бея на более сложные трюки: тот мастерски крутил его голову и уши, как на приеме у остеопата, похлопывал ребрами ладоней по затылку и так и норовил промассажировать спину. Безмолвный подмастерье крутился тут же, подавая горячие стаканы с чаем и бережно собирая состриженные волоски. Босс хмыкал на всякое телодвижение ассистента и недовольно поднимал брови, отчего парнишка крутился еще быстрее, вызывая одобрительные кивки двух старичков, сидевших у противоположной стены. Стаканчики в форме тюльпана наполнялись янтарным напитком каждую минуту – так что чайник работал без перерыва, выпуская густые клубы пара.

Посетители сменяли друг друга, подставляя свои колючие подбородки умелому цирюльнику, который так виртуозно работал острейшей бритвой, словно был рожден с ней в руках. Телевизор транслировал футбольный матч, в ответственные моменты которого все замирали и устремляли головы к экрану. Если же голу не суждено было состояться, разочарованно выдыхали и продолжали заниматься каждый своим делом:

старики у стенки читали газеты и пили бесплатный чай, ожидая своей очереди; клиент похрапывал в кресле, а неугомонный куафер продолжал свою неистовую пляску вокруг кресла, напоминавшую некий ритуальный танец. Все выглядело довольно эксцентрично.

Я внимательно наблюдала за происходившим, почти невидимая в своем темном углу. В какой-то момент мне показалось, что обо мне забыли, хотя я была даже рада этому, потому что все меньше понимала, зачем моя новая подруга Зейнеп так рьяно советовала это место.

Зейнеп преподавала в Стамбульском университете философию и пару раз консультировала меня для нескольких статей. У нее была радикально короткая стрижка, что редкость в городе, где длинные женские локоны считаются культом. При первой же встрече меня это удивило, но спустя минуту я уже слушала лекцию о феминизме и превосходной Латифе[78], которая вот уже столетие служила примером независимым женщинам Турции. Мне нравилась красноречивая категоричность Зейнеп, и я могла часами слушать ее порой наивные размышления о равенстве полов и заговоре мужчин. И вот я позволила ей уговорить себя записаться в ее излюбленный салон высочайшего класса. Она уверяла, что именно в нем меня превратят в настоящую женщину (надеюсь, она не имела в виду стрижку а-ля гарсон).

Я вспомнила, как в первые дни пребывания в Стамбуле познакомилась на завтраке в отеле с роскошной блондинкой.

– Ты хочешь знать, что такое Стамбул? – задумчиво спросила она. – Стамбул – это лучшие парикмахеры в мире. Я прилетаю каждый месяц сюда из Нью-Йорка, чтобы подправить челку и обновить цвет.

Дюжину раз в год пересекать Атлантику ради челки – серьезный аргумент в пользу местных куаферов, и я поддалась на уговоры Зейнеп, однако вместо роскошного салона оказалась в затрапезной цирюльне, которая походила на декорации к второсортному турецкому сериалу, что снимаются на задворках квартала Кузгунджук в азиатской части Стамбула.

Лезвие быстро скользило по белой пене на щеках клиента, который успел выспаться и теперь растерянно хлопал глазами, пытаясь восстановить ход событий этого утра. В дверь заглянули еще двое представителей группы «кому за 60», и я схватилась за телефон, чтобы написать Зейнеп. Мне нужен был совет, как

потактичней улизнуть из этого места.

СМС-переписка:

Я: *Мне кажется, я здесь не постригусь. Это похоже на затрапезный мужской салон.*

Зейнеп: *Ты уверена? Сбрось локацию.*

Через минуту.

Зейнеп: *Жди там. Скоро буду.*

Еще через минуту.

Зейнеп: ☺.

Я ждала и чувствовала себя белой вороной в этом странном мире блестящих шаветок и терпких ноток дешевого одеколона. В двери появился уже знакомый мне хозяин локанты: он грациозно пронес через довольно узкую дверь широченный поднос (вопреки известным мне законам геометрии!), заставленный тарелками с ароматными кефте[79] и похлебками, которые еще недавно предлагал отведать мне в своем заведении. Все приступили к обеду: сам куафер, его робкий подмастерье и ленивый кот, проспавший полдня под раковиной. Я же аккуратно выскользнула за дверь, испытывая ужасную неловкость из-за того, что так нелепо провела этот час.

С минуту я потопталась на месте, решая, чем бы себя занять в ожидании подруги. В это время резвый миникупер лихо пронесся мимо и, амбициозно взвизгнув, остановился у моего внедорожника, который рядом с ним казался великаном. И как я только вписывалась на нем в узкие повороты?

Зейнеп, раскрасневшаяся и нечесаная (как истинная феминистка, она пренебрегала расческами и эпиляцией), выскочила из машины и широким шагом направилась в мою сторону. Сумка «Шанель» – обязательный атрибут успешной стамбульской женщины – болталась у нее на плече.

– Ты что здесь делаешь, дорогая? – и она трижды поцеловала меня, даже не дотронувшись до моих щек.

Вопрос был более чем странным, учитывая, что именно она отправила меня в это место.

– Мой салон – на другой стороне этого дома. Ты не могла обойти его?

Я чувствовала себя неудачницей, не разобравшейся в карте, и оттого с негодованием воззрилась на бородатого работника локанты с тряпкой, который так легко сбил меня с толку и указал не на ту дверь.

– В любом случае уже поздно, так что давай пообедаем, – и мы проследовали в простенькое, но невероятно милое заведение, из которого доносились умопомрачительные запахи свежей

зелени и мясного рагу. Подруга шепнула что-то хозяину, краем глаза указывая на меня, – и нас посадили за столик в тени инжирного дерева, который прежде несколько раз протерли все той же тряпкой и опрыскали пахучим антисептиком. Я знала, что Зейнеп представила меня иностранкой, пишущей статьи о турецкой кухне: она делала так каждый раз, когда мы обедали вместе. Мне это не нравилось, но разве могла я сказать об этом стамбульской женщине? В любом случае я не собиралась возвращаться в это место, поэтому ее россказни меня не очень волновали. Я с интересом рассматривала безвкусные фрески бесталанного художника на стенах и мимоходом подсчитывала, сколько мух успело посидеть на кефте, которые только вынесли из кухни.

Стамбульцы уверены: чем проще место, тем вкуснее еда.

В тот день был неплохой шанс проверить это суждение, и я принялась искать меню, которого, конечно, здесь не было и быть не могло.

– Просто скажи, чего тебе хочется, и они принесут.
– Все, что захочу?
– Все, что готовят турецкие женщины у себя на кухне.

Зейнеп заказала несколько блюд на свое усмотрение, и мы принялись ждать, смеясь над моей рассеянностью. Особенно веселило Зейнеп то, как много времени мне понадобилось на то, чтобы распознать ошибку. Мне было это неприятно, но я мужественно сносила ее громкие восклицания «Oha!», которые можно переводить по-разному, но в данном случае они означали «Ну, ты, мать, даешь!».

Тучный официант с гордостью вертелся вокруг простенькой сервировки, будто его заведение претендовало на звезду гида Мишлен, а я была взыскательным критиком в этой постановке. Он придвинул вплотную ко мне салатницу с белоснежной закуской хайдари. Запах свежей зелени ударил в нос, и я задышала спокойней, предвкушая намечающийся гастрономический тур в волшебный мир домашней кухни.

Рецепт

Закуска «Хайдари» по рецепту веселого хозяина локанты

• 400 г густого йогурта (сюзьме)
• 2 чайные ложки сушеной мяты
• 2 зубчика чеснока
• 2 столовые ложки оливкового масла
• Свежая зелень (кинза или укроп) по желанию
• Полстакана мелко рубленных грецких орехов
• Сладкая паприка
• Соль и сахар по вкусу
• Щепотка сумаха

Блюдо готовится быстро и съедается непременно свежим. Это невероятный соус, который можно выкладывать на запеченные овощи, сдабривать им наваристые супы или просто намазывать толстым слоем на белый хлеб.

За несколько минут до подачи я добавляю в йогурт все ингредиенты, за исключением оливкового масла, и тщательно перемешиваю. Стамбульцы чаще выкладывают эту закуску на длинное продолговатое блюдо, сверху украшают несколькими грецкими орехами, поливают изумрудным маслом и в самом конце посыпают щепоткой слегка вяжущего сумаха: словно гранатовая пыльца, он нежным бархатом ложится на белоснежную шапку пышного соуса. «Одна ложка хайдари – и можно считать, что обед удался» – так говорят в этом городе, и это очень похоже на правду!

– Мы любим вкусно поесть, – признался хозяин заведения, радуясь блаженной улыбке, разлившейся по моему лицу.

– Да вы вообще вкусно живете, – с укором добавила Зейнеп: она недолюбливала мужчин и никогда не упускала возможности напомнить себе и окружающим об этом. Старичок за соседним столиком с трудом пережевывал молотое мясо, едва справляясь со вставной челюстью, которая так и норовила выпасть наружу. Мне не хотелось становиться свидетелем стоматологического казуса, и я повернулась к Зейнеп, которая уже приступила к горячему. Она старательно нарезала ломти баранины, утопающие в зелени нежнейшего портулака. И как здесь только придумывают такие невероятные сочетания?

Я давно приметила эту ползучую траву, горы которой продавались на местных рынках за пару лир и несколько курушей. Привередливые хозяйки подолгу выбирали пучки с мясистыми листьями, пробовали их на зуб и, морщась от кисловатого привкуса, покупали охапку, которую с трудом умещали в заполненные покупками пакеты. В Стамбуле эту

зелень называют Semizotu[80] из-за легкого маслянистого налета, который она оставляет на языке, и в сезон добавляют в невероятных количествах в салаты и блюда из мяса.

Зейнеп смаковала нежные стебли портулака, которые виртуозно выуживала из соуса и тут же отправляла себе в рот. Я решила сегодня же сходить на базар и запастись гигантским пучком этого полезного сорняка – ведь именно так его воспринимали в Европе на протяжении долгого времени. Услужливый хозяин локанты то и дело пробегал мимо, чтобы донести соль, перец, а то и просто взглянуть на наши блаженные лица. Тогда-то я и улучила минуту, чтобы узнать рецепт зеленого рагу.

Зейнеп немедленно взвилась, словно ее ужалила пролетавшая мимо муха (я знаю, что мухи не жалят).

– Ты никогда не спрашиваешь меня ни о каких рецептах! Это потому, что я женщина?

Ее претензия казалась нелогичной: кого как не шефа ресторана экзаменовать на тему ингредиентов турецких блюд? Тем более наша дружба обходила стороной ее кухню, так что мне даже в голову не приходило, что она умеет что-то готовить. Более того, я прекрасно знала, что ее мобильник забит приложениями по доставке еды, поставлявшими ей пиццы размера XL и наборы жареных суши. Я даже не была уверена, что у нее дома была кухня! Однако Зейнеп пристально глядела на меня, требуя объяснений.

Хозяин локанты громко вздохнул:

– У стамбульских мужчин есть всего три беды: погода, пробки и наши женщины. Аллах-Аллах! Таких капризных женщин ты нигде больше не найдешь!

Я с ужасом воззрилась на Зейнеп, которая, звонко щелкнув языком, заявила:

– А как еще вести себя женщинам, если мужчины у нас как маленькие мальчики?! Держатся за материнскую юбку до сорока лет! «Anne[81], можно я с друзьями выйду? Anne, можно я женюсь?» Смотреть стыдно!

Я вспомнила, как моя сестра, гостившая у нас не так давно, жаловалась после первой вылазки в клуб. Тем утром я приводила ее в чувство после бессонной ночи крепким кофе и сырной ачмой, она же со знанием дела делилась со мной удивительным открытием о стамбульских парнях:

– Да они же типичные итальянцы! Мама, паста и футбол – только пасту замени на… Кстати, что они любят есть?

Я не знала, что любят есть стамбульские мужчины больше

всего, но прозорливость сестры меня поразила. Она зрила в корень, и подтверждение ее мыслям я встречала буквально на каждом шагу. Я наблюдала за стамбульцами везде и всюду: у кассы в супермаркете, на приеме у стоматолога, на пляже и на концертах в школьном актовом зале; я следила за ними в ресторанах и просто на шумных улицах города, чем вызывала приступы ревности у Дипа, который отказывался понимать мой профессиональный интерес к красивым бородачам.

Мама, футбол и дети – вот что составляло счастье для большинства стамбульских мужчин: по крайней мере, это правило работало по отношению к соседям по этажу, коллегам Дипа и мужьям всех моих подруг и знакомых в этом городе. Конечно, список составляющих счастья можно было бы пополнить кошками, едой, красивой одеждой и идеальными стрижками, но основная тройка все же была незыблема.

Будто в подтверждение этой мысли телевизор, висевший в углу зала, странно завибрировал. Я только сейчас поняла, что именно он все это время создавал раздражающий фон истеричным голосом эмоционального комментатора футбольного матча. Трибуны стадиона на экране взревели: «Галатасарай» забил гол «Фенербахче»[82]. Потрясенный шеф-повар влетел, размахивая полотенцем, – он трясся от счастья, скандируя непонятные мне речевки. Словно дети, все здоровяки, включая неожиданно взбодрившегося старика со вставной челюстью, скакали по залу, целовались и желали друг другу долгих лет жизни. Определенно, они были счастливы, несмотря на серьезные препятствия в виде погоды, трафика и женщин.

Я знала, что сегодня вечером все они соберутся в небольших уютных квартирках и будут долго рассказывать о тяготах рабочего дня. Позже они сядут за большой стол и насладятся вкуснейшим ужином, приготовленным пожилой мамой и капризной невесткой. Муж будет нянчиться с детьми, а после все устроятся поудобней в мягкий креслах и приступят к самому любимому занятию стамбульских семей – просмотру нескончаемых сериалов, от которых оторваться практически невозможно.

> Семейная идиллия – неотъемлемая часть этого загадочного города, в котором все вращается вокруг вместительных столовых и уютных кухонь.

И только с восходом солнца новый день рассредоточивает этих людей по разным уголкам города: вечно ворчащие свекрови расходятся по базарам, чтобы купить свежую зелень и домашнюю

курицу; седовласые деды отправляются к приветливым куаферам, дабы обсудить последние новости, – одним словом, все коротают день, чтобы вечером вновь объединиться за теплым семейным ужином, ценнее которого ничего в этом городе нет. Если кто-то однажды вздумает прогуляться по ночным улочкам спальных районов, непременно отметит одну милую особенность: из распахнутых настежь окон будет литься заливистый детский смех, прерываемый строгими окриками уставших матерей, и только отцы будут с восхищением любоваться своими отпрысками, как бы те ни проказничали.

Зейнеп заканчивала свое рагу и монотонно выкладывала всю подноготную о противоположном поле.

– Не верь ни одному их слову, иначе тут же окажешься в западне, в которую так часто попадают ваши девушки на наших курортах.

Мне всегда казалось, что наши девушки, если о них уж зашла речь, и сами были не против курортных романов со смуглыми анатолийскими мачо, но дипломатично промолчала – в отличие от старичка за соседним столиком, который, совладав с зубами, не выдержал и воскликнул «Oha!», что в его устах означало «тысяча чертей!» и ничего более.

– Я любил мою покойную жену больше жизни, – взволнованно начал он. – Но эту самую жизнь она отравляла мне каждый день своим скверным характером. Наши будни – сплошной стресс! С утра до ночи мы выживаем, а ночью во сне вздрагиваем от страха перед следующим днем. И так постоянно! – и он потребовал стаканчик холодной ракы, чтобы восстановить дыхание.

В моей памяти всплыли веселые компании мужчин: они часами томно прогуливались в зеленых парках; бесконечно долго болтали ни о чем за чашкой кофе утром, днем и вечером; сидели в куаферных, подправляя остроконечные бороды и подкручивая кверху усы; обедали в локантах, а после играли в нарды в тени развесистых платанов и наслаждались хрустящими гёзлеме и локмой… С первого дня в этом городе я пребывала в твердой уверенности, что именно здесь мужчины, как истинные наследники султанов, наделены максимумом привилегий и ведут весьма блаженный образ жизни. И тут такой поворот!

Когда мы вышли, начал накрапывать дождь, и Зейнеп выдала несколько крепких словечек по поводу стамбульской погоды:

– Как будто женщин эта погода не касается! Никогда не знаешь, что надеть!

В Стамбуле погода меняется в день по пять раз!

И это было истинной правдой. Порой я доходила до исступления, гуляя с Амкой по холмистому городу: ведь каждые десять минут погода менялась до неузнаваемости, и я то и дело снимала/надевала ребенку куртку, раскрывала/закрывала зонтик, который сносило порывами ледяного ветра, которые тут же сменялись душным парящим штилем. Мы знали все большие маркизы на нашем прогулочном маршруте, потому что постоянно прятались под ними от неожиданно набежавшего ливня. Он прекращался так же быстро, и тогда мы спешили в ближайшую лавку за холодной водой, испытывая танталову жажду, которая буквально из ниоткуда появлялась в этом городе.

Мы быстро разбежались с Зейнеп по своим машинам и, стоя в многокилометровых пробках, которые также портили многим жизнь, обдумывали этот странный день, подаривший лично мне много интересного: как минимум рецепт идеальной баранины с портулаком.

Рецепт

Баранина с портулаком по рекомендации феминистки Зейнеп

- ***500 г баранины***
- ***Большой пучок портулака***
- ***1/2 стакана риса***
- ***2 луковицы***
- ***2 помидора***
- ***1 столовая ложка томатной пасты***
- ***1 головка чеснока***
- ***1 острый перец***
- ***2 столовые ложки оливкового масла***
- ***1 чайная ложка топленого масла***
- ***2 столовые ложки сухой мяты***
- ***1 столовая ложка сладкой паприки***

Для приготовления баранины я всегда достаю тяжелый толстодонный казан из старинного чугуна. Достался он мне по наследству от семьи, что жила в арендованном в Ташкенте доме до нас. Для неподъемного котла они не нашли подходящей коробки и добродушно оставили его посреди пустой кухни. Художественно вмятый бок и многолетний черный нагар придавали казану

винтажную изюминку, и я приняла его в нашу семью, выделив ему почетное место на летней кухне.

Чугун любит огонь – жадный, красный, ненасытный. Я вдоволь даю насладиться ему живыми языками пламени, прежде чем приступить к волшебству: иначе назвать процесс готовки в такой посуде я не могу.

В смеси оливкового и топленого масла я быстро обжариваю небольшие кусочки нежирной баранины. Она покрывается золотистой корочкой, значит, пора забрасывать мелко рубленный лук – пусть пошепчутся. Тут же выпущенный луком сок размягчает плотные куски мяса, которое буквально купается в раскаленном маринаде. Отправляю сверху мякоть помидора. Ошпаривать плоды и снимать с них кожуру – слишком утомительно, поэтому я разрезаю сочный овощ на две половинку и натираю каждую на крупной терке.

Самое время добавить специи вместе с томатной пастой, острым перцем и головкой чеснока. Не нужно делить ее на зубчики: это отнимает массу ценного времени, да и ни к чему. Я хорошенько промываю ее, срезаю колпачок и целиком отправляю в бурлящее рагу. Идеальное время для соли и сахара.

Сочный портулак, который так и просится в рот (и не нужно себя ограничивать). Легкая кислинка еще больше взбудоражит аппетит и пойдет на пользу организму богатым витаминным составом. Плотные стебли зелени я нарезаю на кусочки длиной 3–4 см и вместе с листвой отправляю в дружелюбный казан, который с радостью принимает в свои объятия каждый новый ингредиент. Присыпаю сверху рисом и добавляю немного воды. Ароматное рагу должно хорошенько пропариться под крышкой, но 15–20 минут ему вполне на это хватит. Выключаю огонь – толстостенный чугун еще долго будет согревать своим теплом разомлевшие овощи и мясо.

Стамбулец непременно зальет рагу уже в тарелке густым йогуртом. А почему бы не поступить и мне так же? Я смотрю на часы и расплываюсь в блаженной улыбке: какое счастье, что можно не спешить и степенно предаваться такому вкусному и неподвластному времени кейфу…

По дороге, стоя на нескончаемых перекрестках, я думала о стамбульских мужчинах, о которых было столько толков и так мало правды. Вернувшись домой, я записала все, что знала о них, в виде небольшого списка, чтобы при следующей встрече обсудить его с прагматичной Зейнеп. За этим занятием меня застал Дип, вернувшийся раньше с работы. Он странно посмотрел на меня и демонстративно вычеркнул первый пункт, а я не стала

спорить и даже сделала вид, что не заметила.

Стамбульский мужчина:

1. Красив как Бог, и он это знает (в смысле, мужчина).

2. Боится стамбульских женщин как огня.

3. Беспрекословно слушает маму.

4. Знает, что мама готовит лучше всех. Даже лучше жены.

5. Безмерно любит детей.

6. Примерно так же любит котов. Бездомных.

7. Много флиртует, но не настаивает на продолжении.

8. Много курит.

9. Когда курит, любит пить чай.

10. Читает бумажные газеты.

11. Несколько раз в неделю посещает куафера.

12. Активно жестикулирует, когда говорит.

13. Когда говорит «нет», кивает головой вверх (стоит так сделать – и сразу становишься похожим на турка).

14. Долго кричит вслед подрезавшему его водителю, даже когда тот уже далеко и не слышит.

15. Всегда опаздывает и любит откладывать дела на завтра.

16. Доверяет другому стамбульскому мужчине.

17. Много душится. Очень много.

18. Следит за своей внешностью.

19. Очень аккуратно одевается.

20. Чистоплюй.

21. Гордится любой работой: главное, чтобы за нее платили.

На следующий день я отправила Дипа к уже известному мне куаферу в Этилере. Он вернулся гладко выбритым, полным сил и вполне счастливым. И это несмотря на жуткие пробки и постоянную непогоду. Возможно, дело все-таки в женщинах? – и, довольная собой, я отправилась доедать баранину с портулаком, наслаждаясь потухшими от летнего солнца черепичными крышами, глядя на которые мне никогда не бывало скучно. Внизу галдели разносчики молока и яиц, перекрикивая горластых чаек. Две из них ходили по парапету террасы напротив, на которой мой обворожительный сосед наслаждался тенями уходящего дня, запивая впечатления терпким чаем из тонкостенного стакана.

Стамбул жил своей жизнью, позволяя мне исподволь прикасаться к его таинственному внутреннему миру, растворяющемуся в томных сумерках.

Пряные нотки инжира, перемолотого и заваренного вместе с кофе, вылетели из окна надо мной и нежно

осели на самом кончике носа. Я едва не чихнула.

Город погружался в бездонное царство Морфея, память о котором еще жила в безвременных каменных кладках и кусках жемчужного мрамора, воздвигнутых здесь во времена древних эллинов. Здесь была великолепная эпоха великих героев и прекрасных Елен, которые теперь желали мне спокойной ночи и обещали цветные сны под нежные звуки убаюкивающего азана.

Стамбул в витрине антикварной лавки

12 октября

Любовь Дипа к старым вещам. – О богемной жизни и циничной молодости. – Постоянная усталость и нежелание спешить. – Локма для дедушки в потертой феске. – Старость как повод для хвастовства. – Потомки четвероногих кангалов. – Нарядный кокошник на убогом фасаде. – Машина времени в антикварной лавке. – Искусные торги по мотивам фильма «Лучшее предложение». – О роли секретов в жизни коренных стамбульцев.

Начинал накрапывать дождь, хотя еще полчаса назад нашу уютную квартирку наполняли мягкие лучи утреннего солнца. Дип в замешательстве топтался в коридоре: наконец он натянул винтажный плащ Burberry черного цвета, в котором ужасно походил на католического священника, что ему крайне не шло. Он никак не мог решить, брать ли с собой зонт, и оттого выглядел потерянным. На работу он уже опоздал. Я же болтала, свесившись с балкона, с громкоголосой Эмель, которая не упускала возможности перекинуться парочкой словечек, проходя под моими окнами. Парнишка-старьевщик там же с тележкой громко

призывал людей избавляться от рухляди.

– У вас ничего нет старого? – поинтересовалась Эмель.

Я быстро окинула комнату, уставленную новехонькой мебелью из IKEA, и тут мой взгляд упал на Дипа в его потертом плаще, которому давно было пора отправиться в утиль.

– Там внизу старые вещи собирают, – весело сообщила я.

– Если у нас есть что-то, могу захватить, – серьезно ответил он, любуясь отражением в зеркале.

– Ну, разве только твой плащ, – тихо сказала я и тут же рассмеялась.

Дип с обидой посмотрел в мои бессовестные глаза, схватил зонтик и захлопнул за собой дверь. В тот же момент солнце выглянуло из-за туч, и спорый дождь вмиг прекратился. Все-таки зря он взял зонт…

Старые вещи Дипа, которыми он безмерно дорожил, были излюбленной темой для подтрунивания над ним. Каждый раз, когда он с любовью рассказывал об очередном приобретении двадцатилетней давности, я с трудом сдерживала приступ смеха, за что потом, правда, долго извинялась.

> Добрую часть моей гардеробной занимали его раритетные свитера и пуловеры, которые хранились, словно музейные экспонаты, на самых почетных полках невысокими стопками, обернутые тончайшей тишью с запахом лаванды. Даже пронырливая моль уважала этот привилегированный кашемир и облетала стороной – к моему великому сожалению.

Я долго пыталась понять природу такой странной привязанности к старым вещам и однажды, будучи беременной Амкой, влезла в один из ценнейших джемперов, потому что ни во что другое уже просто не помещалась. Стопроцентный шелк, по виду напоминавший тончайшую шерсть, создавал ощущение невесомого флера на коже – свитер, конечно же, я не вернула, заносив его буквально до дыр, зато с тех пор стала более трепетно относиться к винтажным полкам в шкафу. Я и сейчас люблю заглянуть в добротные чехлы с двубортными тройками итальянских мастеров, которые когда-то покупались на Пятой авеню Большого яблока.

Уходящая эпоха дорогих костюмов растворилась в прошлом, как только в холостяцкой спальне Дипа появился орущий младенец. В комплекте с ним шел пеленальный столик, необъятная упаковка памперсов, а также целый арсенал стерилизаторов, пароварок и подогревателей для бутылочек.

Все это бесповоротно изменило нашу богемную жизнь, превратив ее в самозабвенное служение крохотному существу, постепенно экспроприировавшему

большую часть жилплощади и без того небольшой квартирки.

Мы стали меньше ходить по магазинам, предпочитая им картинные галереи и театры. Вместо брендовых сумок и туфель начали покупать книги и картины, которые заполонили весь дом, превратив его в некое подобие библиотеки. О старой жизни, полной эксцентричных эпизодов и ночных тусовок, мы вспоминали редко – лишь в те дни, когда моросил дождь и Дип доставал из шкафа потертый плащ Burberry, навевавший смутную тоску по циничной молодости.

Я сбросила Дипу сообщение с извинением за нелепую утреннюю шутку и отправила наш тайный знак, символизировавший долгий поцелуй. Он просмотрел, но не ответил. Прошли мучительные три минуты – и телефон запиликал, принеся добрую весть: в ленте висели розовощекий улыбающийся смайлик и три сердечка. Значит, прощена, и я стала спешно собираться, так как сегодня у меня была запланирована совершенно необычная прогулка по старинной стамбульской улице Бююк Шекерджи, что прячется в неприметном квартале Бешикташа.

Полюбить какую-то конкретную улицу Стамбула невозможно: все они, словно разные дети одной матери, одинаково любимы усталыми прохожими.

Именно постоянная усталость в глазах и элегантная вялость в движениях отличают стамбульцев от резвых приезжих, что не желают терять ни минуты в этом безграничном городе и потому постоянно спешат.

Привычка жить впопыхах, унаследованная от суматошной мамы, всегда была проявлением моего холерического темперамента и считалась мной высокоэффективной. Я непременно выбегала, а не выходила из дома, когда отправлялась на базар за свежим пучком зелени; что есть силы давила на педаль газа, чтобы быстрее добраться до очередного светофора и там бессмысленно простоять сэкономленные минуты; я торопила детей по утрам, выпроваживая их из дома, а после они зябли под моросящим дождем на улице, дожидаясь вечно опаздывающего автобуса.

Я всю жизнь бежала за ускользающей прямо из-под ног планетой, пытаясь остановить ее хоть на миг, но она лишь набирала обороты.

В Стамбуле все было иначе: спешить – значит проявлять

неуважение к себе, прохожим да и к жизни в целом.

– Кто мы такие, чтобы спешить? – заговорил как-то со мной у мечети смешной старичок в потертой феске без кисточки. Он был стар и дожидался своей очереди, чтобы получить бесплатную локму. Локма – это крохотные пончики, аромат которых напоминает мне детство с пирожками на привокзальной площади. Мама их никогда не покупала, так как «неизвестно, какими руками их делают», но наслаждаться запахом перегретого фритюра я могла сколько угодно. *В Стамбуле есть прекрасная традиция, зародившаяся много веков назад. Щедрые султаны, получив любую приятную новость, приказывали раздавать нежнейшую локму своим подданным. Те принимали вкуснейший дар с благодарностью и молились за щедрого правителя*. Сегодня богатые горожане по случаю свадьбы, развода, рождения ребенка – главное, чтобы причина радовала, – следуют красивому обычаю и заказывают передвижные кухни на колесах, которые курсируют по улицам и раздают горячие пончики. Как правило, благотворительные траки останавливаются у мечетей, как и в тот день.

Старичок в феске долго топтался в конце очереди, пока я не решила ему помочь и не направилась к окошку, из которого разносились умопомрачительные запахи. Вымоченные в сахарном сиропе, горячие пончики горели на солнце, будто янтарные. Взять еще одну порцию для себе было неудобно, и я, вдыхая сладковатый букет, направилась к скромному дедушке, что все так же переминался с ноги на ногу.

Рецепт

Локма для дедушки в потертой феске у мечети

Тесто:

- ***2 стакана муки***
- ***1 стакан теплой воды***
- ***1 столовая ложка сахара***
- ***2 чайные ложки сухих дрожжей***
- ***0,5 чайной ложки соли***

Сироп для пропитки:

- ***1 стакан сахара***
- ***0,5 стакана воды***
- ***1 чайная ложка меда***

• ***1 чайная ложка ванили***
• ***Сок четвертинки лимона***
• *Растительное масло для жарения*

Очарование крохотных пончиков заключается в том, что они практически невесомы: словно маленькие облачка, воздушные шарики моментально тают на языке, оставляя нежное послевкусие. Но еще больше очаровывает простота исполнения этого рецепта. Люблю готовить излюбленное лакомство султанских жен после обеда, когда раскалившееся солнце устало сползает вниз и томная нега окутывает уставший город.

Замес теста на локму отнимает у меня минимум времени. Я смешиваю дрожжи, сахар, теплую воду и отставляю в сторону: дрожжам нужно дать время для активации. А я пока просеиваю муку в глубокую миску и добавляю соль. Как только воздушная пенка покрыла дрожжевую смесь, ее можно заливать в муку, а после старательно вымешать. Тесто получится средней плотности – как на оладьи. Обтягиваю его пленкой и убираю в теплое место – буду ждать, когда увеличится вдвое.

Пока же самое время приготовить сироп. Все ингредиенты смешиваю в сотейнике и на среднем огне довожу до кипения. При постоянном помешивании довожу до густоты классического сиропа – на это уходит не больше десяти минут.

Обычно через час, а порой и минут сорок тесто подходит настолько, что нужно скорее приниматься за жарение пирожков. В высоком сотейнике разогреваю рафинированное растительное масло – в этих целях мне привычней использовать подсолнечное. Огонь под сотейником должен быть чуть больше среднего: стоит его уменьшить – и локма превратится в бледные жирные комки, если же увеличить – лакомство быстро потемнеет снаружи, не успев прожариться изнутри.

Когда-то на султанских кухнях использовали тонкие кожаные мешки, чтобы выдавливать аккуратные шарики размером с ноготь главного повара. Сегодня все проще: я завязываю тесто в плотном пакете с отрезанным уголком – отверстие должно быть не больше сантиметра. Выдавливая над сотейником крохотные порции, я срезаю их смазанными маслом ножницами – падая в кипящее масло, они буквально на глазах надуваются в очаровательные пышки. Помешиваю их шумовкой, а стоит им приобрести равномерный золотистый оттенок, выкладываю на блюдо, застеленное салфеткой. Излишки жира тут же пропитают ее, сама же локма останется сухой и хрустящей.

Традиция требует опустить готовые пончики в сироп и оставить их в нем до тех пор, пока они полностью не

пропитаются приторным щербетом. При надкусывании сахарная жидкость должна течь по губам, оставляя ощущение сладостного удовольствия. Но какая мама разрешит своим детям потреблять так много сахара? Вот и моя родительская составляющая взбунтовалась, предложив слегка измененный вариант пропитки. Я опускаю локму небольшими партиями в сироп буквально на две-три секунды – таким образом он оставляет серединку нетронутой и лишь сдабривает приятным сладковатым привкусом нежную корочку лакомства.

Я протянула старику небольшую коробочку с десятью блестящими шариками – вот тогда он и решил просветить меня на тему спешки и смысла жизни в целом. Он был недоволен тем, что я слегка ускорила для него вялую очередь, однако пончики взял и тут же, ловко поддевая их прилагавшейся палочкой, принялся закладывать один за другим в искривленный беззубый рот.

– Ты молодая, а я старый. Поэтому знаю больше тебя. Внуки меня не слушают, потому что я в их телефонах ничего не понимаю. – И он остановился, чтобы взять в рот очередной пончик. – Но старость – не порок. Старость – это дар. Вот ты можешь похвастаться старостью?

Я покачала головой.

– Вот видишь, а я дожил до нее – и это мой дар.

Я улыбнулась такой простой философии. Думать о преклонном возрасте настолько позитивно мне никогда не приходилось.

– Никуда не спеши, дочка… А то все пропустишь, – он по-отечески похлопал меня по плечу, и я побрела дальше по платановой аллее, которая плотным рядом отгораживала тротуар. Огромные псы заразительно зевали у обочины: прохожие нежно трепали их за уши и подкладывали под морду кусок суджука, только что купленного в мясной лавке. Псы капризно морщились и продолжали спать, не замечая столь откровенные знаки внимания.

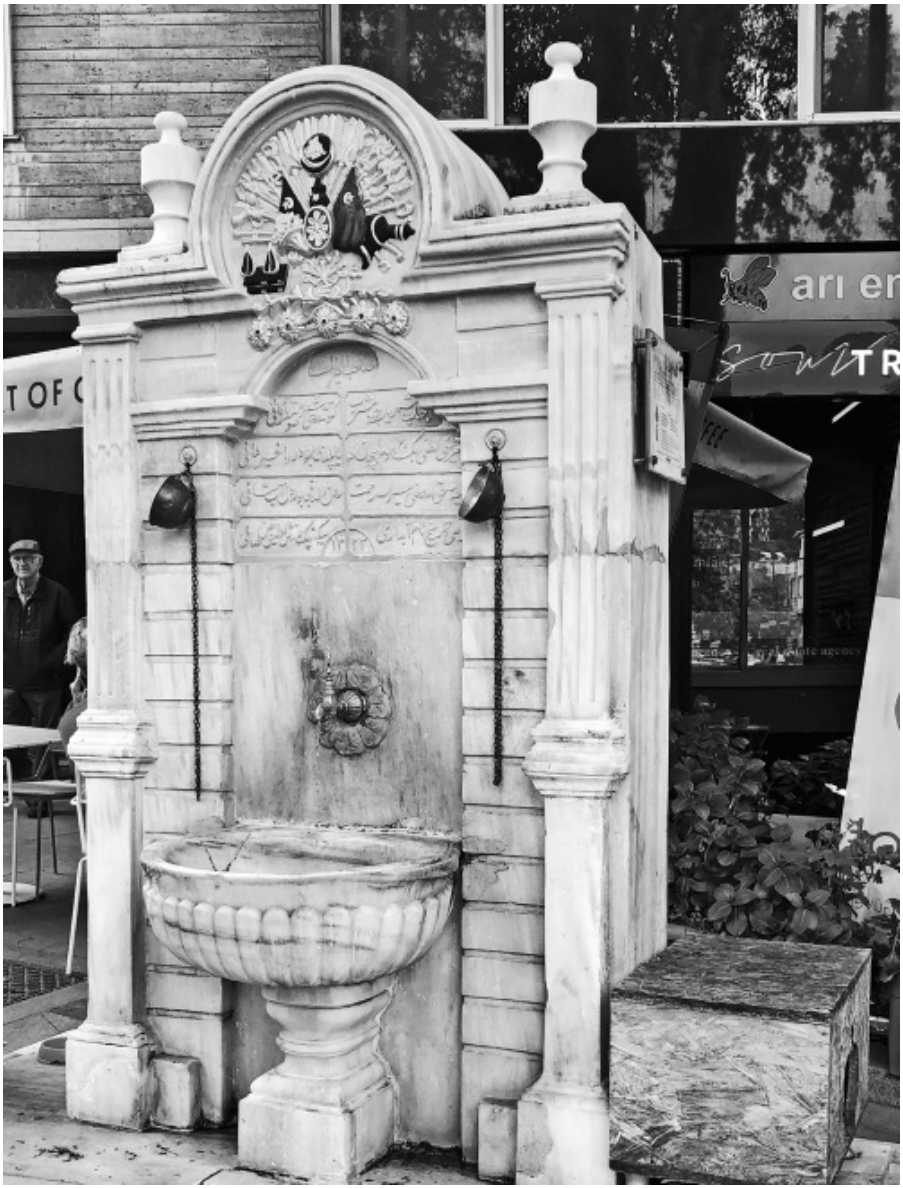
Собаки в Стамбуле избалованы. Они вальяжно расхаживают по улицам и едва ли не заводят поучительные беседы, стоит замешкаться на светофоре или ненароком задеть рукой мохнатый загривок, всегда оказывающийся где-то у самого бока.

После завоевания Константинополя Мехмедом II в 1453 году город заполонили преданные спутники османских племен – четвероногие кангалы. Эта древняя анатолийская порода столетиями помогала османам порабощать новые земли и была незаменимой в охоте. Летописи гласят, что кангалы без усилий

валили даже свирепых львов, о чем свидетельствуют ассирийские барельефы и некоторые фрески, одну из которых я встречала в доме Саввы Морозова в Бухаре. Султаны дорожили преданными псами, однако со временем портовый город наводнили и другие породы: собак часто оставляли торговцы, не желая больше кормить их на судах, —

> так Константинополь превратился в обитель четвероногих амбициозных существ, которые легко затевали свары, приводя горожан в ужас.

Не зная, как совладать с распустившимися стаями, один из султанов приказал переселить всех собак на пустующий остров Сивриаду в Мраморном море. Именно там они смешивались столетиями, пока не сформировали уникальную породу, известную сегодня как «городская стамбульская». Как они попали обратно в город, история умалчивает, однако, зная любовь стамбульцев к животным, это не удивляет.



Гуляя с Амкой по парку Мачка в Нишанташи, мы часто встречаем скопища мохнатых вислоухих гигантов. Они блюдут свою территорию и жестоко наказывают любого пса, который вздумает нарушить границы. Когда я интересуюсь у местных жителей, не смущает ли их такое количество диких собак на улицах, как правило, на меня начинают смотреть так, будто я попрала некие высокие идеалы, и я тут же замолкаю, пытаясь найти очарование в огромных устрашающих существах. Иногда

они подолгу плетутся за мной, пока я не сверну в переулок с кошками. Да, в Стамбуле собаки боятся кошек. А кошки не боятся никого. Мой ребенок, наблюдая такое неравное распределение сил, на вопрос о том, какое животное самое смелое, называет непременно кошку – и никакие комментарии по этому поводу не принимаются.

Наконец я свернула на Бююк Шекерджи, и тут же оказалась в забытом мире былого великолепия.

> Полуразвалившиеся дома, фасады которых выдавали в них дорогие особняки минувших столетий, безмолвно приветствовали меня плавным покачиванием оконных створок.

Краска на стенах давно облупилась, и теперь сквозь редкие островки травы пожухлого цвета бесстыдно проглядывала кирпичная нагота. Ровная кладка, сложенная когда-то рукой старательного усты[83], никак не поддавалась напору тяжелых чердачных балок и, как и сто лет назад, достойно держала форму. Мне стало жаль центральное окно на убогом фасаде: как будто в надетом резном деревянном кокошнике, оно выглядело слишком нарядным, словно не к месту разодетая барышня. Что может быть более неловким? Цветущая фиалка в треснувшей керамике на разбитом подоконнике нелепо оживляла убогий экстерьер.

Впереди зазвенел колокольчик, и из утопленной в землю двери показался человек. Он был среднего роста, а нездоровый цвет лица выдавал в нем истинного антиквара.

– Hoş geldiniz[84], – и мужчина приветливым жестом указал мне на вход. – Аукцион скоро начнется.

Не знаю, почему он решил, что меня может заинтересовать какой-то аукцион. Возможно, я слишком долго рассматривала погибающий особняк, что выдавало приезжего человека, – а какой приезжий не пожелает попасть на настоящие торги в старейшей из антикварных лавок Стамбула?

В этом скопище раритетов, больше напоминавшем подземную пещеру Али-Бабы, которым в детстве пугала любимая бабушка Лейла, было нестерпимо пыльно, что объясняло бледность его хозяина Ибрагима. Он то и дело покашливал в кулак и периодически высовывал нос на улицу, чтобы продышаться.

Затаив дыхание, я продвигалась вглубь небольшого помещения. Будто оказавшись в машине времени, я моментально перенеслась в далекий мир, так нежно отпечатанный на старых фотокарточках, что стопками были разложены на старинном столе, пахнущем сыростью и плесенью.

Пожухлые, с оторванными уголками фотографии, как состарившиеся лица, были вдоль и поперек пронизаны глубокими трещинками.

– Их можно отреставрировать, – отозвался из дальнего угла Ибрагим. – Мой сын все сделает.

Обновлять эти фото мне показалось кощунством, и я отрицательно замотала головой. С пожелтевших листков на меня смотрели красивые женщины с тонкими талиями и кружевными зонтами. Упитанные счастливые дети, одетые как куклы, таращили свои круглые глазки на ту, для которой они были давно отжившими свой век людьми. Благородные семьи чинно восседали в тенистых садах: некоторые на западный манер расположились на траве, подражая идее Мане, только, в отличие от замысла французского импрессиониста, напряженно смотрели в камеру фантастического аппарата «Goerz» и щурились от солнца. С десяток пресс-камер самой причудливой формы стояли здесь же, покрытые толстым слоем пыли. Для меня, изучавшей историю фотографии на журфаке, это было настоящим чудом – увидеть «Kodak» конца XIX века, обтянутый чем-то наподобие крокодиловой кожи.

– Они работают?

– А у вас есть чем их заправить?

Я поняла всю глупость своего вопроса и молча прошла к высокому серванту, будто подпиравшему широкой крышей низкий потолок помещения.

Чайные пары, вручную разукрашенные воздушными цветами, кажется, еще не остыли от горячего чая и все еще таили на костяном фарфоре тепло прикосновений тонких женских пальцев. Вот блюдо с золотой каймой и отбитым краем: возможно, пострадало оно во время ссоры между ревнивым супругом и невинной женой. Помятая колода карт со втертыми очками на тузах… Сколько состояний помогла она промотать короткими ночами?..

Мне хотелось дотронуться до каждой вещи в этом невероятном месте, которое, очевидно, было более настоящим, нежели холодные музейные залы, в которых любая мелочь запрятана под толстым витринным стеклом.

Потихоньку подтягивались люди: среди них были те, кто когда-то владел всем этим богатством, и теперь, абсолютно безденежные, они приходили, чтобы засвидетельствовать почтение своим бывшим шелковым абажурам, обнаженным

мраморным Венерам и коллекциям карманных часов; было несколько случайных туристов, говоривших то ли на китайском, то ли на корейском… Три перекупщика – я сразу выделила их среди остальных: они отличались резкими движениями и профессиональным ястребиным взглядом. Это своеобразный навык, сноровка или просто опыт – моментально выуживать из кучи рухляди стоящую вещь, забирать ее практически даром, а после продавать на гигантском антикварном рынке Стамбула, что на пересечении улиц Gökkuşağı и Düzoğlu. Каждое воскресенье с утра и до позднего вечера он звенит медными ступками и серебряными украшениями времен империи, призывая прохожих прикоснуться к истории и, может быть, даже унести ее кусочек домой в сервант за стекло.

Я села на последнем ряду, составленном из шатающихся венских стульев, и принялась следить за аукционистом, которым был все тот же бледный Ибрагим – правда, по случаю торгов он нацепил батистовый шарф-кравat, вытянутый из замшелых сундуков тех времен, когда французские денди диктовали в этих землях модные законы. Нужно отметить, что в этом образе Ибрагим выглядел нелепо.

Рядом со мной сидела миниатюрная старушка. Она сурьмила себе брови и, кажется, румянила щеки и оттого казалась почти что мертвецки безобразной. Амка назвала бы ее Бабой-ягой, я же, кроме всего прочего, отметила тонкие щиколотки, покрытые паутинкой морщин, и длинные пальцы с перламутровыми лепестками ногтей.

> Определенно, она была аристократкой или балериной – только эти две категории женщин обладают такой безупречной осанкой.

Из шелкового ридикюля она достала носовой платок с кружевом и аккуратно промокнула губы. Она сама была как уникальный антикварный экспонат, с которого нужно сдувать пылинки. Я наблюдала за ходом торгов и исподволь поглядывала на свою соседку.

Неожиданно она оживилась: заерзала на месте и стала учащенно дышать. Ибрагим держал на бархатном подносе небольшую брошь. Это была обычная камея из перламутра, в рамке из некрупного жемчуга. Тонкий профиль девушки на броши я с трудом различала со своего места. Все желающие могли подойти ближе, чтобы рассмотреть лот. Моя соседка повернулась ко мне и тихо спросила:

– Вы не хотите купить эту брошь?

«Купить брошь?» Я определенно не собиралась делать какие-

либо покупки, однако вопрос меня смутил.

– А вы? – Я не нашла больше ничего, что ответить.

Она помолчала, а после снова спешно стала шептать:

– Это очень ценная брошь, поверьте. Купите ее.

Ее не по возрасту подведенные глаза будто молили о помощи, хотя я по-прежнему ничего не понимала. Я даже не знала, сколько денег в моем кошельке и принимают ли здесь карты.

Все заинтересованные расселись по местам, и Ибрагим назвал начальную ставку.

– Триста лир!

После короткого шуршания и перешептываний делец с антикварного рынка поднял руку.

– Триста пятьдесят лир! – громогласно заявил аукционист.

Я молчала, не зная, как быть в этой ситуации.

– Триста пятьдесят лир – раз, триста пятьдесят лир – два…

– Beş yüz![85] – я постаралась сказать как можно громче, но голос дрогнул и ужасный акцент выплыл наружу. Все тут же обернулись: даже два туриста, которые вообще не понимали, что происходило.

Старушка напряглась. Ибрагим удивленно поднял брови и посмотрел на коллегу с большого базара, который внимательно смотрел в мою сторону, пытаясь по мне понять: стоит ли камея торга. Я глупо улыбнулась, и он отступил, решив, что я решила всего лишь поиграть в героиню фильма «Лучшее предложение»[86].

– Пятьсот лир – продано девушке в куртке… ммм…

Он запнулся, а я стала мысленно ругать себя за то, что надела ветровку старшей дочери, на которой красовался бигль Снупи из американского комикса «Peanuts». Я любила этот персонаж, созданный художником Шульцом в 1950-м году, что вполне вписывалось в концепцию антиквариата.

Старушка рядом тихонько положила свою сухенькую ладонь поверх моей и крепко сжала. Я почувствовала глубокую благодарность, исходившую от нее, а она снова достала платок – на этот раз, чтобы промокнуть глаза.

Я расплатилась за камею, а довольный Ибрагим пригласил меня на следующий аукцион.

На улице меня ждала все та же старушка. Правда, здесь, при свете солнца, она не пугала так, как в пыльном зале антикварной лавки.

– Проводите меня, и я вам объясню.

Я охотно пошла за ней по каменной мостовой, окруженной с обеих сторон такими же раритетными зданиями, какими были и их обитатели.

– Когда-то эта камея принадлежала мне. Мне ее подарил очень важный для меня человек. Он был важен для всех нас, – она остановилась, чтобы перевести дух, а я подумала, что весь этот город пронизан невероятными историями: тайные подарки, любовные интриги, измены и обязательно смерть и одиночество.

– У меня нет родственников, поэтому я потихоньку ношу Ибрагиму свои вещи – на это и живу. Камею я хранила дольше всего, пока нужда не заставила отдать и ее.

– Но почему вы просили меня купить ее? Разве не важно, кто будет владеть?

– Конечно же, важно. Я хотела непременно видеть ту, которой она будет принадлежать. Если бы вы только знали, кто мне ее подарил и сколько она может стоить сегодня…

– Но почему вы не рассказали об этом? Вы могли выручить за нее намного больше денег.

– Это вопрос чести. Я не могу раскрыть тайну, потому что она не только моя. В Стамбуле так не принято.

Еще одна сторона старожилов этого города раскрывалась мне:

стамбульцы любят секреты. Они придают их жизням загадочность, пикантность и уникальность.

Мы дошли до дома № 31 из красного кирпича.

– Я здесь живу. Вон там, на самом верху. Заходите, если будете рядом. Я вас напою чаем. И еще раз спасибо вам…

Я шла быстрым шагом в сторону дома, сжимая в кармане перламутровую камею в жемчужной окантовке, которая так много видела и знала, но теперь безмолвно покоилась в моей ладони.

Дома я хорошо рассмотрела ее, и оказалось, что женский профиль на броши точь-в-точь тот, который я сегодня видела во время торгов: тот же нос и слегка выдающийся вперед подбородок с небольшой ямочкой. Определенно, это была та самая женщина, чью красоту и молодость влюбленный тайный поклонник увековечил в нежном барельефе.

Перед сном я рассказал Дипу о произошедшем. С увлеченностью археолога, стоящего на пороге великого открытия, он долго рассматривал камею под лупой. Возможно, он хотел найти скрытые символы или инициалы, но брошь мужественно хранила клятву, не давая ни малейшего намека.

Через несколько дней мы отправились на ту же улицу к скукожившемуся дому из красного кирпича. Я поднялась на верхний этаж и позвонила в дверь единственной жилой квартиры. Остальные принадлежали дизайнерскому бюро и другим фирмам. Старушка не скоро открыла дверь. На этот раз ее глаза и брови не были подведены, и теперь она больше походила на милую воздушную бабушку, которой не испугалась бы даже Амка.

– Это ваше, – и я протянула ей мешочек с брошью.

Она всплеснула руками и зарыдала.

– Но ваши деньги… Я не могу вернуть все, но часть у меня есть.

– Не нужно денег. Это подарок. Ваша вещь вернулась к вам. Ведь на ней ваш профиль?

Старушка покраснела и подозвала меня поближе своим тонким пальцем. Она склонилась к моему уху и прошептала то, что так тщательно скрывала долгие годы. Я не поверила своим ушам.

– Вы ведь никому не скажете? – на всякий случай уточнила она и улыбнулась.

Я спустилась к Дипу, который отбивался от двух кошек, круживших вокруг него с поднятыми хвостами.

– Тебя ни на минуту нельзя оставить, – засмеялась я. – Даже кошкам ты приглянулся. – И мы скорее пошли прочь от назойливых животных.

– Она что-нибудь сказала тебе?

– Ничего особенного, – ответила я и уткнулась в рукав кашемирового пальто, которое было из тех же доисторических запасов.

Приятный запах лаванды щекотал в носу, и осеннее солнце заставляло жмуриться, отчего лица прохожих казались смешными, как на старых фотографиях в антикварной лавке. В тот день я стала одной из тех стамбульцев, которые самоотверженно хранят тайны, потому что в этом городе так принято…

Знакомство с графом Плещеевым на Гранд-рю-де-Пера

2 ноября

О важности круассанов, корнетто и симитов. – Маникюр и попытка сбежать от работы. – Крашенные вручную открытки Фрухтермана. – Ореховый запах топленого масла в подъездах Стамбула. – О вульгарности красной помады в первой половине дня. – Безупречно одетый дворянин Плещеев. – Белый исход во Второй Рим. – Наваристый борщ в «Карпыче» и нежнейшее суфле в «Петрограде». – О трехстах лирах и ощущении одураченности. – Великодушие скромного города.

Я так сильно полюбила нашу небольшую квартирку в самом центре Бомонти, что по утрам с трудом расставалась с уютным балконом, на котором цвели прекрасные рододендроны и фиолетовые цикламены в больших глиняных горшках – удивительным образом они росли здесь, будто по мановению

волшебной палочки. Мой день начинался с крохотной чашки густого кофе и теплого симита, который так же важен для стамбульцев, как круассан для парижан или корнетто для римлян. Каким-то чудом я наловчилась печь симиты – и теперь почти каждый день у нас на столе были свежие бублики, щедро обсыпанные кунжутом.

– Зачем ты так напрягаешься? – пытался пожалеть меня Дип: я и вправду очень уставала в последнее время. – В двух шагах от нас целый день продают свежую выпечку.

Как бы не так: я видела большую разницу между тем, что продавал Абдулла на углу нашего дома, и могла с уверенностью сказать, на чем экономил этот предприимчивый делец-хлебопекарь. За несколько месяцев я довела свой рецепт до совершенства, которое едва ли мог перещеголять экономный уличный торговец. Я с гордостью угощала своими бубликами фанариотку Айше, которая за это варила мне чудесный кофе с молотыми сухофруктами: от него у меня дурманяще кружилась голова, и я спешила на кухню, чтобы поставить тесто для следующей партии. Симиты готовились легко и быстро: так что утро начиналось у нас с традиционного кунжутного чуда, хруст которого действовал на меня пробуждающе. Укутавшись в хлопковый халат, я прямиком отправлялась в кухню, где завтракал Дип. Он улыбался и протягивал мне вспоротую половинку симита, намазанную толстым слоем сливочного масла и залитую цветочным медом. Глоток терпкого чая – и мы, как дети, обсуждали планы на ужин, после чего он растворялся за дверью, оставив в коридоре легкий шлейф парфюма Davidoff.

Рецепт

Симиты для утра в хлопковом халате (из расчета на пять штук – больше печь не стоит, так как симиты нужно есть свежими)

- ***2,5 стакана просеянной муки***
- ***200 мл теплой воды***
- ***1,5 чайные ложки сухих дрожжей***
- ***2 столовые ложки растительного масла***
- ***1 чайная ложка сахара***
- ***0,5 чайной ложки соли***
- ***5 столовых ложек кунжутного семени***
- ***50 мл пекмеза (можно заменить темным медом, кленовым или шиповниковым сиропом, а также***

жидкой частью варенья с кислинкой)

Только оказавшись в Стамбуле, я по-настоящему поняла, как мне нравится заниматься тестом. В процессе вымешивания столько удовольствия и, главное, пользы для кожи рук! По-моему, лучше процедуры просто и быть не может: кожа становится гладкой с приятным ароматом сдобы, на который тут же реагирует тот, кому мы позволяем целовать наши руки.

Если встать в семь утра, гарантированно к 8:15 ароматные хрустящие симиты будут на столе. А когда на столе симиты, утро не может быть не добрым – уж это правило стамбульской жизни я хорошо усвоила.

Соединяю теплую воду с маслом. В большой миске смешиваю просеянную муку, дрожжи, соль и сахар. Постепенно вливая воду с маслом, вымешиваю невероятно эластичное тесто. Если хорошо постараться, оно абсолютно не будет липнуть к рукам и приобретет настолько приятную консистенцию, что его можно продолжать мять в терапевтических целях – этакий кухонный антистресс. Но так как дело обстоит утром, я не расслабляюсь, а накрываю его плотно крышкой (можно затянуть пленкой) и оставляю для подъема – как правило, хватает сорока минут, но можно подождать и дольше.

И вот заветный мякиш, похожий на большую жемчужину, я разрезаю на пять полос и каждую раскатываю ладонями по столу в узкий жгут – длиною в пятьдесят-шестьдесят сантиметров. Складываю его пополам и переплетаю, будто косичку, а после скрепляю концы – так у меня получается неказистый с первого взгляда бублик. Но это только начало!

Я долго не понимала, что такое пекмез, хотя постоянно слышала о нем из уст поваров и просто любителей потолкаться на кухне. И вот заветная баночка из темного стекла с пробковой крышкой передо мной. Dut pekmezi[87]*. Продукт, ставший для меня настоящим открытием: он заменил в нашем доме сахар, а также пополнил аптечку неплохим, на мой взгляд, иммуномодулятором. Не зря стамбульцы уже много столетий начинают свой день с ложки пекмеза, который добавляют в йогурт или на тот же симит в качестве джема. Мне же этот сказочный продукт понадобится для других целей. Если вываренного фруктового сока нет под рукой, подойдет обычный мед: как и пекмез, его нужно развести водой в пропорциях 1:1 и хорошенько прогреть, не доводя до кипения. Обычно я это делаю в небольшой кастрюльке, диаметр которой чуть больше сплетенных симитов. Я купаю каждый бублик в горячем сиропе, а после обваливаю в просушенных семенах кунжута. Симиты выкладываю на противень, застеленный*

пергаментом, и оставляю минут на десять расстояться и подышать утренним воздухом большого города.

В духовке, разогретой до 220 °C, симиты запекаются минут пятнадцать – этого времени им вполне хватает, чтобы покрыться золотистой корочкой, оставаясь нежными и упругими внутри.

Затем я ставлю на стол масло с джемом или каймаком с медом, как делают стамбульцы, и можно никуда не спешить.

Очарование таких завтраков проходило моментально, стоило мне пройти мимо напольных весов, которые уже который месяц бездельничали в углу гардеробной. Я каждый день давала себе слово приблизиться к ним во что бы то ни стало, но понимала, что еще не время, и оставляла задуманное на потом. Натянув льняной джемпер поверх широченных шелковых шаровар, которые я носила во время беременности, я отправлялась в кабинет и погружалась в виртуальный мир имейлов, которые строгим голосом редактора моей детской книги настойчиво рекомендовали браться за ум и заканчивать рукопись, которая все еще висела обрывочными файлами на экране ноутбука. Словно преданный друг, он всегда был со мной: его приветливая клавиатура приятно шелестела под пальцами, которые уже который месяц обращали на себя внимание отсутствием маникюра. Ждать больше было нечего, и, дабы прекратить это эстетическое безобразие, я отыскала среди друзей в соцсетях мастера Юлю и тут же набрала ее номер – такая прыть была мне совершенно не свойственна, так что я сама удивилась своей организованности. В глубине души я понимала, что искала любой повод, чтобы отложить работу на потом – и в тот раз мне это удалось. В конце концов, всегда можно засидеться ночью.

– Вы знаете улицу Истикляль? – спросила Юля, когда я пыталась вспомнить, в чем отличие между аппаратным и обрезным маникюром.

– Кто же не знает Истикляль? – бодро ответила, явно преувеличивая свои познания города, что скоро вылезло наружу очередным казусом, о котором я, правда, не жалела ни минуты, хотя маникюр в тот день я так и не сделала.

Такси я решила не брать из-за пробок, и потому воспользовалась метро: две остановки до станции «Таксим» – и я стояла у начала едва ли не самой известной улицы Стамбула. Улица Истикляль, или Независимости, по-турецки, – это полтора километра пешеходной зоны, которую по всей длине обрамляют красивейшие здания, будто сошедшие с почтовых открыток Макса Фрухтермана. Его родители были австро-венгерскими эмигрантами, нашедшими свое счастье в сердце Османской

империи. Их сын, выросший на берегах Босфора, несмотря на европейские корни, любил Стамбул так сильно, что посвятил свою жизнь изданию открыток с его видами. Вначале открытки раскрашивались вручную в небольшом издательстве у самой Галатской башни, но уже в 1987 году молодой бизнесмен мог позволить себе печатать цветные картинки в типографии немца Эмиля Пинкао. Фрухтерману повезло: все возраставшая мода на ориентализм приняла его работы на ура – открытки с утонченными видами загадочного Стамбула разлетались по всему миру, составляя коллекции Нового времени, катившегося к мягкому закату. Вот и теперь, оборачиваясь по сторонам, мне казалось, что аккуратно выведенные здания на потертых картонках, которые я не раз встречала в музеях и антикварных лавках, оживают на глазах, перенося меня в далекий мир великой империи, так неожиданно угасшей, но все еще держащейся на хрупком каркасе своего великолепия.

Обычно запруженная толпами улица, утром была почти пустой. Лишь изредка встречались заспанные туристы, проживавшие, видимо, в отелях неподалеку и теперь искавшие место для завтрака. Кафе, где меню подают на всех языках мира, я не любила: в них непременно был ужасный омлет, сухая вчерашняя выпечка и отвратительный чай.

Кругом распахивались высокие двери ресторанов и магазинов: многочисленный персонал курил у дверей, перебрасываясь последними новостями, – Стамбул начинал

новый день: яркий, насыщенный и полный тихой радости, которую все будут скрывать за печальными взглядами, как и полагается истинным горожанам.

Я быстро добралась до нужного адреса и юркнула в открытую дверь старинного подъезда. Салон располагался на третьем этаже здания – и я решительно пошла пешком, любуясь великолепными дверями с бронзовыми табличками, имена на которых я с любопытством прочитывала и после повторяла еще раз – с особым придыханием: казалось, что загадочный полушепот приближает меня к тем временам, привкус которых витал в этих уникальных османских подъездах. Конечно, такие парадные есть в Милане и Париже, но я знала наверняка, что нигде в мире их оштукатуренные стены не были пропитаны ореховым ароматом топленого масла. Ведь именно на нем столетиями заботливые анне готовили нежнейшие «ичли кефте»[88] своим капризным отпрыскам.

> Особый запах, принадлежавший только этому городу, ни с чем невозможно было спутать, и я с благодарностью ловила каждое дуновение, доносившее до меня мягкий и очаровывающий привкус старого Стамбула.

Добравшись до третьего этажа, я обнаружила, что дверь в одну из квартир открыта, и проскользнула в нее. Пустые комнаты ввели в небольшое замешательство: надеюсь, я ничего не перепутала? Русская речь на балконе меня успокоила, и я принялась рассматривать невероятные росписи на потолке и цветочные барельефы на стенах. Половица скрипнула, и с балкона выглянула голова мужчины средних лет. Он быстро окинул меня взглядом и кивком дал понять, чтобы я ждала. Через минуту девушка с ярко-красной помадой на слишком больших губах (в первой половине дня броский макияж выглядел вульгарно) появилась в том же балконном проеме и, проходя мимо, буркнула:

– Проходите.

Я быстро засеменила к окну, перетекавшему в длинную узкую террасу, что выходила на ту самую Истикляль. Правда, с этой высоты улица выглядела иначе: верхние этажи зданий, которые так сложно было разглядеть снизу, представали во всем великолепии художественного гения архитекторов и скульпторов, работавших над этими каменными исполинами.

– Лепота, – произнес тот же мужчина средних лет, напомнив киногероя Ивана Васильевича, который менял профессию. Тот же клинок бороды, те же глубоко посаженные глаза и, главное,

странный акцент…

Вокруг не было никаких атрибутов маникюрного салона, так что я начала сомневаться и потянулась за телефоном, чтобы позвонить Юле, но незнакомец меня оборвал весьма странным вопросом:

– Какой у вас репертуар?

– У меня? Ну…

Я бы многое отдала, чтобы узнать, о каком репертуаре шла

речь и ответить как полагается. Я запнулась, используя время для того, чтобы получше рассмотреть странного человека. Он выглядел безупречно, одет был, пожалуй, немного вычурно, но это не сильно бросалось в глаза. Винтажный налет добавлял нотку привлекательности, поэтому я с удовольствием разглядывала детали его изысканного вельветового пиджака баклажанового цвета и изумрудные брюки в тончайшую полоску. Он снова странно посмотрел на меня и возмущенно спросил:

– Вы не певица, так ведь?

Я смешно замотала головой, вытягивая вперед руки. Как же называется то, зачем я сюда шла? В минуты волнения моя память отключалась, и я начинала мямлить что-то несуразное.

– Что с вашими руками? – И он достал из кармана очки, чтобы рассмотреть их повнимательней, но я вовремя отдернула, спрятав нуждавшиеся в обработке ногти.

– Я не певица, – наконец выдавила я из себя. – Простите, видимо, произошла ошибка, но я очень рада, что вы говорите по-русски… Это такая редкость…

– Что редкость, милочка? Русские на Гранд-рю-де-Пера редкость? Ты, видно, не местная…

Я закачала головой, подтверждая его догадку, а он театрально устремил свой взгляд вдаль, как будто задумался о чем-то очень важном. Наконец он взял себя в руки, вытянулся в струнку и, смешно чеканя слова, произнес, глядя в пол:

– Имею честь представиться. Плещеев. Из дворянского рода. Из белоэмигрантской волны.

Раскрыв рот, я смотрела на этого взрослого человека, который откровенно разыгрывал меня с самым что ни на есть серьезным видом. Я учтиво улыбнулась и представилась, протягивая ему руку:

– Мы здесь недавно. С дипломатической миссией, – произнесла я очень странно, так что сама удивилась чопорности своей интонации.

– Очень рад, – не унимался обворожительный Плещеев, предлагая мне локоть и выводя в просторный зал, который я недавно рассматривала с искренним восторгом.

– Бальная зала графини. – И он медленно обвел рукой все помещение, как будто я могла его не заметить. – Фрески на потолке создавались самим Николаем Калмыковым. Его здесь назвали Наджи Калмыкоглу. Чувствуете подражание Византии? – И я быстро закивала головой. Сине-желтые цветочные орнаменты отдаленно напомнили росписи в Святой Софии, но я промолчала об этом, так как мой новый знакомый дворянин продолжал проникновенный экскурс.

– На этом паркете танцевала сама Лидия Арзуманова. Слышали ведь про нее? – И он, в надежде услышать утвердительный ответ, слегка отошел, но я всего лишь грустно покачала головой. – Она же Лейла Арзуман. Это-то имя наверняка слыхали?!

– А это имя мне, кажется, знакомо, – спешно соврала я и тут же покраснела.

– Вот видите, а говорите, не знаете. Наши люди все знают. Арзуманова основала здесь первую балетную студию. Без нее бы ничего не было! Газетчики сходили с ума после ее выступлений, посвящая ей целые развороты. Вот это были времена… Пойдемте, я покажу вам интересное местечко. – И, не дожидаясь ответа, он вежливо пропустил меня в дверь, и я почувствовала себя немножко героиней прекрасной эпохи, когда дамы выглядели как нимфы. Конечно, протертые на коленях джинсы и вправленная рубашка слегка отдаляли меня от воздушного образа мифического существа, но я рассчитывала на дальнозоркость графа и потому держалась ближе к нему.

Оказавшись на улице Гранд-рю-де-Пера (он настаивал именно на этом названии улицы Истикляль), мой очаровательный спутник оживился и, чувствуя себя в своей стихии, начал рисовать мне невероятные картины прошлых лет, вдаваясь в тонкие детали запутанных имен и сюжетов.

– Видите вон ту лоджию? – Он привстал на цыпочки, будто хотел дотянуться до кружевного балкончика под самой крышей. – Каждое утро профессор Селифанов начинал виртуозными распевками прямо над головами прохожих. У него был сильный баритон. Кстати, член Императорского музыкального сообщества – до революции, конечно. Здесь играли Чайковского, Глазунова, Римского-Корсакова. А Стравинский! Только благодаря нашим музыкантам эти великие имена и узнали.

Плещеев говорил о революции, о которой мое поколение знало лишь из параграфов учебников истории, как о чем-то свершившемся совершенно недавно. «Вот здесь, в доме 385, когда-то был книжный магазин «Культура», где продавали литературу на русском языке». – И я почти слышала тихий говор особой русской речи разочарованных дворян, бежавших от неминуемой гибели в родной стране.

1919-й год… Затем 20-й и 21-й… Это был вынужденный исход почти двухсот тысяч потерявшихся судеб, покинувших обжитые усадьбы, дворцы и квартиры и заброшенных волею судьбы в оккупированный Антантой город. Многие видели в этой

эмиграции исторический смысл, успокаивая себя тем, что возвращались в лоно Константинополя, Второго Рима, который всегда играл едва ли не ключевую роль в культурной жизни Российской империи. Тогда османский Стамбул предоставил им кров и помогал выживать.

В те годы русские эмигранты селились в районе Бейоглу, по которому мы так неспешно прогуливались с потомком одной из фамилий, нашедших в этом городе постоянное пристанище.

– Смотрите! – закричал Плещеев. – Вот Цветочный пассаж. Мы обязательно должны зайти! Там просто невероятно!

Мы шагнули за ворота и оказались в милейшем из мест, представлявшем собой совершенно очаровательный внутренний дворик, окруженный домами, в окнах которых так тонко отражался роскошный блеск ар-нуво. Эта поразительная галерея была проникнута ощущением декаданса, связанным с красивейшей историей и громкими именами.

– Вот здесь, на этом самом месте, русские княгини торговали прекрасными тюльпанами и гвоздиками. Порой богатые горожане приходили, чтобы только посмотреть на них, на их выдержку и осанку – вы же меня понимаете?

Мой эмоциональный гид старался удивить пикантными подробностями жизни русской интеллигенции, за что я мысленно благодарила его и беспрекословно следовала за ним, как первоклассница за классным руководителем на первой в своей жизни экскурсии.

– Пойдемте скорее, я покажу вам, где выступал Вертинский. Видите эту зеленую дверь? – Он указал на запаянный вход недалеко от Генконсульства России. – Здесь было известное кабаре «Черная роза». Вот тут, за углом, ресторан «Медведь». Чуть дальше – «Карпыч». Из его окон русские песни разносились по округе до утра. А кондитерская «Петроград»? Знаете, какое суфле там подавали?

Конечно же, я не знала ничего из жизни того далекого Стамбула, который сегодня утром раскрыл еще одну из своих маленьких тайн. Я не могла представить себе, что здесь, на главной улице этого города, когда-то была слышна русская речь, работали мастерские по пошиву платьев «а-ля рюсс», сновали уличные продавцы пирожками с капустой, кварталы пестрели русскими названиями ресторанов, подававших наваристые борщи.

За кассой когда-то известного «Ренессанса» сидел профессор математики Петербургского университета, а чесночные пышки пекли благородные девицы, говорившие между собой по-французски так же просто, как и на родном языке. По вечерам

они собирались в доме какого-нибудь именитого музыканта и проводили долгие вечера у рояля, вспоминая милые сердцу мелодии далекой родины.

После прихода к власти Ататюрка белоэмигранты начали спешно покидать Стамбул, боясь того, что их могут насильственно вернуть в совершенно чужую теперь для них страну – диковинный Советский Союз. Они организованно переезжали в Грецию и Чехию, Сербию и Болгарию. Франция, потерявшая большую часть мужчин во время Первой мировой, охотно выдавала им визы и трудоустраивала на заводе «Рено». Аргентина приняла тех, кто был согласен работать на земле. Германия искала банкиров и скорняков. Так, довольно быстро стамбульские улицы позабыли импозантную русскую публику, но ненадолго. Очень скоро они узнали новый тип русского человека в лице веселого туриста, которому на этот раз нужно было совсем другое: солнце, море и «all inclusive».

Мы выпили с Плещеевым кофе у Галатской башни, после чего он скромно произнес:

– Услуги экскурсовода оплачиваются только наличными. Терминала пока нет. 300 лир. Для вас это не очень много?

– Так вы экскурсовод? – И почему только это меня так удивило?

– А кто же еще вам рассказал бы столько всего интересного?

Действительно, такой поворот был вполне логичным. Я представила, как долго будет смеяться Дип, когда я расскажу ему вечером эту историю. Конечно, я могу не посвящать его в нелепую оказию с экскурсоводом, но умолчать о чем-либо – это не про меня, поэтому сегодня весь вечер я буду точно предметом его насмешек.

– Простите, а почему вы не сказали мне утром, что вы экскурсовод?

– Да утром вообще была настоящая путаница! Я набираю девочек-певиц для работы в отелях в Анталии. Все были ни то ни се, и тут вы!

– Но я же сказала, что не певица…

– Да, вы сказали, что из дипмиссии. И я решил, что вам обязательно нужно узнать историю белоэмигрантов.

Я кивнула и вспомнила про несостоявшийся маникюр.

– Утром я шла в салон и по ошибке забрела к вам.

– Так это, наверное, к Юле? Она в соседнем подъезде. В нашем доме.

– А та квартира с расписными потолками? Она не ваша?

– Ну что вы, дорогая моя, знаете сколько стоит та квартира?

Я сдаю ее для официальных мероприятий, бракосочетаний или фотосессий. Как агент.

Мне было сложно разобраться в странном чувстве: ощущение очень тонкой одураченности с дворянским оттенком никак не исчезало. Я положила деньги за экскурсию на стол. Мой лжедворянин немного смутился и быстро пересчитал купюры.

– Но… но я настоящий Плещеев. Могу паспорт показать. Кстати, если будете рекомендовать меня знакомым, в следующий раз сделаю вам хорошую скидку. – И он протянул мне потертую визитку.

Обратно я возвращалась пешком. Я проходила мимо ажурных балконов оперных див, пассажей с благородными цветочницами и ресторанов, в которых пел Вертинский, и понимала, как все-таки чудно, что этот город опять подарил мне удивительный день, так скромно рассказав о собственном великодушии, за которое я полюбила его еще больше.

9:05

10 ноября

О политНЕкорректном детском садике. – Человек, который спас мир. – Дениз, которая стенографирует в кафе. – Традиция под названием «М.К. Ататюрк». – Домашние пельмени под невероятно пряным соусом. – Номер 101 в том же «Пера Плаза». – Таинственный гобелен индийского махараджи. – О единении нации в 9:05 утра по стамбульскому времени.

Как только мы переехали, я сразу отдала дочку в канадский садик: в него было удобно добираться, да и само место мне показалось сказочным.

> Трехэтажный старинный особняк располагался прямо на берегу Босфора, окруженный белоснежными ялы и обдуваемый свежими ветрами. Морской воздух – что может быть лучше для ребенка?

В саду никто не говорил по-русски, и мы надеялись, что в условиях такого шока Амка быстро овладеет английским, на котором велось преподавание.

Прошла неделя. Мы брели по пыльным улицам, сплошь

засаженным апельсиновыми деревьями и дурманящим жасмином. Амка ныла, что хочет мороженого, а мне не терпелось скорее спуститься к Босфору, оказавшись у которого всегда дышалось легче и свободней. Совсем рядом раздался протяжный гудок огромного парохода, который стремительно удалялся в направлении Черного моря.

– Бежим скорей! Догоним его! – И мы, держась за руки, стали проворно спускаться по крутому склону, что вел прямо к гигантской висячей конструкции над проливом. Это был мост Мучеников 15 июля, названный так после военного переворота в 2016 году. Непрерывными вереницами тянулись по нему тысячи автомобилей, притормаживавших для того, чтобы полюбоваться красотами водной стихии под собою. Я представила, как великолепен должен быть Босфор, если взглянуть на него с такой высоты, но вход пешеходам был строго запрещен после участившихся случаев суицида.

Мы медленно брели вдоль дороги и болтали о детях с необычными именами в саду. Меня веселили наивные умозаключения четырехлетней дочери, и я старалась их запомнить, чтобы вечером поделиться с Дипом. Было неправильно, что из-за постоянных командировок он лишен возможности наблюдать за тем, как взрослеют девочки. Поэтому я хоть как-то старалась погружать его в удивительный мир детских суждений своими неказистыми пересказами по ночам. Почти в полном мраке я с трудом считывала его выражение лица. Он всегда улыбается, когда слушает меня, и вдруг резко начинает сопеть – значит, уснул, и я остаюсь одна со своими причудливыми воспоминаниями, которые хочется пронести в памяти как можно дольше.

> Дойдя до Большой мечети Меджидие, мы сели за шатающийся столик с прекрасным видом на проходящие корабли. Амка нетерпеливо болтала ногами в ожидании шарика мороженого, а я принялась рассматривать причудливые формы необарочного сооружения, как будто парившего над изумрудной гладью Босфора.

Два тонких минарета, увенчанных тончайшими шпилями, казалось, соединяли землю с небом. В их амбициозном вызове было столько величия, что я на мгновение представила всю силу эмоций, которые испытывают верующие, находясь перед этим святилищем.

Внутри мечеть была еще более прекрасна, чем снаружи. Окутанная нежным флером розовых мозаичных стен и тончайшей золотой росписью, которую собственноручно каллиграфировал

султан Абдул-Меджид, она похожа на сказочный дворец с высокими стрельчатыми окнами, глядящими на Босфор. Я так впечатлилась красотой этого сооружения, что совсем не заметила, как шустрый официант давно принес мороженое и моя крошка, чумазая и счастливая, заканчивала уплетать его. В нескольких метрах от нас пришвартовывался прогулочный катер с алым флагом на высоком флагштоке.

– Турецкий флаг! – уверенно заявила дочка, продолжая выскребать остатки мороженого из металлической креманки. Я удивилась, ведь нам еще не приходилось обсуждать эту тему. – Это мы в садике проходили, – пояснила она.

– Здорово! А что еще вы проходите?

– Еще Ататюрка, – она говорила обо всем этом так, как если бы они проходили дни недели или времена года. По крайней мере, мы в садике изучали именно это.

– И кто же такой Ататюрк?

– Ататюрк спас весь мир. Его любить надо. – Она протянула свой крохотный пальчик, указывая на портрет всеобщего любимца у входа в кафе. С тех пор, где бы мы ни бывали, она всюду замечала однотипные картинки и серьезным голосом рассказывала истории о спасении Ататюрком планеты, Беларуси, Вильнюса и Ташкента – в общем, всех мест, где когда-либо бывала. Я не переубеждала, тем более скоро мы сменили садик. Интересовало меня совсем другое: как воспитатели, не знавшие ни слова по-русски, донесли такой сложный контент до маленького ребенка? Все оказалось просто: они вводили нужные фразы в Гугл-переводчике и методично давали ей прослушать.

Именно тогда я поняла, что жить в Стамбуле, не имея четкого мнения на тему великого «отца турок», у меня не получится.

* * *

Однажды во время утренней прогулки в потрепанном веками квартале Балат по ту сторону Золотого Рога я стала участницей удивительного представления, которое потрясло меня до глубины души и до сих пор держит в напряжении. Из окна ссутулившегося домика времен Абдул-Хамида высунулась старушка, чтобы повесить выстиранный красный флаг Турции и стереть пыль с фотографии, что была приклеена тут же, на оконной раме. В красивом мужчине на ламинированном фото я сразу узнала Ататюрка. Старушка улыбнулась, и мне захотелось поговорить.

– Вы любите Ататюрка? – Вопрос, скорее всего, прозвучал глупо. Но отчасти виной этому были мои скромные знания турецкого языка, а не плоское мышление, хотя и этого у меня никто не отнимал.

Женщине вопрос не понравился, но тема ее задела, и она нарочито громко, чтобы соседки, бездельничавшие в соседних окнах, непременно услышали ее пламенную речь, произнесла:

– Ататюрк – мой отец! А я – его дочь!

> Ее речь звучала так убедительно, что я на мгновение задумалась, не подразумевает ли она биологический аспект родства, и начала прикидывать возможный возраст дочери Ататюрка,

но тут скучавшие соседки вступили в беседу, заявив, что они тоже его дети. Все встало на свои места, и я облегченно вздохнула. По напряженной паузе я чувствовала, что теперь наступила моя очередь признать духовную близость с человеком на фото, но я не могла так легко бросаться подобными фразами и была тут же признана идеологически неверной. Посыпался ворох заученных на зубок цитат великого лидера о том, «какое счастье быть турком» и все в таком духе. Большую часть я, естественно, не понимала и только удивлялась, как много способна выдать память раздосадованных женщин. В конце концов мне пришлось извиниться, и я быстро свернула в переулок, который должен был вывести на улицу Абдулезельпаши. Там легко можно было запрыгнуть в желтое такси и броситься прочь домой от странных встреч, не суливших мне ничего хорошего.

Одержимость чем бы то ни было всегда пугала меня. Возможно, поэтому вот уже много месяцев я избегала разговоров о загадочном человеке, чьи портреты не заметить было гораздо сложнее, чем вписаться в Триумфальную арку во время пешей

прогулки по Парижу.

> Ататюрк был везде! Говоря слово «везде», я подразумеваю статью в словаре Ожегова, определяющую его как «во всех местах» и «повсюду».

Растяжки с изображением мужчины с глубоким взглядом каскадами украшали дороги, как обычно это делают гирлянды в преддверии Нового года. Гигантские портреты были развешаны на каменных заборах времен империи и инкрустированы в бетонные конструкции вдоль дорог. Портретики импозантного мужчины висели у входа во все рестораны и забегаловки независимо от ценовой политики и типа кухни. На кассах, дверях, в фанерных домиках для бездомных котов и собак, окнах брендовых магазинов то тут то там были бережно наклеены крохотные открыточки, с которых гордо смотрел на меня отец турецкой нации. Жилые кварталы не были исключением: казалось, каждый уважающий себя стамбулец считал долгом отдать дань памяти этому великому политику, о котором спустя почти сто лет после смерти говорили так, будто он до сих пор вершил судьбу страны. Такое тотальное поклонение вселяло странное чувство: с одной стороны, мне хотелось тоже иметь в своей жизни авторитетное лицо, которое служило бы примером во всем; с другой – создание кумиров всегда было сопряжено с опасным риском: а вдруг это не он?

* * *

Время в Стамбуле бежало так стремительно, что неделя едва умещалась в четырех суматошных днях. Куда пропадали оставшиеся три, я не знала. Я не заметила, как дождливую ветреную весну сменило влажное прохладное лето (кто бы мог подумать, что в курортном Стамбуле такая погода!), и по старой привычке, выходя из дома, я натягивала растянутый льняной кардиган грубой вязки. Мне было настолько не до красоты, что свое отражение в зеркале я видела лишь дважды в сутки – во время чистки зубов, и то большую часть этого времени я покачивалась с закрытыми глазами из-за хронического недосыпа. Я начала работать по ночам, хотя до этого громко ратовала за полноценный отдых в темное время суток. У меня был с десяток серьезных доводов, которыми я бравировала перед одинокими подругами, проводившими вечера в клубах или за просмотром сериалов. Теперь я стала одной из них: только, в отличие от моих приятельниц, я наслаждалась не терпким мерло и гением Вуди

Аллена у экрана, а тишиной и одиночеством, которые дарили мои секретные ночные вылазки.

Под покровом ночи я забивалась в дальний угол гостиной, укрывалась пушистым пледом и в обнимку с ноутбуком любовалась черепичными крышами спящего Стамбула.

> С замиранием сердца я вслушивалась в каждый свисток парохода; в грохот вертолета, взлетающего с крыши соседнего небоскреба, или в крик одинокой чайки, отбившейся от шумной компании своих сородичей.

И даже тоскливые сирены полицейских машин действовали на меня в те сложные времена успокаивающе: я понимала, что где-то есть жизнь, где-то ходят люди, они влюбляются, целуются, ссорятся, я же снова завязла в тоскливой рутине чужого города и могла помечтать только ночью, как будто стеснялась это делать при свете дня.

Рано утром, отправив всех в школы-сады-работы, я направлялась в любимое Bond Coffee на улице Dereboyu Caddesi, прямо напротив Армянской католической церкви. Я невероятно любила это миниатюрное старинное здание с французскими окнами и кремовыми пилястрами на фасаде. Совершенно очаровательная маркиза из полосатого хлопка навевала воспоминания о веселой и беззаботной жизни, когда после каждого, пусть даже затянувшегося, путешествия я непременно возвращалась домой.

Очаровательные бариста встречали меня радушными улыбками и тут же принимались готовить гранд капучино, которым я обычно начинала рабочие часы. Писалось здесь прекрасно: кругом было море розеток, а главное, уютный садик с премилыми качелями для двоих на заднем дворе. Это место казалось идеальным для романтических утренних свиданий, которые могут перетечь в длительную прогулку вдоль изысканных дворцов у пролива, а завершиться где-нибудь на одной из уютных крыш Перы, скрытых от любопытных глаз. И только небу позволено любоваться счастливцами, затерявшимися среди шпилей и мансард ветшающих генуэзских построек.

> В то утро рядом со мной сидела девушка с таким же розовым ноутбуком, но, в отличие от меня, она быстро стучала по клавишам, как будто бы записывала не собственные мысли, а набирала их по чьей-то указке – причем даже для наборщицы ее скорость впечатляла.

Я же, напротив, была сама не своя: буквы на экране скакали в разные стороны, а пальцы все время промазывали мимо нужных клавиш, так что после каждого слова мне приходилось возвращаться к нему, исправляя описку за опиской.

Когда писать не получается, я ищу оправдание своей лени и начинаю смотреть по сторонам. В этот раз мне повезло, так как у стены напротив стоял деревянный стеллаж со множеством книг и журналов. Я тут же проследовала к нему и ткнула пальцем в первый попавшийся фолиант. Это была игра с самой собой и удачей: что бы я ни выбрала, мне придется это читать. На обложке был изображен тот, кого моя дочь считала спасителем всех и вся. Я улыбнулась, а девушка-стенографистка впервые оторвалась от скоростного набора текста и улыбнулась мне.

– Увлекаетесь? – заинтересованно спросила она.

– Да нет, скорее моя дочь… Ей четыре года.

Она улыбнулась. Скоро мы уже мило беседовали обо всем, о чем только могут говорить люди одного пола, возраста и профессии. Такое совпадение казалось мне невероятным, и мы продолжали делиться мыслями, рецептами, адресами парикмахеров и рыбаков, которые привозят свежую рыбу прямо к порогу твоего дома. Правильней, конечно, сказать, что всеми этими полезными данными снабжала меня она, а мне лишь оставалось спешно записывать в свой лэптоп цвета пудровой розы, который наконец-то разогрелся от работы.

Ланч мы решили провести здесь же, и моя новая знакомая Дениз рекомендовала мне непременно попробовать ev mantısı[89], которые являются излюбленным блюдом стамбульцев всех поколений. Пока наш заказ готовили, я снова увидела книгу и

хотела вернуть ее обратно на полку, как вдруг решила, что, возможно, именно сейчас я могу немного прояснить невероятный феномен почти векового преклонения. Дениз, узнав, чем забита моя голова, только рассмеялась:

– Не нужно принимать это так близко к сердцу. Это невозможно понять. Чисто наше, турецкое.

По правде сказать, такой ответ меня совершенно не устраивал. Я жила в Стамбуле, и мне необходимо было понять, как мыслят мои соседи по дому; голосистые продавцы симитов; рыбаки, у которых я покупаю свежую рыбу, и, наконец, моя родная дочь, ставшая частью этого общества намного раньше своей медлительной мамы.

– Понимаешь, это часть нашей традиции, которую мы когда-то себе придумали. Турки уважают власть, особенно если она дала им так много, как Мустафа Кемаль. Конечно, сейчас девушки не прячут его портретики в медальонах на груди, как это было раньше…

– Однако его портреты повсюду… И прятать не нужно…

– Это знак, это символ победы, напоминание о том, что мы – великая нация, которая когда-то смогла постоять за себя. Ты же читала историю Турции, так ведь?

Конечно, я читала учебники, монографии, просмотрела десятки документальных фильмов, но никак не могла объяснить себе феномен тотальной любви к одному человеку.

Когда-то Ататюрк пошел наперекор султану, подписавшему акт о капитуляции в результате Первой мировой войны. Османская империя отдавалась на растерзание европейским державам. Это был крах, унизительный конец великой империи, простиравшейся когда-то от Вены до Малой Азии. Объединив вокруг себя войска, Ататюрк двинулся освобождать Стамбул – и победил. Страна ликовала, полностью отдав себя в руки новому правителю, который шаг за шагом превращал обожаемую им страну в передовое развитое государство. Количество реформ, которые он провел в первые годы своего правления, действительно впечатляет. За полгода он меняет алфавит с арабского на латинский – и через несколько лет повышает грамотность в Турции более чем на тридцать процентов. Он уходит от национальных платьев и заставляет турок одеваться по-европейски – это меняет ход их мыслей и приближает к продвинутому Западу. Женщины наделяются правом голоса и снимают чадру. Упраздняются султанат и халифат. Исламские секты запрещаются. Школа становится светской и обязательной. О Турции начинают говорить как о динамично развивающейся

державе. При этом Ататюрк, естественно, авторитарен и деспотичен.

Я пытаюсь проникнуться уважением к этому человеку, чтобы хоть как-то понять молодых людей, что проводят шумные вечера в клубах Нишанташи, слушают альтернативный стендап в культовом Blok Mekan[90], а после возвращаются в небольшие спальни арендованных квартир, на стенах которых обязательно найдется уголок для человека, которого они никогда не видели, но который для них будто близкий родственник – безвременно ушедший, но навсегда оставшийся в их сердцах.

Дениз из кожи вон лезла, чтобы донести до меня идею безусловной любви:

> – Это ритуал, который нас объединяет и делает как бы счастливее. Как, скажем, смена почетного караула у Букингемского дворца. Пользы никакой, а людям это нравится.

И я уже не говорю про саму королеву… А Санта-Клаус? Разве на этом несуществующем старике не помешан весь мир только потому, что украшение елки всей семьей, имбирная выпечка и подарки – всего лишь красивая легенда?..

Я читала не одно исследование о том, что именно традиции укрепляют счастье нации. Особенно этим отличались скандинавские народы.

– Нет-нет, запротестовала Дениз, – мы совсем не такие, как шведы или норвежцы.

> Мы, южане, очень темпераментные! Много пьем чая и ракы, много едим сладкого и жирного, много говорим и смеемся. Мы не любим прятаться по крохотным уютным домикам и зажигать свечи, нам комфортно в огромных залах, в которых гуляет ветер. Это наш кейф…

Легкая дрожь неуверенно забилась в груди: я будто бы снова приблизилась на заветные миллиметры к волшебному ощущению кейфа, который каждый раз так внезапно врывался в мою пресную жизнь.

Пока мы обсуждали еще один аспект стамбульского кейфа, нам принесли ev mantisi. В большой глубокой тарелке лежало с полсотни крохотных пельмешек, слепленных наподобие крестика или четырехлистного клевера. Надеюсь, к удаче… Во время подачи официант обильно полил их йогуртовой подливой и невероятно ароматным соусом ярко-оранжевого цвета. От обилия запахов закружилась голова, а с первой ложкой я растворилась в

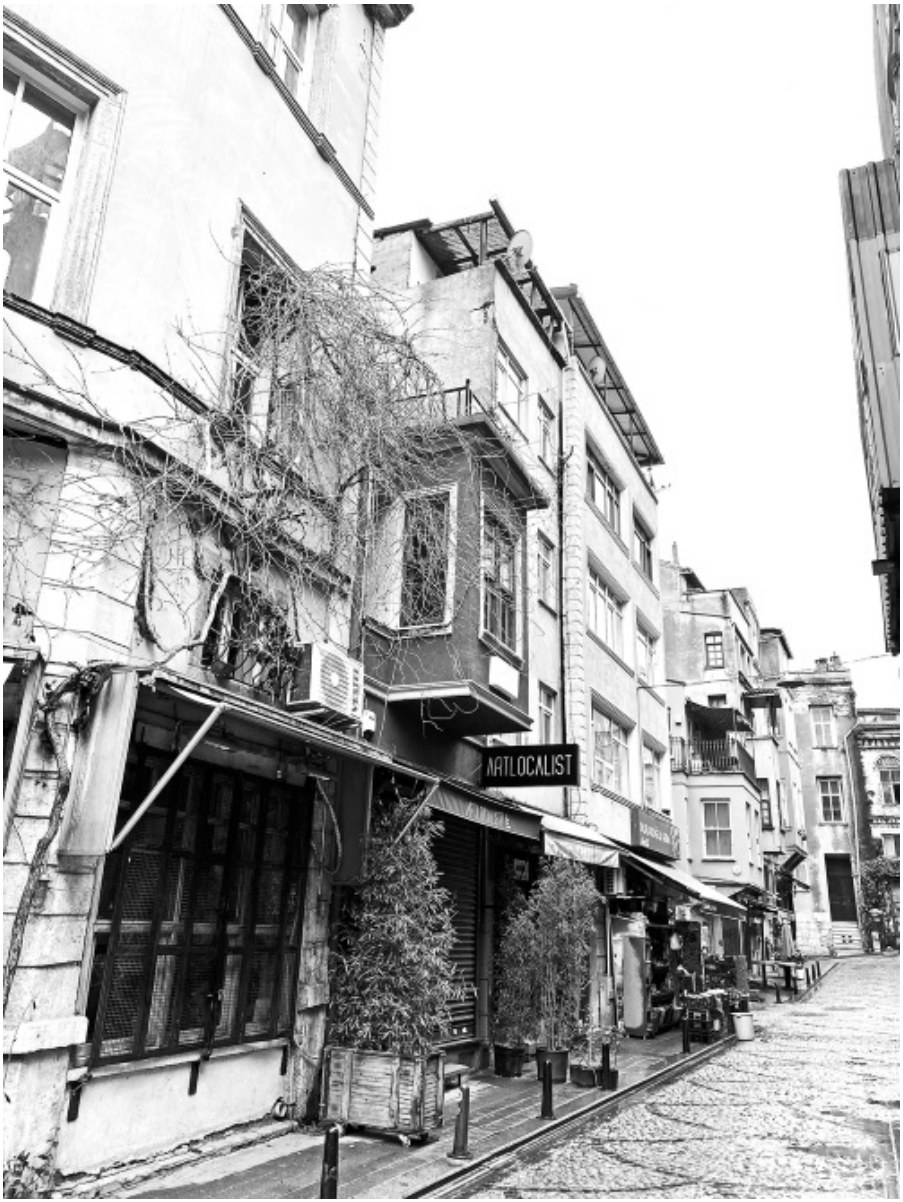
блаженном экстазе, как никогда веря в то, что жизнь прекрасна.

Телефон завибрировал. Звонил Дип. Обычно он вспоминал обо мне, когда шел на обед.

– Ты должен обязательно попробовать ev mantisi. Пожалуйста! Нам вечером будет о чем поговорить. – И я снова окунулась в совершеннейшую из трапез, приправленную беседой с очаровательной Дениз. Она окончательно покорила меня, когда попросила к нашему столику повара, —

> он тут же появился в белоснежной форме и милой косынке, из-под которой выбивались спиральки черных волос, напоминавшие фузилли с чернилами каракатицы, которые с аппетитом поедала парочка за соседним столом.

Через минуту разговорчивый шеф уже надиктовывал мне рецепт полюбившегося блюда, наглядно демонстрируя своими гибкими длинными пальцами, как вымешивать тесто, как раскатывать и как лепить. Он то и дело вспоминал своего деда, что научил его много лет назад некоторым хитростям, и мне было странно, что этими секретами он делился со мной так легко. Я попросила листок из блокнота у пробегавшего мимо официанта и самым скрупулезным образом записала все, что слышала и видела. Вернувшись домой, я тут же повторила все точь-в-точь, как научил меня шеф, чем привела в неописуемый восторг Дипа. Он клялся, что ничего вкуснее никогда не ел, и целых три раза просил добавки.



После ужина я решила переписать рецепт в свою кулинарную книгу, куда попадали лишь самые успешные и необычные блюда, когда-либо приготовленные на моей кухне. Однако в этот раз я не смогла избавиться от помятого листка с неровными краями и просто наклеила его на страницу, сделав небольшую приписку рядом: *Ноябрь, 2019. Стамбул. С благодарностью к Дениз.*

Рецепт

Домашние пельмени (ev mantısı) с йогуртом (любимое блюдо журналистки Дениз)

Тесто:

• 3,5 стакана просеянной муки
• 150 мл молока
• 100 мл воды
• 1 яйцо
• 1 чайная ложка куркумы
• 0,5 чайной ложки соли

Фарш:

• 400 г смешанного фарша (баранина + говядина)
• 2 тертые луковицы
• Пучок любимой зелени (в моем случае только кинза)
• Соль, сахар по вкусу
• 1 столовая ложка паприки
• 1 столовая ложка сухой мяты
• 0,5 столовой ложки молотого кориандра
• 1 чайная ложка куркумы
• 1 чайная ложка душистого перца

Йогуртовый соус:

• 200–300 мл йогурта
• 4 зубчика чеснока
• Соль и сахар по вкусу

Пряный масляный соус:

• 2–3 столовые ложки сливочного масла
• 1 столовая ложка сухой мяты
• 1 чайная ложка паприки
• 0,5 чайной ложки хлопьев перца чили
• Соль, сахар по вкусу

N. B*. Украсить сумахом готовое блюдо в тарелке*

Процесс приготовления миниатюрных ev mantısı, равно как и хорошо известных пельменей, можно отнести к особому виду таинства, в которое допускаются только самые близкие и продвинутые пользователи моей кухни. Обычно я включаю легкий джаз и несколько минут смотрю в окно: перед приготовлением пищи нужно успокоиться. Еда в нашей семье – ритуал, причем не только в сервированном виде на столе, но и задолго до этого – пока сковороды еще скучают в темном шкафу и медный сотейник в беспокойном нетерпении поблескивает на ржавом крючке в

дальнем углу плохо освещенной кухни.

Люблю готовить по утрам в выходные дни. Пока все спят и дом еще не наполнился шепотом, смешками и шарканьем кожаных тапок Дипа, я прокрадываюсь в свои тайные владения, где мне всегда тепло и уютно. Среди скалок и поварешек, антикварных фарфоровых соусников и поблекших приборов с гравировкой позапрошлого столетия я превращаюсь в самопровозглашенную королеву кухни. Передо мной склоняются в реверансе две чайки на узком приступке крохотного балкончика, на котором едва умещаются горшки с розмарином, отцветшие гиацинты и тюльпаны. Поливаемые частыми дождями, они ждут своего часа, чтобы через год порадовать меня свежими мартовскими всходами.

Я просеиваю муку в глубокую миску, делаю в центре углубление и вбиваю в него яйцо. Туда же отправляю щедрую щепотку соли и куркумы: тесто не должно быть пресным и блеклым. Начинаю медленно вымешивать вилкой, поочередно добавляя воду и молоко. Когда тесто собрано в цельный комок, перехожу к вымешиванию на столе – ну разве это не утренняя гимнастика? Если хорошо потрудиться, на следующий день легкая мышечная боль в руках напомнит о вчерашнем замесе.

Тесто не должно быть тугим. Оно податливое и ласковое, теплое и шелковистое. Иногда сформированный шар я обмазываю оливковым маслом, и оно начинает блестеть благородным перламутром. Эту гигантскую жемчужину я заворачиваю в пленку и оставляю на час – пусть отдохнет…

Начинка для турецких мантов готовится просто. Фарш смешиваю с мелко натертым или пропущенным через мясорубку луком, которого должно быть действительно много. Пусть не пугает выпущенный сок – он увлажнит мясо и сделает его более сочным.

К моменту раскатывания теста мои домашние потихоньку начинают подтягиваться. Мы дружно усаживаемся за круглым столом и, болтая о смешных глупостях, принимаемся за лепку. Каждый лепит как может. Я люблю классическую форму пельмешек из полукруга с соединенными уголками. Но в Стамбуле манты лепят иначе. Пласт теста разрезают на крохотные квадратики, уголки которых соединяют вместе, после чего проходятся пальцами по сторонам – получаются очаровательные крестики.

Казалось бы, никакой существенной разницы между мантами и привычными пельменями нет, но кое-что превращает турецкий аналог в совершенно незабываемое блюдо. Я говорю о соусах, которыми обильно поливаются манты прямо перед подачей.

Первый соус, конечно же, йогуртовый, потому что в Турции,

как я уже говорила, всё без исключения едят с этим продуктом. Его нужно слегка посолить, подсластить, выдавить пару зубчиков чеснока – и соус готов! Второй – это редкое открытие, которым я не перестаю восхищаться до сих пор. В сотейнике на небольшом огне растапливаю несколько столовых ложек сливочного масла. Как только оно приятно зашипит, забрасываю сухую мяту, чуть меньше паприки, немного порошка или хлопьев перца чили. Завершаю все щепоткой соли и сахара. Душистое облако поднимается над плитой, обволакивая меня дурманящими парами. Я быстро раскладываю шумовкой горячие манты, поливаю их йогуртом и сверху выкладываю несколько ложек обжигающего соуса цвета багряного заката. Мы дружно принимаемся за еду, бросая друг на друга восхищенные взгляды.

Так часто проходят спокойные обеденные часы в Стамбуле, раззадоренном скупым осенним солнцем.

> Улицы пустеют, собирая проголодавшихся горожан в крохотных кафе, запрятанных в тупиках кривых переулков;

на многолюдных фуд-кортах широких площадей, где гул туристов заглушает шум прибоя разгоряченного моря; на террасах каменных домов, все еще увитых божественной бугенвиллией, где в тени ее ярких соцветий можно вдоволь насладиться долгим домашним обедом, который тянется вплоть до вечернего бриза, сообщающего стамбульцам, что ужин не за горами…

* * *

Я изредка навещала великолепную Тукче-ханым, которая заговорщицки сообщала мне светские сплетни пятидесятилетней давности, и я уже практически чувствовала себя свидетельницей роскошных свадеб, громких адюльтеров и трагических разводов в Стамбуле первой половины XX века. Мы часами копались в пожелтевших газетных вырезках, которые она тщательно хранила в ящике своего комода шинуазри. Все они пестрели гламурными фотографиями разодетых по последнему слову моды элегантных дам и лощеных кавалеров. И всегда в заголовках, громких интервью и крохотных заметках неизменно фигурировало уже хорошо знакомое мне имя Мустафы Кемаля – Ататюрк.

> Забавно, что именно он наказал туркам взять фамилии, и каждый волен был придумать себе такую,

какая придется по душе.

Поэтому в Турции не встретишь Пупкиных и Сморчковых, а все сплошь Арслан – «лев», Бозкурт – «серый волк», Инан – «закон и вера», Адывар – «тот, у кого есть имя», Гекчен – «приходящая с неба», как у одной из приемных дочерей Мустафы Кемаля, ставшей первой в Турции женщиной-пилотом. Сегодня ее имя носит аэропорт в азиатской части Стамбула. Тогда же, в 1934 году, и сам Мустафа Кемаль обрел фамилию, которую прославил на весь мир, – Ататюрк. Никто более не имеет права носить это имя – такой здесь закон.

После знакомства с Дениз мы часто встречались с ней, чтобы за чашечкой тюрк кахвеси обсудить последние новости или просто поболтать ни о чем. Часто возвращались к теме Ататюрка и однажды отправились в тур по музеям его имени. По правде, все они были скучны и обычны: письма, документы, боевые панорамы… Но вот один, в который редко ступает нога туриста, мне показался весьма интересным. Особенно если учесть, что находился он в том самом месте, которое не так давно мне пришлось посетить по весьма необычному поводу, связанному с загадочной историей прародительницы детективов.

Оказалось, в том же отеле «Пера Плаза», известном такими прославленными постояльцами, как Агата Кристи, Альфред Хичкок, Эрнест Хемингуэй и многими другими, не мог не засвидетельствовать свое присутствие и любитель роскоши Мустафа Кемаль.

Едва придя к власти, он обустроился в одном из номеров (что-то наподобие штаб-квартиры), который до сих пор, как ни удивительно, закреплен за ним. Туда мы и направились однажды с моей веселой подругой Дениз. После смерти «отца всех турок», а именно так переводится фамилия Ататюрк, часть его вещей каким-то образом оказалась у личного водителя. Тот долго хранил ценные вещицы, а после решил удачно их продать и выставил на аукцион. Однако, к его великому удивлению, особого интереса к ним никто не проявил – никто, за исключением владельца «Пера Плаза», который выкупил все тридцать два предмета не торгуясь и разместил в номере 101. Как любительницу кулинарной тематики и старинных кухонных аксессуаров, меня привлекли кофейная чашка, приборы, чуть меньше – пижама и нижнее белье с монограммами… Но самым интересным объектом показался шелковый гобелен, который, по воспоминаниям современников, был подарен Ататюрку индийским махараджей примерно за десять лет до его смерти. На гобелене вышиты часы, которые показывают очень странное время: девять часов семь минут. Что это означало, я узнала гораздо позже.

Десятое ноября выпало на воскресенье. Мы все еще нежились в постели, хотя Амка давно ворковала со своими куклами в гостиной. И вдруг на мгновение мне показалось, что мир замер – и сразу после этого зловещего молчания раздался протяжный вой: длинный, тоскливый, задевающий все живое изнутри.

Стамбул превратился в единый протяжный гудок скорби: гудели машины, вдруг замершие на мостовых; гудели сирены проплывавших кораблей и барж по Босфору; и только люди молчали, выражая невероятно сильную, объединяющую волю народа.

Как только все стихло, я бросилась к телефону, который разрывался звонком. Это была Дениз:

– Вы не испугались? – взволнованно спрашивала она.

– Немного… – Я все еще была растерянна. – Что-то случилось? – В голове у меня кружились идеи о воздушной тревоге, потому что именно так по фильмам о войне мне представлялся вой сирены в блокадном Ленинграде.

Дениз собралась с духом и отважно произнесла:

– Сегодня в 9:05 перестало биться сердце Ататюрка. А в 9:07 умер его мозг.

После короткой паузы она добавила, что произошло это в 1938 году.

Я вспомнила таинственный гобелен с часами, который, получалось, предсказывал время смерти Ататюрка за десять лет до этого печального события.

Подобного рода тайны всегда кажутся зловещими и заставляют о многом задуматься. Но в этот раз я думала о другом: я понемногу начинала понимать, как важен был этот человек османскому миру – преданному и благодарному. В тот прохладный осенний день мне удалось пусть на несколько минут, но все же погрузиться в характерную для стамбульцев томящую грусть, которую они бережно несут сквозь десятилетия. Она всегда незримо присутствует в их сердцах, как смутное напоминание о том, что все в этом мире шатко и непостоянно: судьбы великих империй и жизни великих людей…

Свидание в холодном Стамбуле, или Как завести любовника в этом городе

20 декабря

Замерзшие прохожие и засыпающий Босфор. – Рыжая кошка, заманившая меня в тупик. – О молочном салепе, который пьют с приходом холодов. – Длинные ресницы обознавшегося Кадира. – Парящие вопреки законам физики ялы. – Тайный сговор двух страстных сердец.

Чем дольше мы жили в Стамбуле, тем больше я думала о странном стамбульском кейфе. Я продолжала ловить его мимолетное дыхание на скалистом берегу Босфора, на кромке белоснежного катера, по сто раз на дню соединяющего европейский и азиатский берега.

> Иногда кейф приходил ко мне с последним глотком густого кофе, сковывавшего терпким осадком обветренные губы. Он раскрывался в ярких брызгах только что очищенных апельсинов и слабо тлел в

мандариновых корках, разложенных на раскаленных буржуйках из старого чугуна.

Их зимний будоражащий аромат кружил у самого носа, опускаясь легкой горчинкой на кончик языка, стоило его слегка высунуть. Кофейни меняли тонкий лен скатертей на плотный зимний хлопок. Свежие цветы сменялись сухими ветками и еловыми венками, украсившими антикварные двери на западный манер.

Все мое тело предвкушало приход холодов, но неизвестный Стамбул жил по особому расписанию, не посвящая меня в свои планы.

Укутавшись в шерстяной палантин, я часами продолжала бродить по безлюдным улицам смущенного города, открывая его укромные места, которых он стыдился, как театральная прима первых морщин на еще свежем лице.

Я каждый день покупала у сгорбленной старушки жареный горох, но из брезгливости никогда не ела его, а делилась им со всеядными чайками, которые следовали за мной по пятам. Старушка еще предлагала пластмассовый вазон с цветущим рождественником, но я бы не донесла его до дому, а чайкам он был не нужен – и я каждый раз, стесняясь, отказывалась от покупки.

Ощущение потерянности снова настигло меня, как это обычно бывает в пору декабрьской хандры. Только на этот раз вокруг не мелькали рождественские огоньки и не ходили по улицам ряженые Санта-Клаусы, меня окружали замерзшие стамбульцы, бесцельно шатающиеся по холодным набережным и уныло глядящие в мутные воды засыпающего Босфора. Я заглядывала в их отчужденные глаза, пытаясь отыскать хотя бы призрачный намек на то, что ждет меня в будущем, но все они отводили взгляд, пребывая в такой типичной для Стамбула печали.

– Тебе надо просто влюбиться! – увещевала меня мудрая сестра из Лос-Анджелеса, где чувства вспыхивают так же быстро, как и угасают.

– Но как я влюблюсь? У меня есть Дип…

– Я ведь не прошу тебя завести любовника, нужно просто влюбиться, встряхнуться, наполниться новыми эмоциями…

Чувство стыда после таких разговоров долго не покидало меня: одна только мысль о параллельных отношениях вне стен

дома в моем старомодном сознании превращала меня в изменницу, и я тут же звонила Дипу, у которого, как всегда, не было на меня времени.

> Я работала целыми днями, и лишь с трудом улученные несколько часов старалась провести поближе к чайкам, которые своими развязными воплями пугали меня настолько, что я тут же поворачивала к дому.

В пять часов было почти темно. Озябшая, я искала укромное место, чтобы незаметно согреться и вдоволь насладиться минутами одиночества, которое теперь доставляло мне неимоверное удовольствие.

Пушистая рыжая кошка, за которой я зачем-то брела, завела меня в тупик неизвестной улицы Ватман. Возле искривленной вывески над незаметным кафе толпились люди. Они весело смеялись и, кажется, что-то отмечали. Я ненадолго приостановилась – их искренние улыбки на фоне пожухлых стен, с трудом освещаемых раскачивавшимся на ветру фонарем, выглядели забавно в это время года. Все они держали картонные стаканчики с ароматным кремовым напитком, источавшим невероятное тепло. Неожиданно кто-то взял меня за руку и потянул в сторону входа. В толпе невозможно было разглядеть, кто это, да и вырываться не хотелось: теплый свет из двери манил внутрь, не оставляя места сопротивлению. Я была уверена, что кто-то, крепко державший меня за окоченевшие пальцы, перепутал меня с какой-нибудь местной девушкой и сейчас начнет долго и эмоционально извиняться, а я скажу, что такое со всеми случается, и тут же уйду.

Внутри было фантастически тепло.

> Болотного цвета буржуйка коптила в дальнем углу, и мне захотелось погреться у ее горячей створки, за которой полыхали крупные угли.

Вдоль стены с большими зеркалами стояли незнакомые люди и оживленно беседовали. Мое появление никого не смутило, и это радовало. Я посмотрела перед собой – и увидела пушистые глаза (неужели бывают такие густые ресницы?). Это был обычный парень в растянутом свитере. Больше я ничего не могла бы сказать о нем, так как во всем остальном он был таким же, как все, только с очень необычными глазами. Он молча смотрел на меня, а я ждала извинений за то, что он так нелепо обознался. Он же снова взял меня за руку и повел к той самой буржуйке, о которой я стала мечтать, как только зашла в это скромное

заведение.

– Меня зовут Кадир. Я здесь работаю. У моего коллеги родился сын, и мы отмечаем.

– Ах вот почему здесь столько народу…

– Да, обычно у нас не так многолюдно… Даже наоборот. Эта улица тупиковая, и люди сюда заходят редко. А вы? Что вы тут делали?

– Я… Я пришла за кошкой. Рыжей.

То, что я говорила, было так нелепо, что мы просто рассмеялись, а после начали болтать так, как если бы были давно знакомы и даже дружили с детства. Мы не заметили, как прошел час. Толпа начала потихоньку разбредаться по домам, и я тоже заторопилась.

– Так быстро? – немного испуганно заговорил мой новый знакомый. – Но мы даже не выпили салеп! Я не отпущу без него, иначе вы простудитесь.

Так вот что пили все эти люди!

Салеп оказался невероятным напитком, который стамбульцы начинают пить с приходом холодов.

Тягучий, как мед, он обволакивает все внутри изумительной

текстурой – будто небо устилается бархатом. Английский писатель Чарльз Лэм[91] был хорошо знаком с этим напитком, который называл saloop, и горячо рекомендовал его в эссе «Похвала трубочистам» – особенно тем, у кого были проблемы с горлом, хотя и утверждал, что сам побаивался употреблять его из-за чрезмерно капризного желудка.

Готовится салеп из перемолотых корешков диких орхидей, что растут исключительно в горной местности. Этот целебный порошок, которому приписывают свойства афродизиака, медленно заваривают в молоке со специями. Но главное, он бережет от простуды и прекрасно укрепляет иммунную систему.

Рецепт

Зимний афродизиак «Горячий салеп» (порция на двоих)

- ***2 стакана молока***
- ***1 столовая ложка порошка корня салеп (то же, что и ятрышник)***
- ***2 зернышка кардамона***
- ***2 чайные ложки молотой корицы***
- ***Сахар по вкусу***

Мне было до того вкусно, что я расслабленно вытянула ноги у печки и буквально смаковала каждый глоток. Несколько посетителей тихо разговаривали за столиком в другом конце зала. Телефон завибрировал в кармане пальто: или муж, или дети – нужно ответить. Это был Дип. На экране светилось «7 неотвеченных вызовов». Наверное, из-за толстых кирпичных стен сигнал не мог пробиться…

Я внимательно посмотрела в глаза человеку, который так просто и так случайно вдруг возник в моей жизни: он был красив и, кажется, на пару лет моложе меня. Глаза, которые тут же сбивали с толку, он умышленно держал широко раскрытыми, чтобы у девушек не оставалось шанса.

– Если хочешь, я покажу тебе, как делают салеп. – И он направился в кухню, где, очевидно, никого не было. Впервые за долгие годы я ощутила странное однозначное чувство, которое напугало меня настолько, что я быстро обмоталась шарфом и почти бегом направилась к выходу. Уже на улице Кадир меня догнал.

– Не обижайся, я ничего дурного не имел в виду.

Его пушистые глаза смешно моргали, и крохотные капли дождя блестели на длинных ресницах как слезинки. Мне же хотелось узнать всего лишь одно.

– Почему ты меня привел сюда? Так просто взял и потянул за руку…

Он с минуту обдумывал ответ, а после все-таки решил сказать правду:

– Я обознался. Ждал другую девушку… Вы очень похожи.

Я не стала спрашивать, почему он не сказал об этом сразу и где та девушка, – все было ни к чему. Я просто поблагодарила его за превосходный салеп, который наполнил меня теплом, и быстро зашагала прочь, набирая номер Дипа.

* * *

Через несколько дней случилось прекрасное. Мы оставили детей дома, а сами отправились к ночному Босфору. Прямо у мечети Ортакей нас ждала небольшая яхта, украшенная огоньками желтых гирлянд.

> Приятной наружности капитан учтиво подал мне руку, и я тут же ощутила едва уловимое покачивание – земля уходила из-под ног, а вместе с ней и все сомнения и переживания.

– Когда ты успел организовать все это? – Я не верила, что Дип был способен на такой сюрприз. Обычно он ждал идеи от меня, после чего долго обсуждал предложение, которое через несколько дней теряло актуальность, а я – интерес. В этот раз все было иначе. Он просто взял и привез меня к моему любимому причалу, у которого когда-то началось мое знакомство с этим удивительным городом.

Холодный ветер дарил ледяные объятия, играя с нами в какую-то игру, налетая резкими порывами. Но мы крепко держались за поручень, отделявший надраенную палубу от ледяной пучины – такой пенной и игривой.

> Мимо проплывали роскошные ялы, вопреки законам физики парившие над водной гладью.

Их длинные окна, горящие теплым светом, уже который век любовались азиатским берегом, который был для них недосягаем. Дворцы известных вельмож, в которых сейчас размещались отели и рестораны, казались не из этого мира: сегодня и в голову

никому не придет построить нечто подобное – настолько прекрасны и сложны были эти сооружения.

> Их век катился к закату, и, если бы не твердость камня, из которого их соорудили, они давно бы уже превратились в груды обломков, какие в этом городе встречались повсюду – молчаливые свидетели стареющего Стамбула.

Я с восторгом смотрела на гигантские корабли, входившие в спокойные воды Босфора со стороны Черного моря: как исполины, они медленно разрезали высокими носами ледяную воду и протяжно мычали – тоскливо и одиноко. Парочки заносчивых чаек кружили над нашими головами.

– Прочь пойдите! – крикнул им добродушный капитан и протянул нам два стакана с ароматным напитком. – Выпейте, вам сразу станет теплее.

Я прижалась губами к горячему стеклу, и дурманящий запах распаренной корицы закружил мне голову. Дип стоял рядом, потягивал мягкий салеп и смотрел вдаль. Он, как всегда, был немногословен, но в этом был он весь.

– Ты мог бы мне изменить? – спросила я его.

Он медленно покачал головой.

– Мне кажется, нет. А ты?

– А я да. – И нежно поцеловала его горячими от салепа губами.

В тот вечер я осознала, что часть моего сердца теперь принадлежала другому. Он будил меня по утрам криком голодных чаек; дарил пряные поцелуи терпким кофе; целовал ноги шелком ковров в уютных мечетях; умывал брызгами волн на скалистом ложе берегов, где я все чаще укрывалась от навязчивого шума несмолкающих дорог. Он ревновал меня к аэропортам, которые уносили прочь от него, но я каждый раз возвращалась в его нежные объятия. Стамбул полюбил меня страстно, а я его навсегда, сделав своим тайным любовником, который бережно хранил нашу тайну и никогда не требовал большего, чем мы уже имели.

7 жизней и одна из них в Стамбуле. Кошки

16 января 2020 г.

Январские дожди и резиновые сапоги. – Старинная буржуйка и медный чайник. – Чечевичное таинство на моей кухне. – О магическом и всесильном слове «kedi». – Божья благодать в виде уличной кошки. – Ночное барабанное шествие. – Новый навык безусловной любви.

Я полюбила просыпаться в громкоголосом Стамбуле, но еще больше мне нравилось наблюдать за его быстрыми закатами. Стоило лишь солнцу заскользить по покатому куполу неба в сторону горизонта, как густой мрак тут же обволакивал отсыревшие постройки. Январские дожди в этом городе не редкость: они моросят по утрам, запугивая и заставляя поеживаться выходящих из тусклых парадных прохожих; они набираются сил к обеду и обливают щедрым потоком спешащих в ближайшую локанту за горячей чечевичной похлебкой. А по ночам дожди превращаются в беспощадные ливни, которые загоняют самодовольных кошек под дырявые кровли трущоб и отсыревшие подвалы, кишащие прожорливыми крысами.

Я наконец-то достала высокие резиновые сапоги Joules, купленные когда-то в не менее дождливом Лондоне, и, укрывшись огромным зонтом, широкими шагами отмеряла

километровые расстояния. Где-то высоко случались редкие громовые раскаты, и, боясь их, как в детстве, я вжимала голову в плечи и брела в сторону древнего греческого кладбища в Шишли, которое действовало на меня завораживающе.

Во время таких прогулок обычно легко думалось: пропитанный озоном воздух напоминал далекое детство. Так пахло выстиранное белье, что подолгу сушилось на улице; так пахли мамины волосы, если ей приходилось долго стоять на остановке в ожидании заветного автобуса № 95. Прошло столько лет, но если я случайно вдруг вижу две эти цифры, то непременно вспоминаю куст сирени, что рос на старой остановке моего детства: его листики я нещадно обрывала на билетики для несуществующих пассажиров заветного маршрута.

Разноцветные кошки поджимали мокрые хвосты и хмурыми взглядами и недовольным рычанием провожали мои броские сапоги с изображениями собак. Я с укором грозила им пальцем и тут же прятала руку обратно. В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Дипа: «Если ты где-то рядом, идем в наше место» – и я спешно зашагала в сторону небольшой локанты, в которой нас всегда ждал крохотный столик в тесном углу у окна.

Едва я зашла в этот маленький ресторанчик, как меня тут же обдало влажным теплом, исходившим от мокрой одежды обедавших. Они быстро сменяли друг друга за столиками, так что все было похоже на бешеную карусель. Официант Ибрагим, завидев меня, громко крикнул:

– Abla, burdayım![92] – и тут же кинулся протирать стол, за которым мы частенько обедали с Дипом. Несколько студентов только что закончили пить кофе и натягивали все еще мокрые куртки поверх коротких худи, едва скрывавших голые животы. Меня передернуло и обдало мурашками от этого зрелища: юность всегда и везде была чрезмерно оголенной…

Дип влетел в локанту так резво, будто за ним гналась стая голодных кошек. Он походил на воробья, искупавшегося в весенней луже: насквозь мокрый, но абсолютно довольный. Отряхиваясь, он рассыпал брызги в разные стороны, так что мне пришлось поскорей усадить его за стол, пока он не распугал всю публику.

Окна, запотевшие от дыхания громко разговаривавших людей, размывали унылый пейзаж за окном. Огни проезжавших машин отражались в мокром асфальте и создавали иллюзию трехмерного изображения. Сотни ярких зонтов торопливо проплывали вдоль тротуаров, придавая романтическое настроение в этой простенькой забегаловке.

Недалеко от нас дымила старинная буржуйка. Небольшие языки пламени лизали закопченное стекло, и медный чайник пыхтел от удовольствия на чугунной полочке над самым огнем.

Мне подумалось, что если уют и существует, то он должен быть именно таким: у топящейся печки и с холодным дождем за окном.

Ибрагим подоспел с двумя тарелками оранжевой похлебки, политой перечным маслом, от которого шел пряный аромат. Я наклонилась и глубоко вдохнула: в носу приятно защекотало, и лицо покрылось мелкими капельками пара – это как в детстве дышать над горячей картошкой. Мы принялись за густой kırmızı mercimek çorbası[93], смакуя каждый обжигающий глоток. Тепло золотистого цвета разливалось во рту, затем спускалось к грудной клетке и там блаженно растекалось по всему телу, согревая и успокаивая. Дип заедал каждую ложку лепешкой с маслинами – я видела, как ему хорошо, и меня это радовало.

Рецепт

Зимний чечевичный суп (мерджимек) под шум стамбульского дождя (в расчете на одну влюбленную и слегка замерзшую парочку)

• 1 стакан красной чечевицы

• 1 большой клубень картофеля

• 1 большая луковица

• 1 большой помидор (можно заменить столовой ложкой томатной пасты)

• 1 столовая ложка паприки

• 1 чайная ложка куркумы

• 1 столовая ложка сухой мяты

• 2 столовые ложки оливкового масла

• Соль, сахар и черный перец по вкусу

• 2 четвертинки лимона

Для пряного соуса:

• 2 столовые ложки топленого масла (можно заменить обычным сливочным)

• 1 чайная ложка тимьяна

• 1 чайная ложка сушеной мяты

• Красный перец в хлопьях (можно крошкой)

Чуть только первые холода дают о себе знать, я тут же достаю толстодонный казан, в котором изумительно получаются не только пловы, но и густые зимние похлебки, дарящие так много тепла и уюта. Это удовольствие, от которого приятно урчит в животе и непременно хочется добавки.

Как и все на моей кухне, чечевичный суп готовится быстро и весело. В слегка разогретое изумрудное оливковое масло выкладываю мелко рубленные лук и чеснок. Зашептались? Щедро посыпаю их специями и даю несколько минут потомиться. Душистые испарения так и норовят улизнуть из высокой кастрюли и осесть у кого-нибудь из домочадцев на носу. Но носам в кухню вход воспрещен, потому что на ней работает магия, и я в ней – главная волшебница.

Засыпаю золотую чечевицу и хорошенько все вымешиваю – оранжевые зернышки на глазах слегка набухают и становятся прозрачными. Поверх всего этого великолепия натираю помидор так, чтобы его сочная мякоть оказалась в казане, а шкурка в руке. Это очень просто! Немного соли и сахара – чтобы уравновесить сложные вкусовые сочетания – и можно заливать водой. Пусть похлебка потомится минут двадцать-тридцать.

Как только плотная чечевица начала терять форму, снимаю казан с огня и тщательно измельчаю его содержимое. Погружной блендер – идеальное для этого приспособление. Нет блендера, как у большинства стамбульских бабушек? Что ж, тогда наваристую кашицу можно протереть через сито или, в конце концов, хорошенько пройтись по ней толкушкой. Золотистый крем-суп на выходе порадует своей воздушностью даже самого искушенного гурмана.

Подавать суп мерджимек нужно в глубоких тарелках – так он дольше продержит тепло, а есть его нужно именно горячим.

Уже в тарелке я обычно поливаю похлебку пряным соусом, хотя и без него суп хорош. Для поливки я растапливаю топленое масло, придаю ему красок тимьяном и перцем – и тут же разливаю поверх супа. Долька лимона непременно должна лежать рядом с тарелкой: выжимаю свежий, сводящий скулы сок в тарелку и приступаю к постижению истинного кейфа, так легко доступного каждому, кто хоть однажды попробовал приготовить, а после и насладился наваристым kırmızı mercimek çorbası.

У окна, упиравшегося в самую землю, показалось еще одно золотистое чудо: рыжий котенок жалобно стучал лапками по стеклу. Официант, позабыв о клиентах, ожидавших свои порции, бросил поднос на стойке и опрометью кинулся на улицу. Через минуту он уже обхаживал крохотное существо с премилой рыжей

мордой и ужасно голодными глазами. Новому посетителю предлагались изысканные деликатесы локанты, и он охотно дегустировал каждый из них, вызывая бурю восторга в глазах посетителей. Всех, за исключением нас. Мы никак не могли понять безграничную нежность, которой стамбульцы одаривали уличных котов, а ведь на них наверняка прыгали сотнями блохи и кишели прочие микроорганизмы. Меня мама учила ни при каких обстоятельствах не гладить незнакомых кошек. В Стамбуле, похоже, это правило было никому не известно.

Как-то мы решили позавтракать едва ли не в самом современном торговом центре Zorlu, известном своими ресторанами на весь Стамбул. Хотя назвать это место торговым центром как-то неправильно, потому что Zorlu – это город будущего, великолепный комплекс, объединяющий все, что может понадобиться самому взыскательному клиенту. В роскошных резиденциях с вертолетными площадками здесь периодически останавливаются Леди Гага и Дженнифер Лопес, так что я с полной уверенностью предвкушала феноменальный сервис и баснословные цены. В одном из причудливых ресторанчиков с просторными террасами мы долго не могли найти свободный столик. Стоит пояснить, что заняты они были не посетителями, а обычными дикими кошками, которые, вольготно развалившись на мягких креслах, томно помахивали хвостами и что-то мурлыкали себе под нос. Дип указал официанту на очевидную антисанитарию в действии, на что тот радостно развел руками и убежал. Мы подумали, что он нас не понял, и подозвали другого:

– Мы хотели бы сесть. Вы можете убрать вот это? – и Дип указал на внушительных размеров остроухого барса, который недовольно косил на нас сонным глазом.

Официант удивился, но к коту все-таки подошел. Я с интересом наблюдала, какой же здесь механизм выдворения этих вполне уверенных в себе существ.

> Удивлению моему не было предела, когда вполне сурового вида молодой человек с татуировками на руках и множественным пирсингом по всему телу склонился над сонным котом и начал что-то нежно нашептывать ему на ухо.

И это все?! Кот даже не обратил внимания на столь нелепую попытку своего выдворения, и официант, разведя руками, произнес сакральное слово, которое мы еще часто будем слышать в этом влюбленном в котов городе.

– Kedi[94]…

Но как так?! Мне хотелось бежать официанту вслед и кричать, что клиенты – это мы, и зарплату ему платят из наших кошельков, но я, конечно же, ничего не сказала – хотя бы потому, что в то время едва ли могла поздороваться по-турецки. Мы сели за обжигаемый солнцем столик: он был единственным незанятым – немудрено, ведь за ним было невозможно сидеть.

Я не переставала следить за наглым котом, который занимал половину скамьи. Вскоре появившаяся парочка ничуть не смутилась этим обстоятельством и, нежно приподняв

продолжавшего спать кота, аккуратно переложила к себе на колени. Их не смущали ни его плешивый затылок, ни ободранный хвост. Его с любовью трепали за вихры и подсовывали под нос небольшие кусочки итальянской прошутто и сливочного бурраты.

Определенно, с таким странным положением дел стоило разобраться, и я начала повсюду искать ответы на не менее странный вопрос: почему в Стамбуле так любят котов?

Оказалось, что так было всегда: Константинополь быстро усвоил, в чем польза от этих прикормленных хищников, и всячески поощрял их шумные сборища на плоских крышах византийских построек. С приходом султаната ситуация не изменилась: османы, помня наказ Мухаммеда, боготворили четвероногих существ, превратив их в едва ли не священных животных. Турецкий муж моей знакомой Наташи, который, как и все стамбульцы, был без ума от кошек, с упоением рассказывал:

– Однажды Пророку понадобился его халат, на рукаве которого спала кошка. Не желая ее тревожить, он отрезал рукав и вышел в таком виде – без одного рукава.

Я с удивлением посмотрела на рассказчика, но Наташа, закатив глаза, велела мне не развивать тему – и я не стала, хотя вопросов по поводу мурлыкающих созданий, встречавшихся в этом городе буквально на каждом шагу, у меня было по-прежнему превеликое множество.

Я стала с интересом изучать трехъярусную биосистему города: под водой обитало невероятное количество разновидностей рыб, на земле бродили расслабленные кошки и псы, а небо присвоили себе скандальные чайки, заглушавшие своей бранью гудки проплывавших по Босфору пароходов. И только человек аккуратно лавировал меж этими абсолютно самодостаточными царствами, предлагая всем дружбу, мир и приятное соседство.

– Почему вы так любите кошек? – спросила я как-то у рыбака, который потрошил прямо на пристани свежий улов мелкой хамси. Потроха он тут же скармливал прожорливым хвостатым, которые с трудом отбивались от еще более настырных чаек, норовивших отобрать у них продовольственный паек.

> – А как же не любить кошек? Если мы их любить не будем, кто же тогда? Они для меня как дети, понимаешь?

Ах, если бы только я могла понять… Но мой кондовый мир чистых рук и страшилок о сорока уколах в живот от бешенства не позволял впустить в него блуждающих по помойкам существ и

тем более лезть к ним с поцелуями в самую морду.

Рыбак, словно прочитав мои мысли, подтянул к себе одного котенка с перебитым хвостом и смачно чмокнул его в тощий затылок.

– Без них нет смысла. Они чистые и настоящие. Как бы плохо мне ни было, поглажу такого – и настроение поднимается. Они нашу дурную энергию забирают, а отдают взамен свет.

Звучало как в рекламной брошюре об антидепрессантах, которые мне как-то пытался продать бывалый психотерапевт. Значит, кошки лечат… Интересное мнение – и я побрела на базар за свежей зеленью.

Идти по узким торговым рядам было невероятно сложно из-за несметного количества котов, которые самым бессовестным образом воровали все, что плохо лежало. Все это вызывало бурю восторженных выкриков продавцов. Они наперебой рассказывали друг другу, у кого сколько товара стянули сегодня кошки, и, казалось, были этому безумно рады. Я скептически качала головой, находя для себя одну очевидную пользу от этих животных: именно они, подкупленные кусочком мяса из горячего дюрюма[95], заводили меня в самые необычные места этого волшебного города.

По дороге мне приходилось то и дело обходить картонные домики и плошки, доверху наполненные кормом и свежей водой. Об этих кормушках заботились муниципалитет и просто сердобольные горожане. А так как сердобольным в отношении кошек здесь можно было назвать каждого, дефицита в пропитании у местных четвероногих никогда не было. Я заглянула в один из домишек, заботливо устланный куском пушистого пледа. Над входным отверстием висел крохотный портрет Ататюрка. Как же это все-таки по-стамбульски…

Вся жизнь в Стамбуле вращается вокруг расслабленных котов. Их с радостью привечают в начале долгого дня, нога в ногу с ними пересекают широкие проспекты, с ними вместе едят и, конечно, укладываются спать – стоит им завести свою протяжную песню, лично мне напоминающую этюды моей давнишней соседки, учившейся игре на скрипке.

В Стамбуле нет чистых и грязных котов: все они одинаково любимы, а главное, им открыты любые двери: будь то атмосферная кафешка, подъезд многоэтажного дома и даже частная квартира. Такое поразительное сосуществование человека и дикой природы привело меня к неожиданному выводу.

Возможно, в этой маниакальной любви к кошкам прячется еще один элемент стамбульского кейфа?

Я не могла не спросить об этом у соседки Эмель. Она лишь громко рассмеялась.

– Ну конечно, кошки – это часть нашего мира. Мы просто обожаем чесать их мягкие шейки. – И она чуть не взвизгнула от удовольствия.

– Получается, чтобы полностью овладеть техникой кейфа, мне нужно также зацеловывать уличных котов?

– Зацеловывать необязательно, а вот сторониться их, как ты делаешь, когда мы пьем кофе, не стоит. На тебя странно смотрят, – добавила она после короткого раздумья.

Так вот почему официанты едва не тыкали в меня пальцами, а после и вовсе принесли холодный кофе… А ведь я всего лишь пыталась отвадить от столика навязчивую кошку, которая терлась о меня пушистым хвостом и не давала работать.

– Если к тебе приблизилась кошка и, что еще лучше, – трется у твоих ног, значит, на тебя сошла божья благодать, – пояснила Эмель.

– А если я боюсь кошек, как быть?

– Бояться кошек невозможно, – резко ответила она. – Они бедные, и мы должны их жалеть…

Хорошо бы, чтобы все были такими бедными… То, что наблюдала я, являло образ стамбульской кошки в совершенно ином виде. Пушистые всеобщие любимцы и любимицы целыми днями купались в лености, принимая солнечные ванны, к полудню переходили в тень ветвистых платанов, ближе к вечеру ублажали утробы из многочисленных мисок, расставленных буквально на каждом квадратном метре, а ночью начинали кутить на широких крышах прямо у моего окна.

* * *

В Стамбуле я привыкла засыпать под крики вечно спешащих мотоциклистов, вздохи поваров, вышедших покурить после утомительного дня из близлежащих кафешек, и звон вечернего колокола на старинном соборе, который, словно заботливый сосед, исправно оповещал о времени отхода ко сну. Все эти звуки казались мне частью магической симфонии, написанной величайшим композитором. Порой, во время священного месяца Рамазан, я просыпалась от монотонного набата барабанщиков,

что обходили все кварталы города, извещая спящих жителей о приближающемся времени сухура – предрассветной трапезы постящихся.

> Глухие звуки кожаных барабанов действовали на меня ободряюще, и, стоило ночным глашатаям показаться в конце улицы, как я тут же выныривала в окно и с благоговением провожала это странное ночное шествие.

Ближе к рассвету крикливые чайки прикрывали свои шумные базары и отправлялись на покой. Вместе с ними засыпали и кошки – правда, ненадолго. Они вскоре поднимали свои заспанные морды навстречу первым лучам солнца, медленно выползающим из-за темных вод Босфора. С видом гордых египетских богинь они неподвижно медитировали. Возможно, именно в такие минуты коты наполнялись положительной энергией, чтобы позже передать ее добросердечным стамбульцам…

В тот день, возвращаясь после чечевичного обеда домой, я впервые начала смотреть на кошек иначе. В лавке по пути я даже купила пакетик корма и наполнила им одну из мисок – найти пустую было нелегкой задачей. Сидящая рядом пушистая красавица поковыряла мясные подушечки лапой и, спокойно мяукнув, благодарно посмотрела мне прямо в глаза. Она ко мне обращается?

Я мысленно поблагодарила Стамбул за еще один ценный навык, так легко подаренный мне, и решила:

> если я когда-нибудь буду кошкой, одну из своих семи жизней я непременно проведу в Стамбуле.

Магический круг жизни, или Последнее предсказание Румели

10 февраля

Назойливые советы многодетной мамы. – Балерина Санем с голосом Буденного. – Каберне-совиньон из местной винодельни. – Безразличные «ябанджи» и типичный стамбульский дом. – Винтажная сорочка и крохотное распятие. – Говорящие щепки корабля аргонавтов и воля богов. – Природа страхов и величие вечности. – Пустая салатница с бабаганушем. – Исполнение кофейного пророчества.

Я тихо закрыла дверь за неугомонной Эмель, которая весь вечер болтала в моей гостиной о своих детях. Амка с Барбарой в столь поздний час уже мирно посапывали в своих кроватях, а у меня от хронического недосыпа кружилась голова и слегка подташнивало. Хорошо еще, что я не притронулась к вину: никогда не умела пить, а в такое позднее время тем более.

Три часа подряд я выслушивала советы многодетной мамы со стажем о том, как нужно любить себя и не зацикливаться на отпрысках. Как бы я хотела научиться правильно реагировать на шалости детей и вместо длительного монолога с поучительными интонациями произносить одну лишь фразу: «Уфф! Аллах-Аллах!» – и закатывать глаза, как все стамбульские мамы. После этой магической фразы их дети тут же исчезают в комнатах, понимая, что мама недовольна и ее лучше не трогать. Правда, с папами дела обстоят иначе: с ними можно бесконечно долго канючить, потому что отцовская любовь в этом городе не имеет границ.

> Эмель была показательной мамой-одиночкой, которая тянула четырех сорванцов и алименты из мужа – причем эти занятия ей давались одинаково легко.

Она была из тех женщин, которые знали себе цену и свою родословную; для меня же она оставалась приветливой подругой, успешно пользовавшейся мной каждый раз, когда ей нужны была машина, нянька или десяток яиц.

Сегодня она настоятельно требовала, чтобы Амка вернулась в балетную школу, в которой ее дочка уже три года училась делать реверанс, но каждый раз спотыкалась на ровном месте и кувырком падала на стоящих рядом. Эмель была в восторге от ее грациозности (слепая материнская любовь?), равно как и преподавательница Санем —

> довольно крупная женщина с конским хвостом на макушке и очень грубым голосом. Когда она выкрикивала «plié – demi plié[96]», мне представлялся Буденный с шашкой наголо.

– Она не может быть балериной, – шепнула я соседке, когда мы пришли на пробное занятие. Эмель округлила и без того круглые глаза и едва не проглотила меня от гнева из-за моего нелепого предположения.

– Конечно же, она балерина! А кто еще может открыть балетную школу? Думай, о чем говоришь! Знаешь, чего нам стоило попасть к ней в класс?!

Меня это удивило, так как нам попадание в группу к этой Терпсихоре стоило одного телефонного звонка. Девочки, разодетые влюбленными папашами как примы Большого, беспорядочно бегали по кругу, ужасно косолапя и наступая друг другу на ноги. Моя Амка, которая с двух лет смотрела постановки Петипа и ежедневно выступала в импровизированной пачке из остатка тюля, с ужасом смотрела на весь этот хаос и жалась к стенке, в то время как все те же счастливые родители снимали

своих чад на мобильные телефоны и тут же сливали видео бабушкам и в Инстаграм сториз.

– Неужели они думают, что кто-то захочет смотреть этот балаган?

– Это не балаган, а балет, – скривившись, заявила Эмель, – и, если не нравится, не смотри.

Мы с Амкой ушли. Всю дорогу она молчала – так мы перестали посещать балетную студию, а Эмель – наш дом.

Но сегодня она заявилась с бутылкой турецкого каберне-совиньон «Doluca». Я только уложила детей и предвкушала сладостные часы в обнимку с книгой до самого рассвета, но планам не суждено было сбыться.

– Мои дети у бабушки, твой муж – в командировке! Что это значит?

Я отрешенно втянула голову в плечи и скосила глаза на раскрытую книгу на диване – может, она догадается о моих планах и уйдет к соседу-гею? Но пантомима не возымела должного эффекта – Эмель уже свободно расхаживала по кухне и звенела посудой, пытаясь найти бокалы. «Почему я не могу выставить ее за дверь?» – думала я, выслушивая очередной скучнейший рассказ о том, как она была беременна четвертым. Часы показывали хорошо за полночь.

– Тебе что, неинтересно? – Наконец она обратила внимание на мои непрекращающиеся зевки. У меня совершенно не было сил врать, и я кивнула.

– Ты должна была сказать раньше, что устала. Мы ведь подруги.

– Но ты бы обиделась. – Я не верила, что проблему можно было решить так легко.

– Мы, стамбульские женщины, никогда на подруг не обижаемся, так что впредь говори сразу. – Она, быстро напялив тапки, что дождались ее у кромки ковра, направилась к двери. Остатки вина она забрала, сославшись на то, что я все равно не пью, но я-то знала, что после меня она прямиком направится к тому самому соседу, с которым уж точно можно болтать до рассвета. Эмель не могла позволить себе провести ночь дома, когда ее дети гостили у кого-нибудь. В такие дни она была похожа на бигля, которого долго держали взаперти и вдруг привели в парк и спустили с поводка. Я как-то наблюдала такую сцену, и теперь она ассоциировалась исключительно с неутомимой соседкой.

После ее ухода строчки расплывались, и я так и не смогла увлечься чтением. Я сидела в полутемной комнате, и только порывистый ветер, будто одинокий странник, стучал во все окна,

ища пристанище на ночь.

Телефон Дипа был отключен.

Я вышла на террасу и, подхваченная вихрем, едва удержалась на ногах. Резкие порывы трепали волосы, слепили глаза. Чужие холодные высотки горели бледными торшерами в небольших спальнях. Кругом все было таким незнакомым и пугающим. Опустившись на холодный каменный пол, я уткнулась носом в завядший рододендрон и заревела, как в детстве. Я рыдала, потому что было горько и одиноко: вокруг были совершенно чужие люди, которые вот уже год говорили со мной на чужом языке, учили чужим нравам и традициям. Меня окружали дома и деревья, мимо которых никогда не проходил ни один старый знакомый или родственник, и это ужасно удручало. Я, словно отрезанный ломоть, не подходящий ни к одной буханке, пыталась понять то, что не принадлежало ни мне, ни моим детям. Дипа, как обычно, не было рядом. И хотел ли он вообще быть со мной – такой непонятной и нервозной?

За стенкой террасы послышалось шевеление, и через мгновение черная аккуратная головка Айше высунулась с соседнего балкона. Я мигом вытерла слезы.

– Ты что всем спать не даешь? – грозно спросила она. – Эту бездельницу Эмель выставила уже?

– А вы откуда знаете, что она была у меня?

– Дорогая, в стамбульском доме все и всё знают. Мы же не такие безразличные, как вы, «ябанджи»!

Ох уж это ненавистное слово, которым меня встретил когда-то этот город. Я целый год старалась изо всех сил, чтобы никогда его не слышать, но оно все снова и снова настигало, и я горько заплакала. Пусть видит Айше, что мне плохо – почему я должна все скрывать?

– Ты не пила с этой мерзавкой? – В нашем доме Эмель недолюбливали, хотя мне она казалась вполне приятной. По крайней мере, она единственная была моего возраста, что, конечно же, давало ей ряд преимуществ по сравнению с другими подругами.

– Если нет, тогда открой мне. Не хочу звонить – детей разбужу.

Я с трудом вошла внутрь: ветер не хотел отпускать меня и так и норовил ворваться бешеным вихрем в комнату, так что пришлось приложить немало усилий, чтобы совладать с дверью.

Я никогда не видела Айше ночью: то, что скрывал мрак на террасе, теперь, при свете яркого торшера, бросилось в глаза. Она была бледной и немного измученной. Осунувшееся лицо казалось намного старше. Она туго затянула свою хрупкую фигурку в

бумазейный халат, из которого выглядывало белоснежное кружево винтажной сорочки, едва скрывавшей крохотное распятие на старческой шее.

– Иди собирайся, девочка, тебе нужно кое-что увидеть, – спокойно сказала она.

Я молча смотрела на нее, не понимая, куда собираться.

– Оденься потеплее. Я дам адрес. Это не очень далеко. Ночью за полчаса доедешь. А я с детками твоими пока посижу. Ты не пожалеешь об этом, – и она крепко сжала мою руку в своей большой, такой сухой и теплой, ладони. Это прикосновение одарило меня теплом, какое может исходить только от самых близких, которых так давно не было рядом. Я не могла не верить Айше: в ее глазах горела мудрость старинного рода фанариотов, веками процветавших на этой земле, пока их славной эпохе не суждено было завершиться.

* * *

Я мчалась по практически пустому городу, опустив крышу в автомобиле, так что ветер хлестал меня по щекам, приводя в чувство. Сон отступил, проиграв в неравной схватке с невероятным возбуждением, от которого трясло изнутри. Я знала, что прекрасный Стамбул приготовил мне очередное испытание. Он говорил на языке шуршащих по влажному асфальту шин, воющих сирен полицейских машин, ревом винтов вертолетов, разрезавших черное небо белоснежными корпусами. Он толкал вперед навстречу приключению, от которого перехватывало дыхание: оно стояло комом в горле, сковывало руки, ноги…

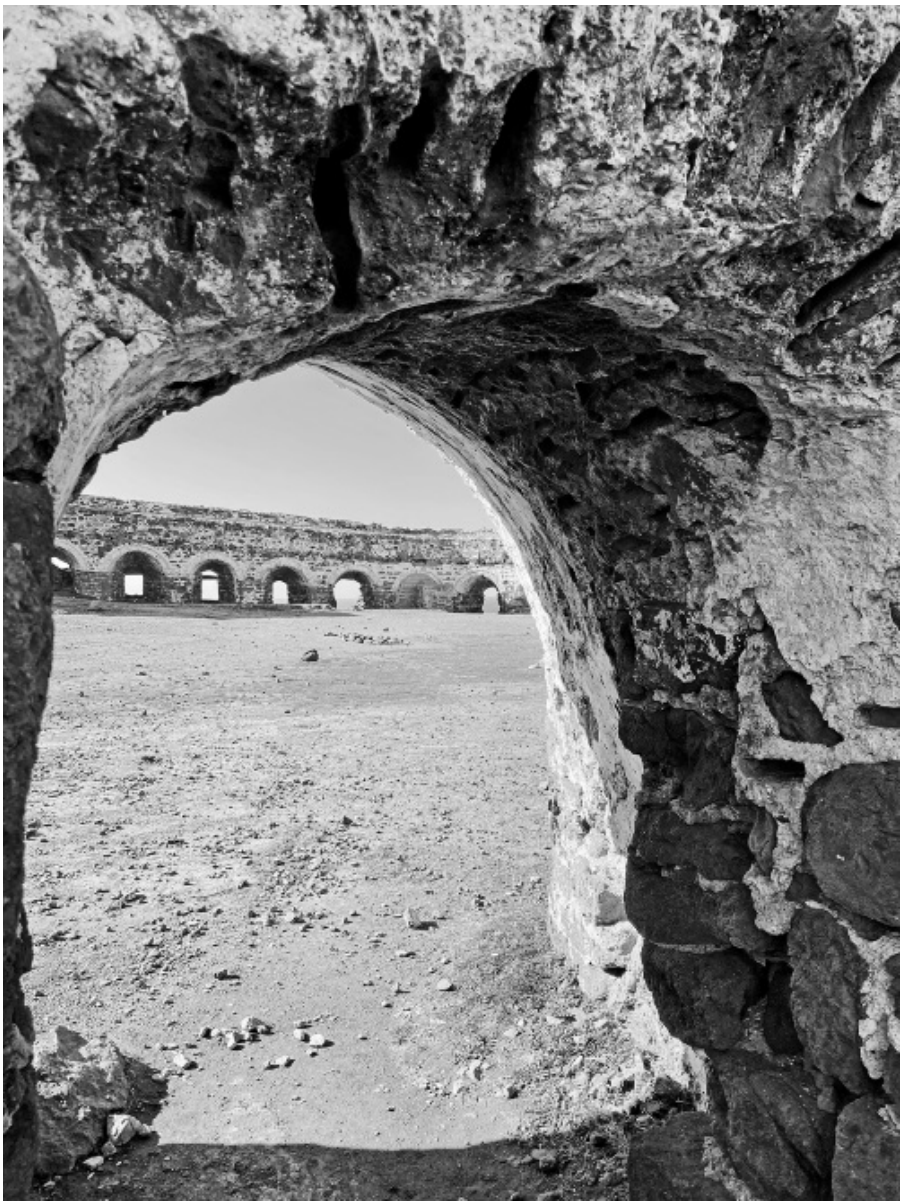
> Мимо меня проносились небоскребы Левента, густые заросли Белградского леса, который влек к себе руинами старинных храмов.

Я вспомнила шепот голосов в его бескрайних пущах – глухое эхо летало по развалинам церкви Святого Георгия, и теперь его отголоски будто настигали меня вновь.

Я вдавила педаль газа в пол и продолжила подниматься на север, к загадочной деревне Румели, стоявшей на месте слияния Босфора и Черного моря. Карта вела меня по извилистым неосвещенным улочкам спящего города. Я давно оторвалась от шумных центральных улиц, на которых был трафик в любое время суток, и теперь мой резвый «Санта Фе» бесстрашно рассекал плотный влажный воздух, что указывало на то, что я приближалась к проливу.

У пристани, как и обещала Айше, меня ждали. Тонкая фигурка с трудом удерживалась на ветру, крепко держась рукой за каменный парапет у самой воды. Она села в машину, и меня тут же обдало приятным запахом кофе – точь-в-точь как тот, что варила заботливая гречанка.

– Здравствуйте, я София, сестра Айше. Она говорила про вас так много. Поверните налево и все время езжайте прямо.



Мне показалось это странным, потому что Айше никогда не

упоминала о своей сестре, но я все же кивнула, чтобы дать понять, что и я о ней слышала не раз.

– У вас красивое имя, – сказала я. – Мою бабушку тоже так звали.

– Она была гречанкой?

Я раскрыла рот, чтобы ответить, но не успела. Перед нами неожиданно выросло невероятное сооружение, представлявшее собой хаотичное нагромождение гигантских камней. Яркая луна освещала это ни на что не похожее место. Софии понравилась моя реакция.

– Вы что, не знали, куда едете? О, тогда вам повезло вдвойне. Наверное, Айше любит вас сильно, раз отправила сюда. И меня еще оторвала от сна… – пожилая женщина, которая была намного моложе моей добродушной соседки, начинала по-старчески брюзжать, но быстро опомнилась. Я понимала, что этот ночной визит был ей абсолютно некстати, поэтому с благодарностью сносила любое недовольство.

Мы припарковались у металлической сетки, которая играла весьма сомнительную роль ограждения: повсюду в ней были вырезаны гигантские дыры – в любую из них я запросто могла пролезть, поэтому меня совсем не смутило, когда София, слегка наклонившись, перемахнула через небольшой порожек и вмиг оказалась по ту сторону забора. Я последовала ее примеру, и мы, осторожно ступая по мягкой земле, направились в сторону невероятной постройки.

> Снаружи это напоминало обычную груду валунов, которые когда-то стояли могучей стеной, но после были разрушены недюжинной силой землетрясения или пушечных ядер.

Исковерканные, неправильной формы камни беспорядочно лежали на безграничной равнине, упирающейся в море. Неожиданно небо осветилось: справа от нас заработал гигантский маяк.

– Он здесь давний страж, все стоит всем бурям назло. Видишь те скалы прямо у самого берега? – и она указала на острые глыбы, которые я с трудом разобрала во тьме. Они возвышались опасными пиками над бурлящими водами, разбрасывая пенные брызги в разные стороны.

– На эти скалы когда-то налетел корабль аргонавтов. Щепки его священной говорящей древесины упали на дно, окаменели, но до сих пор продолжают передавать волю богов. Если захочешь, сможешь послушать.

Если захочу? Я представила себе отважного Ясона с золотым

руном, который явственно появился в моем оживленном воображении, и от восторга, усиленного магией ночи, едва не захлопала в ладоши. Происходившее было невероятным. Я словно была героиней волшебного фильма, только, в отличие от кино, со мной все происходило на самом деле. Несколько раз посещали мысли, что я сплю, однако холод, пробиравший возбужденное тело, быстро убеждал в обратном, и я устремлялась за Софией, которая уверенным шагом приближалась к гигантским воротам полуразваленного сооружения впереди. Когда мы подошли к ним вплотную, мне показалось, что я почувствовала странное тепло, исходившее от поросших мхом камней.

– Ты должна знать, что это непростое место. И особенно в эту ночь, когда светила на небе сходятся так, как нам нужно, ты можешь постичь великую тайну. Но только если крепость впустит тебя в круг.

– А как мне понять это? И что за круг?

София направилась дальше, и стоило нам сделать несколько шагов, как перед нами открылась картина, от воспоминания о которой меня каждый раз будет бросать в приятную дрожь. Я всегда верила в волшебство. Скажем, мне не составляло никакого труда убеждать детей в том, что Дед Мороз существует, потому что это правда, ну разве нет? Я загадываю желания, когда падают звезды, потому что звезды исполняют желания – неужели кто-то в этом еще сомневается?

Была ли магической та ночь? Определенно да… В голубоватом свете жемчужной луны, увеличившейся в размерах на глазах, я увидела каменный круг, четко вырисованный бесконечными сводами арок, расходившимися от меня вправо и влево и сходившимися далеко впереди. В их проемах бушевала стихия Черного моря, мощным потоком впадавшего в довольно узкий Босфор: оно будто бы предупреждало его о своей силе, и пролив податливо принимал страстные потоки мутной воды, скрывавшей под своими пучинами столько тайн, сколько хватило бы на всю нашу необъятную Вселенную.

– Это магический круг крепости Румели. Много веков назад ее построили наши предки. В ее кладке замурованы окаменелости священного додонского дуба. Двенадцать раз в год крепость говорит с теми, кого впускает. Если она примет тебя, ты можешь спросить у нее все, что тебе вздумается, и она обязательно ответит.

– Я услышу чей-то голос? – Ну должна же я была понять оракульский механизм.

София в ответ лишь грозно посмотрела на меня, и в ее взгляде я тут же узнала Айшу и замолчала.

– Иди в круг, а я буду ждать тебя у машины.

– Мне нужно что-то делать?

Не знаю, что я имела в виду, спрашивая это. Ведь не собиралась же я в самом деле устраивать ритуальные пляски или разводить священный огонь, и все же той ночью меня ничто уже не могло удивить больше, чем то, что я уже увидела.

Спотыкаясь о крупные булыжники под ногами, устилавшие проходы старых стен, я направлялась в центр круга. На самом деле он оказался еще больше, чем выглядел.

> Я проходила мимо пугающих темнотой входов, за которыми скрывались холодные лабиринты и тайные помещения.

Не удержавшись, я нырнула в один из таких пролетов. Пройдя по узкому коридору, я вышла в зал идеальной круглой формы, освещенный так, будто в нем горело как минимум десять стовольтных ламп. Что за чудо? Я посмотрела наверх и ахнула: в кружащем голову куполе было отверстие, прямо над которым сияла луна, точно соответствовавшая его размеру. Она словно была одета в каменную ризу великолепной купольной кладки.

И вот я на месте. Оказавшись в центре круга, я почувствовала себя крупинкой вне времени. В тот момент вокруг не было пространства, не было высоты. Одно время, которое замерло в одночасье во всех эпохах одновременно. Оно затихло для того, чтобы услышать меня. Боялась ли я быть там совершенно одной? Определенно нет, потому что любой страх меркнет перед величием вечности – это я поняла той ночью, и теперь знаю, что страхи исходят из никчемности и примитивности, которой я окружала себя до этого. Мир оказался другим. Я будто прежде ходила по нему, освещая крохотным фонариком лишь небольшие его участки, и боялась всего остального, что пряталось в глубине. Но там, в центре крепости Румели, я нашла включатель, который осветил весь мой затуманенный мир.

Я плохо помню, о чем говорили со мной глухие голоса священных камней, о чем спрашивала их я и чего просила. Одно только знаю наверняка, что, возвращаясь обратно, я была твердо уверена в том, что я больше не буду роптать и сетовать на свое бессмысленное существование. Я знала, что ответ во мне. Именно так сказал голос. Да, эта фраза до боли банальна и входит в арсенал любого психолога-шарлатана, ничего не смыслящего в душевных терзаниях, но тогда она была для меня откровением.

Уже светало, когда я зашла в свою маленькую уютную квартирку. Девочки спали, даже не предполагая, что пережила

сегодня их ненормальная мама. Когда-нибудь я расскажу им об этом, и они, конечно же, поспешат в загадочную крепость Румели, если, конечно, она еще будет стоять к тому времени. А вдруг это всего лишь мираж, пристанище для страждущих душ? Ну, не настолько я плоха, чтобы не отличить священный камень от фантазийного.

Из кухни доносился запах домашней еды. Это было так кстати, ведь я не ела ничего уже почти двенадцать часов. Айше медленно помешивала предрассветную patatesli yumurta[97], которую так любила по утрам ее взыскательная хозяйка. Айше ничего не спрашивала и только хитро поглядывала в мою сторону.

– Я не знала, что у вас есть сестра, – почти шепотом сказала я ей.

– А я не знала, что ты вкусно готовишь. – И она показала на

почти пустую салатницу с бабаганушем, который я приготовила накануне.

Рецепт

Предрассветный бабагануш для гадальщицы Айше (нежнейшая закуска из баклажанов)

- ***4 больших баклажана***
- ***4 зубчика чеснока***
- ***100 г натурального йогурта***
- ***100 г измельченных грецких орехов***
- ***2 столовые ложки кунжутных семечек (или 1 столовая ложка тахини)***
- ***3 столовые ложки оливкового масла***
- ***1 столовая ложка лимонного сока***
- ***1 чайная ложка паприки***
- ***1 чайная ложка сахара***
- ***Соль и перец по вкусу***
- ***Сумах для украшения (по желанию)***

Эта нежнейшая закуска, которая лично мне больше напоминает салат, всегда присутствует на столе взыскательных стамбульцев. Они намазывают ее на лепешку или просто едят ложками. Иногда они решают не добавлять в нее йогурт и кунжутную пасту, и тогда это нежнейшее яство превращается в классическую patlıcan ezmesi[98]*– более скромное, но не менее вкусное.*

В течение двадцати минут я запекаю разрезанные вдоль баклажаны – 220 °C вполне достаточно, чтобы их сочная мякоть слегка притомилась и покрылась едва заметной корочкой. После остывания я аккуратно вычищаю ее ложкой и мелко рублю.

Дальше – проще. Добавляю к массе пропущенный через пресс чеснок, кунжутную пасту (ее можно сделать самостоятельно из слегка разогретых семян сезама в ступке или кофемолке) и йогурт. Подсушенные грецкие орехи также измельчаю в крошку и отправляю к баклажанам. Все хорошенько сдабриваю специями и тщательно вымешиваю, регулируя вкус. В самом конце добавляю сок лимона и оливковое масло – закуска тут же приобретает жемчужный оттенок, который прекрасно гармонирует со свежей зеленью при сервировке.

Айше-ханум обычно выкладывает ложку пасты на хрустящий лист айсберга и, закрыв глаза, наслаждается легким вкусом баклажанов, без которых жизнь в Стамбуле просто немыслима!

Было приятно, что хоть чем-то я смогла порадовать эту чудесную женщину. Еще недавно я плакала от одиночества, а теперь мне казалось, что рядом с ней одинокой быть просто невозможно. Такие люди, как Айше, вот уже год склеивали мою разваливавшуюся жизнь, как разбитый сосуд, который еще вполне может быть пригоден даже для ношения воды.

Айше перед уходом крепко обняла меня и прошептала на ухо:

– Мы все одинаково близки, кем бы ни приходились друг другу.

– Это тоже философия вашего кейфа?

Она закивала.

> – Уметь наслаждаться, когда ты одинок, намного сложнее, а значит, приятнее. Мы это знаем, поэтому так любим грустить.

– Ответ на все мои вопросы – во мне. Так сказал голос в крепости Румели.

– А я давно сказала тебе об этом. – Она тихонько засмеялась в кулачок. – Помнишь наше первое гадание на кофейной гуще?

Конечно же, я его не помнила… Ах, если бы я только могла перелистать прошедший год, как книгу, и заглянуть в ту главу, где Айше впервые заварила кофе по-фанариотски, я бы все поняла, но память, как обычно, играла со мной в свои бесчестные игры.

Прошло совсем немного времени после того, как я закрыла за Айше дверь, когда вдруг щелкнул замок, и на пороге я увидела того, кого так не хватало весь прошлый вечер.

– Я тебе звонила ночью, но телефон был выключен…

– Потому что я летел. Я заскучал и поменял билеты.

Я вспомнила о своем желании, которое несколько раз произнесла в стенах большого круга. Неужели оно могло так быстро исполниться?

Тогда я ни о чем не подозревала, но самому важному пророчеству священного замка уже суждено было произойти. Лучшее из предсказаний, какое я только могла получить, уже жило во мне, резвясь на моих гормонах и одаривая прекрасным аппетитом (пять заветных килограммов я так и не сбросила…). Третий самый ценный подарок мне приподнес прекрасный из городов, научивший любить жизнь так, как ее любят настоящие стамбульцы – порой шумные, порой печальные, но всегда непременно счастливые, потому что другими они быть не умеют…

Что я узнала о стамбульском кейфе (вместо послесловия)

Мой первый год в Стамбуле выдался на удивление насыщенным: едва ли не каждый день я встречала необычных людей, которые, к сожалению, смотрели на меня лишь как на чудачку. Они совершенно не замечали меня, так что стоило неимоверных усилий, чтобы заговорить с ними на понятном им языке и заставить поверить в то, что я своя и со мной можно делиться самым сокровенным. Под сокровенным я понимала исконные правила жизни коренных стамбульцев, которые так отличались от тех, кого я знала до этого. С каждым месяцем я приближалась все ближе и ближе к разгадке волновавшей меня тайны, связанной со стамбульским кейфом, ощущение которого

буквально парило в воздухе, и можно было дотянуться до него рукой.

В первые месяцы стамбульцы напоминали членов некоего тайного общества, в которое непременно хотелось попасть, но все попытки долгое время оставались лишь пустыми стараниями. И вот, двенадцать месяцев спустя, я могу сказать, что замок к сердцу прекрасного города поддался моему напору (не зря по гороскопу я упрямый Овен) – дверь скрипнула и медленно отворилась: загадочный и неизведанный мир поглотил меня целиком.

Жаль, что многое, о чем так хотелось рассказать на страницах этой книги, осталось «за кадром»: в неожиданно объявленный карантин я оказалась взаперти, лишенная даже крохотной возможности вернуться в те удивительные места, которые были достойны того, чтобы посвятить им целые главы. Хотелось рассказать о ночи с привидениями в палаццо генуэзца Гритти, о чайных секретах хитрого Осман-бея, о тайной библиотеке средневековых монахов, спрятанной под моим домом, и, наконец, о тринадцати неизвестных дверях, за которыми скрывается настоящий Стамбул. Но все попытки выскользнуть из европейского Бомонти, чтобы перекинуться парочкой слов с героями моих приключений, оканчивались неизменными штрафами, щедро выписываемыми жандармами. Воспоминания о первом годе в Стамбуле я писала в условиях строжайшего комендантского часа, внушавшего тоску и безысходность. Возможно, не будь я в Стамбуле, это привело бы к новой волне депрессии, но только не в этом городе. Теперь я умела легко погружаться в стамбульский кейф, наслаждаясь терпкими глотками густого турецкого кофе и воздушными хрустящими симитами, испеченными собственноручно.

Итак, мне потребовался год, чтобы понять, что стамбульцы счастливы, потому что:

1. Они знают, как избавиться от редеющей шевелюры, и легкопересаживают себе волосы в многочисленных клиниках города.

2. Они умеют гадать на кофейной гуще так, что все предсказания странным образом сулят им любовь, деньги и детей.

3. Они знают, как получать удовольствие от общения со стариками – для этого всего лишь нужно их искренне любить.

4. Они помешаны на детях, которые сидят у них на головах и кричат: «Лукум!»

5. Они хранят старые фотографии, потому что ценят настоящие воспоминания.

6. Они верят в любовь и остаются преданны ей, даже

состарившись.

7. Они умеют красиво грустить, потому что меланхолия дарит им чувство покоя и вечности.

8. Они умеют отдыхать без «всё включено». Главное, чтобы рядом были море и рыбаки со свежим уловом.

9. Они умеют смеяться над собою, погодой и пробками. Их комедийные сериалы – тому подтверждение.

10. Они умеют щедро делиться с теми, кто нуждается, и с теми, у кого все есть.

11. Они гостеприимно принимают каждого – даже странных «ябанджи», не умеющих отличить апельсин от мандарина (поверьте, таких здесь много).

12. Они уважают тех, кто когда-то изменил их мир к лучшему.

13. Они знают, как согреться зимой горячим салепом.

14. Они делят город с мохнатыми собаками и избалованными кошками, потому что о них больше некому заботиться.

15. Они верят в мифы и легенды, потому что в них верили их предки.

16. И, наконец, они любят вкусно поесть, потому что еда объединяет семьи и просто дарит радость.

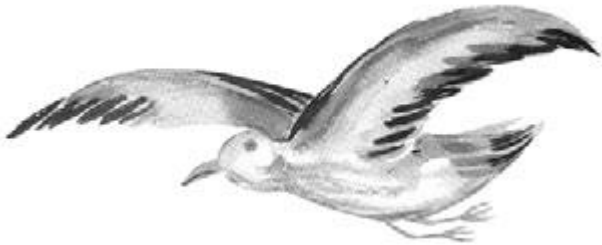
Все это – крохотные частички загадочного стамбульского кейфа, который я продолжу изучать, как только вырвусь на шумные улицы этого огромного города и окунусь в его нескончаемый водоворот гулких площадей и бесконечных лабиринтов узких улочек, пропитанных сладковатым запахом жареных каштанов.

Список рецептов, размещенных в этой книге

Менемен, или Идеальный стамбульский завтрак
Османский кофе по-фанариотски
Глазунья на берегу Босфора с розовощекой старушкой
Айва татлысы от амбициозного шефа по прозвищу Итальянец
Варенье из апельсиновой кожуры в кухне оперной примы
Жареные каштаны по-стамбульски
Домашний айран по рецепту соседки Эмель
Каридес гювеч, или Креветки по-османски для тех, кто впервые в Шиле
Рогалики с начинкой из маслин
Балык екмек под мостом Леонардо да Винчи
Мозаик паста без выпекания
Закуска «Хайдари» по рецепту веселого хозяина локанты
Баранина с портулаком по рекомендации феминистки Зейнеп
Локма для дедушки в потертой феске у мечети
Симиты для утра в хлопковом халате
Домашние пельмени (ev mantısı) с йогуртом
Зимний афродизиак «Горячий салеп»
Зимний чечевичный суп (мерджимек) под шум стамбульского

дождя

Предрассветный бабагануш для гадальщицы Айше



ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

ЛОГО
ЛОГОТИП ВАШЕЙ КОМПАНИИ НА ОБЛОЖКЕ
КНИГА О БИЗНЕСЕ
ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ПОЛЕЗНЫЙ И ИНТЕРЕСНЫЙ ТЕКСТ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ ДЛЯ КЛИЕНТОВ
ТЕКСТ ДЛЯ КЛИЕНТОВ НА ОБЛОЖКЕ

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

Трехдневный мир! (*тур.*). Это выражение часто используется стамбульцами для описания скоротечности времени.

2

Приятного аппетита, дочка! (*тур.*).

3

Чай в тонкостенном стакане грушевидной формы.

4

Мед со сливками (*тур.*).

5

Турецкий традиционный бублик.

6

Иностранка (*тур.*).

7

Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) – первый президент Турецкой Республики, реформатор и основатель современного турецкого государства.

8

Собор Лурдской Богоматери – грузинско-католическая церковь в районе Шишли (Бомонти). Построена в 1861 г.

9

Я не говорю по-турецки (*тур.*).

10

Присаживайся (*тур.*).

11

Kurukahveci Mehmet Efendi – известная марка турецкого кофе.

12

Турецкий кофе (*тур.*). Хотя кофе в Турции не произрастает, такое название применяется для обозначения особого типа заваривания кофейного напитка.

13

Бурак Озчивит – известный турецкий актер и манекенщик, обладающий многочисленной свитой фанаток.

14

Бута – традиционный миндалевидный узор у народов Востока. В Европе этот орнамент называется пейсли по названию шотландского города, в котором изготовлялись дешевые ткани с таким рисунком.

15

Ребенок, малыш (*тур.*).

16

Сераль – в странах Востока часть дворца, где проживали исключительно женщины.

17

Мезе – традиционный набор многочисленных турецких закусок, представленный маленькими порциями холодных и горячих блюд.

18

Дом мезе Туана (*тур.*).

19

Все мезе свежие? (*тур.*)

20

В буквальном переводе с турецкого – «зеница ока Босфора».

21

Завтрак, буквально «то, что до кофе» (*тур.*).

22

Сахан – традиционная турецкая сковорода для приготовления блюд из яиц.

23

Чаман – трава, часто используемая в составе приправ (карри, хмели-сунели и др.) То же, что и пажитник.

24

Кумин – приправа, обладающая пикантным вкусом и нежным ароматом. То же, что и зира.

25

Право (*тур.*).

26

Лево (*тур.*).

27

Аптека (*тур.*).

28

Традиционный стакан грушевидной формы.

29

Пей (*тур.*).

30

Апельсиновый сок (*тур.*).

31

Сок сладкий? (*тур.*)

32

Горло, пролив (*тур*.).

Булочная (*тур.*).

Кондитерская (*тур.*).

35

Здравствуйте (*тур.*)

Не трогать (*англ.*).

37

Традиционный еврейский квартал в европейской части Стамбула на западном берегу залива Золотой Рог.

38

Старое название венецианских и греческих кварталов, входящих сегодня в состав района Бейоглу в европейской части Стамбула.

39

Иностранец (*тур.*).

Доброе утро! Как ваши дела? (*тур.*)

Очень хорошо! (*тур.*)

42

Сестра (*тур.*). Вежливое обращение к девушкам в Турции.

43

Абдул-Хамид (1842–1918) – султан Османской империи, последний самодержавный правитель.

44

Американский тележурналист, ведущий популярного ток-шоу.

Апельсиновое варенье (*тур.*).

Душа моя (*тур.*).

Апельсиновый сок (*тур.*).

48

Михаэль Тонет (1796–1871) – немецкий и австрийский краснодеревщик; основатель фирмы «Братья Тонет», специализировавшейся на изготовлении венской мебели путем выгибания дерева.

49

Парикмахеры (*тур.*)

50

Популярные мотороллеры итальянского концерна «Piaggio». Производятся с 1946 года.

51

Локанта – небольшой ресторанчик-столовая в Турции, в котором работают, как правило, члены одной семьи.

52

Кюнефе – традиционный турецкий десерт из специального нитевидного теста кадаиф с пресным сыром внутри, пропитанного сахарным сиропом.

53

Хараре́т – парная комната в хамаме.

54

Ортакёй – исторический район в Стамбуле, расположенный посередине европейского берега пролива Босфор. До середины XX века в районе проживали многочисленные общины греков, евреев и армян.

55

Жареные каштаны (*тур.*).

56

Плоская сдобная булочка, обычно с сыром и маслинами.

57

Крепостные стены, воздвигнутые для защиты Константинополя при императоре Феодосии II в начале V века.

Греческая школа (*тур.*)

59

Пятизвездочный отель в Стамбуле, расположенный в здании османского дворца XIX века.

60

Хогвартс – учебное заведение волшебников из книг о Гарри Поттере Джоан Роулинг.

61

Димитрий Кантемир (1676–1723) – светлейший князь России и Священной Римской империи, господарь Молдавского княжества, российский сенатор и тайный советник, член Берлинской академии наук.

62

Netflix – американская развлекательная компания (основана в 1997 г.), производящая и поставляющая десятки тысяч фильмов, сериалов и телепередач.

63

Орхан Памук – современный турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии в области литературы.

64

Вымышленный францисканский монах, главный герой романа Умберто Эко «Имя розы» (1980).

65

Популярная детская песня о семействе акул.

Хиле на греческом означает «губы» – по аналогии с узкой полоской берега, пригодной для причаливания.

67

Блюдо, которое традиционно готовят из морепродуктов и овощей на чугунной сковороде или в керамической кассероли (*тур.*).

68

Ориентализм – направление в искусстве, основанное на подражании Востоку во всех его проявлениях.

69

Рулеты с оливковой начинкой (*тур.*).

Рыба в хлебе (*тур.*). Традиционный стамбульский фаст-фуд.

71

Decca – торговая марка первых в мире портативных граммофонов английской компании «Barnett Samuel and Sons».

72

«Рондо в турецком стиле» – фортепианная соната № 11 Вольфганга Моцарта.

73

Любая женщина способна дурачить мужчину, если она этого желает и если он в нее влюблен. А. К. (*англ.*).

74

Цитата Агаты Кристи.

75

Мозаичный торт (*тур.*).

Простите, здесь есть парикмахерская? (*тур.*).

Есть! Есть! (*тур.*)

78

Латифе Ушаклыгиль (1898–1975) – жена первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка. Отличалась прогрессивными взглядами на роль женщин в обществе. Была одной из первых женщин, рискнувших надеть брюки в публичном месте.

79

Традиционные мясные котлетки в турецкой кухне.

80

Жирная трава (*тур.*).

81

Мама (*тур.*).

82

Названия турецких профессиональных футбольных клубов.

83

Мастер (*тур*.).

Добро пожаловать (*тур*.).

Пятьсот! (*тур.*).

86

«Лучшее предложение» (2013) – фильм итальянского режиссера Дж. Торнаторе об истории любви и обмана в мире дорогих художественных аукционов и антиквариата.

Тутовый пекмез (*тур.*).

88

Популярные в Турции котлеты из булгура, мясного фарша и грецкого ореха.

89

Домашние пельмени, манты (*тур.*).

90

Популярный среди молодежи клубный ресторан в Стамбуле.

91

Чарльз Лэм (1775–1834) – английский поэт, публицист эпохи романтизма, один из крупнейших мастеров жанра эссе в истории английской литературы.

Сестра, я здесь! (*тур.*).

93

Суп из красной чечевицы (*тур*.).

Кошка (*тур*).

95

Тонкая лепешка с мясом и овощами, скрученная в рулетик.

96

Балетный термин, обозначающий приседание или полуприседание на одной или двух ногах.

97

Яичница с картошкой (*тур.*).

Баклажановая паста (*тур.*).